

Маргарет Митчелл

НЕСЕННЫЕ
ВЕТРОМ

ТОМ 1

Маргарет Митчелл
Унесенные ветром. Том 1

«Центрполиграф»

1936

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Митчелл М.

Унесенные ветром. Том 1 / М. Митчелл — «Центрполиграф»,
1936

ISBN 978-5-227-09662-3

Действие одного из самых знаменитых бестселлеров американской литературы происходит в 1860-х годах во время и после гражданской войны в южных штатах США. С началом военных действий жизнь юной Скарлетт О'Хара и ее семьи круто меняется: вместо пышных балов и светских раутов – разрывы снарядов, свист пуль, гибель друзей и близких. Эшли Уилкс – мужчина, которого Скарлетт страстно любит, женился на другой, ушел сражаться и пропал без вести. Ее дом разграблен, слуги разбежались, но молодая женщина находит выход из любой ситуации, проявляя редкую стойкость и жизнелюбие. Эти ее качества стали примером и вдохновением для многих американцев. Роман стал невероятно популярен, он был удостоен Пулитцеровской премии, переведен на 37 языков мира, разошелся тиражом свыше 30 миллионов экземпляров и постоянно переиздается.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09662-3

© Митчелл М., 1936
© Центрполиграф, 1936

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Маргарет Митчелл

Унесенные ветром. Том 1

© Перевод, «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Часть первая

Глава 1

Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины, попавшие во власть ее чар, этого не видели – как и случилось с близнецами Тарлтон. Тонкий аристократизм матери, француженки по происхождению, необыкновенно остро переплелся в ней с грубоватой жизненной силой отца – ирландца. Это лицо – широкоскулое, с упрямой четкой линией подбородка – захватывало с ходу. Прозрачные глаза, чуть приподнятые к вискам, светились чистой зеленью сквозь частый лес черных ресниц. Густые черные брови косо перечеркивали белизну лба. Скольких хлопот требует от южанки такая белая, как лепесток магнолии, кожа! Зонтики, вуалетки, перчатки – лишь бы уберечь ее от палящего солнца Джорджии.

А в тот чудесный апрельский день 1861 года Скарлетт смотрелась просто картинкой. Она сидела вместе с Брентом и Стюартом Тарлтонами на веранде отцовского дома в «Таре», нежась в прохладной тени. На ней было новое муслиновое платье, зеленое, в цветочек, и новенькие туфельки без каблуков, точно в тон платью, недавно купленные отцом в Атланте. Двенадцать ярдов муслина волной вздымались на обручах юбки, а лиф прекрасно обрисовывал талию, утянутую до семнадцати дюймов – самую тоненькую на три графства, и грудь, вполне зрелую для ее шестнадцати лет.

Однако при всей благопристойности необъятных юбок, скромности гладко убранных в шиньон волос и спокойствии беленьких ручек, чинно сложенных на коленях, ее истинную натуру скрыть было невозможно. В зеленых глазах на хорошеньком личике буйствовала жизнь, они явно своевольничали и никак не сочетались с этой чопорной позой. Манеры были привиты нежной матушкой и непреклонной блюстительницей нравов негритяжкой-няней; а вот глаза – глаза были ее собственные.

По обе стороны от нее на веранде расположились, болтая, посмеиваясь и шурясь на солнце веселыми и чуть надменными глазами, девятнадцатилетние братья Тарлтон. В высоких, до колен, сапогах, в одинаковых голубых куртках и песочного цвета бриджах, крепкие, плечистые и рослые – шесть футов два дюйма, рыжие и загорелые, они были похожи, как две коробочки хлопка.

На дворе, за стеклами веранды, в косых лучах предзакатного солнца сияли белой кипенью кусты кизила в цвету, осыпая лепестки на молодую траву. У подъездной дорожки стояли привязанные за поводья лошади братьев – крупные мощные гнедые кони, под стать хозяевам. Под ногами у лошадей юлили, огрызаясь, гончие – эта свора вечно носилась за близнецами, куда бы они ни скакали. А поодаль, в гордом одиночестве, как приличествует аристократу, лежал пятнистый далматин, устроив морду на лапы и терпеливо дожидаясь, когда парни соберутся домой, ужинать.

Между собаками, лошадьми и братьями существовала некая родственная связь, более глубокая и потаенная, нежели простое совместное времяпрепровождение. В чем-то они все были схожи – молодые, здоровые, бездумные, красивые; и парни такие же горячие, как их кони, горячие и порой опасные, но при всем при том очень даже покладистые в руках у того, кто умел с ними обращаться.

Троицу на веранде ожидала покойная плантаторская жизнь, с малых лет они не знали забот, для них все, то есть абсолютно все, делалось как бы само собой. И однако же, в их облике не замечалось ни вялости, ни особой даже мягкости. Им всем была присуща живость, энергия и смекалка сельского люда, привыкшего к постоянному общению с землей и не слишком перегружающего свои мозги всякой там книжной ерундой. Графство Клейтон существовало в

северной Джорджии не так давно, общество тут было новое и, по стандартам Огасты, Саванны и Чарлстона, довольно неотесанное. Южные районы, старые, остепенившиеся, воротили нос от выскочек новичков; но здесь, в северной Джорджии, отсутствие лоска, получаемого с классическим образованием, не считалось зазорным, лишь бы мужчина знал толк в том, что действительно важно. А важным признавалось следующее: выращивать хороший хлопок, крепко сидеть в седле, метко стрелять, легко танцевать, красиво ухаживать за дамами и пить не пьянея, как подобает джентльмену.

В этих науках близнецы преуспевали отлично, равным образом выказывая прямо-таки выдающуюся неспособность усвоить хоть что-нибудь, скрытое под обложкой книги. По части денег, лошадей и рабов их семья была самой богатой в графстве; но вот по части школьной премудрости мальчишки уступали, можно сказать, распоследнему бедняку.

Собственно говоря, как раз по этой причине близнецы и проболтались целый день на веранде «Тары». Их только что исключили из университета – в четвертый уже раз за два года. Старшие братья, Том и Бойд, тоже каждый раз возвращались домой, отказываясь от пребывания в стенах заведения, где так плохо принимали младших. Свое последнее отчисление Стюарт и Брент рассматривали как забавную штуку, и Скарлетт вместе с ними, поскольку сама за весь год – с тех пор, как закончила женскую школу в Фейетвилле, ни одной книги по собственной воле не раскрывала.

– Я понимаю, что вас это не печалит, да и Тома тоже, – говорила она. – А как же Бойд? Он ведь вроде бы собирался стать образованным? А вы его то и дело выдергиваете из университетов – и в Виргинии, и в Алабаме, и в Южной Каролине, а теперь и в Джорджии. Если так дальше пойдет, он останется недоучкой.

– А-а, – беззаботно отмахнулся Брент, – читать законы в конторе у судьи Пармели в Фейетвилле он и так сумеет. Да и подумаешь, важность какая: мы бы все равно приехали домой до окончания семестра.

– Почему?

– А война-то, гусыня! Война может начаться в любой день! А мы, по-твоему, будем торчать в колледже, когда тут война?

– Никакой войны не будет, и вам это прекрасно известно, – назидательно-нудным тоном произнесла Скарлетт. – Вон только на прошлой неделе приезжали Эшли Уилкс с отцом, и они говорили папе, что наши представители собираются в Вашингтон, чтобы... чтобы это... как его... ну, заключить полюбовное в общем соглашение с мистером Линкольном. Насчет Конфедерации. В любом случае янки испугаются воевать с нами. Все. Точка. Войны не будет, мне надоело слушать про нее.

– Что значит – не будет войны? – Близнецы загалдели разом, возмущаясь, словно их провели, как младенцев.

– Знаешь что, прелесть моя, войны не миновать, – авторитетно заявил Стюарт. – Может быть, янки и боятся нас, да только после того, как генерал Борегард отделал их у Форт-Самтера, им ничего не остается, кроме как сражаться или праздновать труса перед всем светом. Ну а Конфедерация...

Скарлетт изобразила крайнюю скуку и перебила его:

– Вот только заикнитесь еще разочек про войну – я уйду в дом и захлопну дверь. Ничего более унылого в жизни не слышала, чем разговоры о войне и еще об этом самом «отделении». Папа толкует об этом с утра до ночи, и все, кто к нему заезжают, трубят о Форт-Самтере, Эйбе Линкольне и правах штатов. И мальчишки тоже только об этом – о войне и о своем эскадроне. Я скоро взвою от скуки! За всю весну не было ни одной веселой вечеринки, ни одной! Потому что мальчишки не способны говорить ни о чем другом. Я страшно рада, что Джорджия подождала со своим «отделением», пока не прошло Рождество, а то бы и рождественские праздники были испорчены! Значит, так: если вы опять скажете слово «война», я ухожу.

Она бы именно так и поступила, потому что совершенно не переносила бесед, в которых не могла главенствовать. И однако, при суровых сих словах она улыбалась, поигрывая ямочкой на щеке и трепеща длинными ресницами, как бабочка крылышками. Цель была достигнута – мальчики восхитились и наперебой стали извиняться за доuku. Ей неинтересно? Ну что ж, от этого она нисколько не пострадала их глазах. Даже наоборот: ведь война – это работа мужская, она не для леди, и такое отношение они восприняли просто как доказательство ее совершенной женственности.

Отвлекая мальчиков от нудной темы, Скарлетт вернулась к более занимательному вопросу:

– А что сказала ваша матушка по поводу вашего очередного исключения?

– Ну-у, – протянул Стюарт, – она еще не успела ничего сказать. Мы с Томом слиняли из дому с утра пораньше, пока она не встала. Том залег где-то у Фонтейнов, а мы вот приехали сюда.

– А вчера вечером, когда вы только заявили?

– Вчера вышло удачно. Как раз перед нашим приездом доставили нового жеребца, мама купила его на прошлом месяце в Кентукки, ну и все были в запарке. Знаешь, здоровенный такой зверюга – отличный конь, ты бы сказала отцу, Скарлетт, пусть приедет взглянуть. Да, так он еще в дороге куснул своего конюха, а на станции в Джонсборо чуть не затоптал двоих маминих черных. В общем, привели его в конюшню, а он давай крушить денник, и Землянике досталось, это мамин старый жеребец. Входим мы в дом, а мамы нет, она на конюшне, успокаивает его. Представляешь, черные повисли от страха на стропилах, глаза на лоб, а она стоит себе и разговаривает с ним, как с человеком, а он кормится сахаром у нее с ладони. Больше никто так с лошадьми не умеет, как наша мама. Тут она видит нас и говорит: «Силы небесные, вы все вчетвером опять дома! Да вы хуже казни египетской!» А жеребец сразу всхрапнул и на дыбы. Она тихонечко так, ласково мурлычет: «Живо все отсюда! Не видите – он нервничает, голубчик ты мой, красавец, красавец. А вас четверых я завтра буду обхаживать». Так что мы пошли спать, а с утра умотали, Бойда только оставили на расправу.

– Думаете, она поколотит Бойда?

Для Скарлетт, как и для всего графства, было непостижимо, что маленькая миссис Тарлтон держит в страхе своих рослых сыновей, да еще и достает их стеком при всяком удобном случае. Беатрис Тарлтон, имея на руках хлопковую плантацию, сотню негров и восемь детей, а также самую большую в штате коннозаводческую ферму, была вся в делах и заботах и нрав свой горячий не сдерживала. Правда, стегать лошадей или рабов в ее владениях не дозволялось никому, но от милых шалостей своих сынишек она просто сатанела и потому пребывала в твердом убеждении, что чем чаще их пороть, тем лучше для пользы дела.

– Бойда она бить, конечно, не станет. Она его и никогда-то не драла особенно, из-за того что он старший, а кроме того – недомерок, самый мелкий в нашем выводке. – Стюарт ухмыльнулся с высоты своих шести с лишним футов: – Мы потому его и оставили, пусть объяснит ей, что к чему. Пора бы уж маме перестать нас наказывать! Нам по девятнадцать лет, а Тому двадцать один, а она с нами как с малолетками.

– И что же, завтра на барбекю к Уилксам ваша матушка прискачет на этом новом коне?

– Она бы и хотела, да папа говорит, конь чересчур горячий, опасно. И девочки ей не дадут. Решили, что надо ей хоть раз в жизни выехать в общество, как полагается леди, в экипаже.

– Надеюсь, завтра обойдется без дождя, – светским тоном заметила Скарлетт. – А то всю неделю льет чуть не каждый день. Хуже нет переносить барбекю в дом.

– Нет, завтра солнце будет жарить, как в июне. Посмотри на закат, – Стюарт повел головой, – никогда не видывал краснее. Погоду всегда можно определить по закату.

На горизонте, за бескрайними землями Джералда О'Хара, вполнеба плавился малиновый закат. Солнце опустилось куда-то в холмы за Флинт-Ривер, и сквозь тепло апрельского дня вдруг потянуло легкой, но вполне ощутимой, даже знобкой прохладой.

Весна в тот год настала ранняя, с частыми теплыми дождями и внезапным буйным цветением кизила и персиков, бело-розовыми звездами мерцающих над темным разливом реки и на дальних холмах. Уж и плантации почти все были вспаханы, а пунцовое великолепие заката придавало свежеподнятым пластам красной почвы еще более насыщенные оттенки.

Влажная, голодная, взрытая плугом земля ждала посева – розовая на гребнях пластов, алая и темно-бордовая в глубине борозд. Белый плантаторский дом стоял островком в красном бушующем море, среди извивающихся, кружащих спиралью валов, вдруг застывших в момент взлета. Здесь не увидишь ни одной длинной прямой борозды, какие тянутся вдоль желтых глинистых полей на равнинах средней Джорджии или в вязком черноземе побережья. Этот холмистый край распахивали причудливыми загогулинами, чтобы уберечь плодородный слой от смывания в речную пойму.

На здешних варварски красных землях, прямо-таки кроваво-красных после дождя, а в сушь покрытых желтой тончайшей пылью, родился самый лучший хлопок.

Это был милый край белых особняков, мутных желтых рек и мирных возделанных полей, но и край, где сходятся противоположности, край ярчайшего, ослепительного солнца и наиплотнейших теней.

Расчищенные плантации и мили хлопковых полей улыбались солнышку, благодушные и самодовольные. А по бокам стояли леса, густые, темные и холодноватые даже в полуденную жару, таинственные и несущие смутную угрозу. Здесь высокие сосны тихо вздыхают на ветру и что-то бормочут в вековечном своем терпении, что-то похожее на предостережение: «Берегитесь... Берегитесь... Тут было все наше когда-то... Мы можем опять забрать вас себе...»

Пока сидящая на веранде троица созерцала закат, со двора стали доноситься вечерние звуки: утробные вздохи скота, позвякивание упряжи и визгливый беззаботный смех негров; это работники и мулы возвращались с полей. Где-то в доме раздался мягкий голос Эллен О'Хара, матери Скарлетт, – она кликнула черную девчушку со связкой ключей. Звонкий детский голосок тут же ответил: «Да-мэм!» – и торопливые ножки затопотали к задней двери и дальше, во двор, к коптильне, где Эллен будет выдавать провизию работникам. В недрах дома возникли другие звуки – слуга и дворецкий Порк доставал посуду и столовое серебро, накрывал на стол к ужину.

Эти домашние шумы ясно дали понять братьям, что пора и честь знать. Но они не горели желанием предстать перед своей матушкой и потому всячески тянули время, ожидая, что Скарлетт вот-вот пригласит их отужинать в «Таре».

– Послушай-ка, Скарлетт, – сказал Brent. – Я насчет завтра. Если нас тут не было и мы не знали про барбекю и про бал, это же не значит, что нам нельзя потанцевать вволю. Ты ведь не все танцы обещала? Или все?

– Конечно все! Откуда мне было знать, что вы явитесь? Я бы рисковала стать вечным украшением стены, если б дожидалась вас!

– Ты-ы? Ты – украшение стены? – И братья от души расхохотались.

– Знаешь что, радость, – опять заговорил Brent, – первый вальс ты должна отдать мне, а последний – Стью, а за ужином будешь сидеть с нами. Сядем у лестничной площадки, как в прошлый раз, и пусть мамми¹ Джинси опять нам погадает.

– Мне не нравится гадание Джинси, – заявила Скарлетт. – Знаете же, она мне предсказала выйти замуж за джентльмена со ггуче-черными волосами и длинными черными усищами. А я не люблю темноволосых джентльменов.

¹ Мамми – няня-негрятанка. (Здесь и далее примеч. ред.)

– А-а, ты любишь рыжих, правда, радость? – усмехнулся Брент. – Ну, раз так, давай нам все вальсы и ужин.

– Если пообещаешь, мы тебе откроем секрет, – добавил Стюарт.

– Какой? – Скарлетт сразу подскочила, как ребенок.

– Это ты о том, что мы узнали вчера в Атланте, да, Стью? Но мы ведь обещали не болтать.

– Ну и что. Нам-то мисс Питти сказала.

– Какая мисс?

– Да эта, из Атланты, кузина Эшли Уилкса и тетка Чарли и Мелани Гамильтон. Ты ее знаешь, мисс Питтипэт Гамильтон.

– А, знаю, ужасно глупая старая дама. Противней в жизни не встречала.

– Ну и вот, стоим мы вчера на вокзале в Атланте, ждем поезда, а она катит мимо. Увидела нас и остановилась. То-се, слово за слово, ну она и говорит, что завтра вечером на балу будет объявлено о помолвке.

– Тоже мне секрет! – Скарлетт была разочарована. – Да всякий знает, что они когда-нибудь поженятся, этот простофиля Чарли и Душечка Уилкс. Только он, по-моему, не особенно к этому рвется.

– Значит, на твой взгляд, он простофиля? – встрял Брент. – А на Рождество так ты очень даже позволяла ему ухлестывать за тобой.

– Я его не поощряла. – Скарлетт небрежно повела плечиком. – Он просто сюсюкалка какая-то.

– А это вовсе и не его помолвка! – победно заявил Стюарт. – Это его сестра, мисс Мелани, выходит за Эшли!

Скарлетт в лице не переменилась, только губы побелели, как бывает, когда человек внезапно получает сильный удар и в момент потрясения не осознает еще, что произошло. Она молча таранилась на Стюарта, вот он и решил, поскольку никогда в таких материях не разбирался, что она просто сильно удивилась и заинтересовалась. И, довольный собой, стал развивать тему:

– Мисс Питти говорит, они собирались потянуть с этим делом до будущего года, потому что мисс Мелли не совсем здорова. Но со всеми этими слухами о войне обе семьи подумали, что лучше уж поженить их поскорее. Поэтому оглашение и состоится завтра вечером. Ну, Скарлетт, мы тебе открыли тайну, за это ты обещаешь сидеть с нами?

– Да, конечно, – машинально отозвалась Скарлетт.

– И все вальсы?

– Все.

– Ты чудо! Спорим, все парни с ума посходят.

– И пусть. Вдвоем мы с ними сладим. – Брент опять закинул удочку: – Слушай, а давай ты сядешь с нами и утром за барбекю?

– Чего?

Брент просьбу повторил.

– А, ну конечно.

Близнецы посмотрели друг на друга торжествующе, но и с некоторым удивлением. Хоть они и считали себя на положении любимых ее ухажеров, однако никогда еще им не удавалось добиться от нее стольких знаков благосклонности – и так легко. Обычно она заставляла долго себя просить и умолять, могла выпроводить, не говоря ни да ни нет, смеялась, если они дулись, и делалась невозмутимой, когда доводила их до белого каления. А тут им достался практически весь завтрашний день – они будут вместе за барбекю, все вальсы она танцует с ними (а они уж позаботятся, чтобы вообще все танцы были вальсы), да еще и ужин! Ради этого стоило расстаться с университетом.

Упоенные небывалым успехом, они теперь уж совсем расхотели уходить, все говорили и говорили – о барбекю, о вечеринке, об Эшли с Мелани, перебивали друг друга, острили, смеялись собственным шуткам и прямо, в открытую набивались на ужин. Потребовалось какое-то время, чтобы до них дошло, что Скарлетт в разговоре почти не участвует. Атмосфера изменилась, в чем именно – близнецы не уловили, но сияние дня для них померкло. Девушке, похоже, вообще не было дела до того, что они там говорят; впрочем, отвечала она всегда к месту. Ощущая неладное и не понимая, в чем суть, досадуя на себя за это, братья еще поупрямились немного и нехотя поднялись, поглядывая на часы – вроде бы пора, время двигаться.

Последние лучи солнца лежали на свежевспаханной земле, из-за реки темной громадой надвигался лес. Ласточки металась вокруг крыши, суматошно устраивались на ночлег куры, важно вышагивали надменные индюки, следом торопились вперевалку толстые утки.

– Джи-имс! – крикнул с крыльца Стюарт.

Из-за дома тут же выскочил и помчался к лошадям высокий черный парень, личный слуга близнецов, их ровесник. Как и собаки, он сопровождал братьев повсюду. В детстве Джимс играл вместе с хозяйскими детьми, а когда близнецам исполнилось десять лет, его подарили им на день рождения.

Гончие при виде Джимса поднялись из теплой красной пыли и стояли наготове, поджидая хозяев. Братья откланялись, напомнили Скарлетт, что будут с утра пораньше ждать ее в имении Уилксов, сбежали с крыльца, вскочили в седла и пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, взмахнув на прощание шляпами.

За поворотом дороги, у зарослей кизила, откуда «Тара» была уже не видна, Brent остановил свою лошадь. Стюарт тоже придержал. Позади, на некотором расстоянии остановился Джимс. Лошади, не чувствуя поводьев, вытянули морды книзу и принялись пощипывать нежную весеннюю травку. Привычные ко всему собаки сразу же плюхнулись в мягкую пыль посреди дороги, неотрывно следя глазами за мельканием ласточек в прозрачных сумерках. На широкой простодушной физиономии Brentа ясно читалось, что он в полном недоумении и порядком оскорблен.

– Послушай, – сказал он брату, – ты не находишь, что могла бы она и пригласить нас к столу?

– Вообще-то конечно. Я все ждал, что она попросит нас остаться, а она нет. Ну и что такого особенного?

– Да ничего. Просто, на мой взгляд, все к тому шло. В конце-то концов, мы первый день как приехали, давно не виделись и поговорить было о чем.

Стюарт призадумался.

– Мне показалось, она была очень довольная, когда мы появились.

– Вот и мне тоже, – кивнул Brent.

– А потом, с полчаса назад, что-то попритихла, вроде голова разболелась.

– Я заметил, но не придавал этому значения. И что ее томило, как думаешь?

– Не знаю. Может, мы что-то не то лягнули, а она и разозлилась?

С минуту они молча размышляли. Brent сдался:

– Ничего в голову не идет. А кроме того, Скарлетт уж если бесится, то бесится. Все сразу видят. Не носит в себе, как некоторые.

– Что мне в ней и нравится, – сказал Стюарт. – Она не будет ходить вокруг да около и тихо тебя при этом ненавидеть, выскажет все в глаза. Значит, мы что-то брякнули или сделали такое, отчего она примолкла и выглядела как больная. Ведь вначале, могу поклясться, она обрадовалась и нацелилась оставить нас на ужин.

– А вдруг из-за того, что нас исключили?

– Да нет же, черт побери! Не валяй дурака. Посмеялась просто, когда мы сказали, вот и все. Скарлетт ценит образованность не больше, чем мы с тобой.

Брент повернулся в седле и окликнул негра:

– Джимс!

– Да, маса.

– Ты слышал, о чем мы говорили с мисс Скарлетт?

– Чевой-то вы, саа, миста Брент! Как вам в голову-то взбрело? Чтоб я, я-а... да шпионил за белыми?!

– Шпионил, слова-то какие, господи боже! Вы, черные, всегда знаете, что к чему. Ты врун, я своими глазами видел, как ты бочком-бочком обогнул веранду и притулился на корточках за кустом жасмина. Ладно, говори давай, что мы такое сказали, что могло рассердить мисс Скарлетт или сильно ее обидеть?

Раз уж его призвали в свидетели, Джимс перестал прикидываться и сделал брови домиком:

– Не-а, маса, я особо ничего не заметил, она, типа того, была довольна, ясное дело, сучала без вас, вот и заливалась птичкой до тех самых пор, пока вы не сказали про миста Эшли и мисс Гамильтон, что они поженятся. А тогда она и затихла, как птичка, завидя ястреба.

Близнецы переглянулись и кивнули, правда без проблеска понимания. Стюарт сказал:

– Джимс прав. Хотя я все равно не могу разобраться, что ее зацепило. Бог ты мой! Да Эшли ничего для нее не значит, так, приятель. Уж по нему-то она с ума не сходит. Это от нас с тобой она без ума.

Брент согласно кивнул и выдвинул новую версию:

– А предположим, она взбеленилась на Эшли, что про оглашение он не сказал ей первой, до того как узнал кто-то другой? Старый друг называется. Девчонки из кожи вон лезут, хотят такие вещи знать раньше всех.

– Все может быть. Ну и что с того, если он ей не говорил про оглашение? Наверное, хотели сделать сюрпризом. Человек имеет право помалкивать про свое обручение, нет разве? Мы бы тоже не узнали, если б тетка мисс Мелли не проболталась. Но вообще-то Скарлетт должна была знать, что когда-нибудь они поженятся. О чем речь: уж сто лет всем известно, что у Гамильтонов с Уилксами такой порядок – браки между двоюродными. Каждому ясно, в один прекрасный день он женится на мисс Мелли, точно так же как Душечка Уилкс выйдет за брата мисс Мелли, за Чарли.

– Все, сдаюсь. Жалко, правда, что нас не пригласили поужинать. Я зарекся слушать, как мама скорбит по поводу нашего исключения. Можно подумать, что в первый раз.

– Ну уж к вечеру-то Бойд наверняка ее утихомирил. Знаешь ведь, как у него язык подвешен, у хитреца. Он всегда сумеет с ней сладить.

– Он-то сумеет, но ему нужно время. Бойду придется морочить ей голову, пока она не запутается вконец и не велит ему побереечь голос для адвокатской практики. А он небось еще и не разошелся как следует. Спорим, мама с этим новым жеребцом даже не поняла, что мы дома. Поймет только за ужином, когда заприметит Бойда. И весь ужин будет полыхать огнем. До десяти часов он не получит шанса втолковать ей, как это недостойно для Тарлтона – оставаться в колледже, после того как ректор позволил себе обойтись таким образом с ее младшими. И наступит полночь, когда он обернет ее гнев против ректора, и она спросит, а почему, собственно, он не пристрелил этого самодура. Нет, раньше полуночи нам дома появляться нельзя.

Братья понурились. Их не пугали горячие дикие кони, шумные драки и разгневанные соседи; но они совершенно терялись перед выволочками, какие им устраивала их пронзительно-рыжая матушка, и перед ездовым хлыстом, которым она не стеснялась прохаживаться по их бриджам.

– А давай поедем к Уилксам, – встрепенулся Бойд. – Эшли и девочки обрадуются, у них и поужинаем. Ты как?

Стюарт отвел глаза:

– Не стоит. Там суматоха, приготовления к барбекю... и потом...

– Ой, я и забыл совсем, – поспешно сказал Брент. – Да, туда нам лучше не соваться.

Стюарт покраснел так, что стало видно сквозь темный загар. Они тронули лошадей и некоторое время ехали дальше в молчании.

До прошлого лета Стюарт ухаживал за Индией Уилкс – с одобрения обоих семейств и целого графства. Все вокруг считали, что холодная и сдержанная Индия может оказать благотворное воздействие на неукротимого Стюарта. Во всяком случае, горячо на это надеялись. Может быть, партия и составила бы, но это совсем не удовлетворяло Брента. Индия, на его взгляд, была девица неплохая, но чересчур очевидная и ручная, и сам он никакими силами не смог бы в нее влюбиться, даже ради Стюарта. Первый раз в жизни интересы близнецов разошлись, и Брента очень задевало, что брат волочит за такой серенькой мышкой.

И вот прошлым летом в дубовой роще Джонсборо им неожиданно открылось, что на свете есть Скарлетт О'Хара. Они знали ее всю жизнь, с детства привыкли, что она «свой парень» – ведь в верховой езде и лазанье по деревьям она им почти не уступала. Но теперь они с громадным изумлением обнаружили, что она превратилась в настоящую молодую леди, причем безусловно самую пленительную из всех.

Они впервые заметили, какие зеленые у нее глаза и что в них пляшут чертики; а эти ямочки на щеках, а эти маленькие ручки и ножки, а тонюсенькая талия! Их остроумные реплики заставили ее рассыпаться серебристым смехом, и, видя, что она явно их выделяет, они превзошли сами себя.

Это был памятный день в их жизни. Впоследствии братья часто задавались вопросом, как же это они раньше не замечали ее прелестей. Ответа так и не нашлось, а все дело было в том, что Скарлетт тогда сама решила заставить их себя заметить и оценить. Она по натуре была не способна терпеть, чтобы какой-то мужчина был влюблен в другую женщину – не в нее, а увидеть Стюарта рядом с Индией Уилкс... ну, знаете, это уж чересчур. Разбойничий нрав ее разыграл, и, не довольствуясь одним Стюартом, она примерилась и к Бренту, а в результате совершенно покорила обоих.

Теперь они были оба влюблены в нее, а Индия Уилкс и Летти Манро из Лавджоя, за которой с ленцой ухаживал Брент, отступили на задний план. Что будет делать отвергнутый, если Скарлетт выберет одного из них, – об этом близнецы не задумывались. Всему свое время, этот мост они перейдут, когда подойдут к нему. А в настоящий момент они были вполне удовлетворены: они опять в согласии друг с другом, девушка нравится обоим, а ревность между ними никогда не вставала. Такая ситуация очень интересовала всю округу и нервировала матушку: ей Скарлетт не нравилась. «Вот будет здорово, если эта хитрюга выберет кого-то из вас, – говорила мать, – или возьмет вас обоих. Тогда вам надо будет перебираться в Юту, к мормонам – если мормоны вас примут, в чем я лично очень сомневаюсь. Меня-то одно беспокоит: когда-нибудь вы напьетесь сверх меры от ревности к этой двуличной бабенке с зелеными глазищами и перестреляете друг друга. Хотя... может, идея и не так плоха».

С того памятного дня Стюарту было очень не по себе в присутствии Индии. Она не то что не упрекнула его, но даже ни словом, ни жестом не дала понять, что знает, как резко он переметнулся к другому кумиру. Ведь она была леди до кончиков ногтей. Однако Стюарт чувствовал вину и маялся. Он видел, что внушил ей любовь и что она до сих пор его любит, и в глубине души ругал себя за нечестную игру. Джентльмены так не поступают. Она все-таки ему ужасно нравилась – ее благородная холодность, манеры, образованность и прочие достойные уважения качества. Но черт возьми, что ж она такая бесцветная, неинтересная и всегда одинаковая! Да еще рядом со сверкающим, искрящимся, переливчатым шармом Скарлетт! Индия вся как на ладони – с ней заранее все известно, не то что со Скарлетт – никогда ни малейшей уверенности ни в чем. От этого запросто можно свихнуться. Но в том-то и прелесть!

– Хорошо, давай двинем к Кейду Калверту, – предложил Брент. – Скарлетт говорит, Кэтлин вернулась из Чарлстона, она может знать что-нибудь про Форт-Самтер, чего мы не слышали.

– Только не Кэтлин. Ставлю два к одному, она вообще не знала, что у входа в гавань есть форт, а уж тем более что там торчали янки, пока мы их оттуда не выковырнули. У нее в голове одни балы и кавалеры – она их коллекционирует.

– Ну и ладно, зато с ней весело. И будет где пересидеть, пока мама не ляжет спать.

– О-о, черт! Да мне тоже нравится Кэтлин, с ней весело, и я бы послушал про Каро Ретт и прочих. Но будь я проклят, если высижу за одним столом с этой ее северной мачехой. Янки чистой воды!

– Уж слишком ты крут к ней, Стюарт. А по-моему, она добрая.

– Ничего я к ней не крут. Мне ее жалко. А я не люблю тех, кого мне жалко! Вечно у нее пыль столбом по всякому пустяку, вечно старается всем угодить, хочет как лучше, а выходит как хуже. Она мне на нервы действует. Все южане у нее дикие варвары. Она боится южан, сама сказала маме. Как завидит нас, сразу пугается до смерти. Курица щипаная! Приткнется на стуле, глаза белые от страха, и в любой момент готова раскудахтаться, только шевельнись.

– Знаешь, не тебе ее винить. Разве не ты прострелил Кейду ногу?

– Ну и что, просто я тогда нализался, а то бы никогда. И Кейд ко мне ничего не имел, и никто из них – ни Кэтлин, ни Рейфорд, ни мистер Калверт. Только эта мачеха-янки сразу взвыла, обозвала меня диким варваром и сказала, что достойные люди не могут находиться в безопасности среди грубых южан.

– Не упрекай ее. Да, она северянка, янки, хорошим манерам не обучена; но ведь ты стрелял в него? Вот видишь. А он ей как-никак приемный сын.

– Но это, черт возьми, еще не причина, чтобы меня оскорблять! Вот ты, между прочим, родной сын у нашей мамочки, и что же, она распсиховалась в тот день, помнишь, когда Тони Фонтейн попал тебе в ногу? Ничего подобного. Она просто послала за старым доком Фонтейном, чтоб перевязал тебя, и поинтересовалась у него: а что такое у Тони с прицелом? Догадываюсь, говорит, что распутство испортило ему меткость. Вспомни, как Тони после этого взбесился!

И братья закатились хохотом.

– Мама у нас – блеск, – с оттенком восхищения сказал Брент. – На нее можно рассчитывать, она все сделает верно и никогда не выставит тебя на позор перед людьми.

– Да, но сегодня она очень даже будет расположена выставить нас на позор перед отцом и девочками, когда явимся домой. – Стюарт приуныл: – Слушай, а ведь мы теперь в Европу не поедем. Помнишь, мать говорила, если вылетим из очередного колледжа, – все, о путешествии можем забыть.

– Ну и черт с ним, с путешествием. На что там особо смотреть-то, в этой Европе? Спорим, эти иностранцы не могут похвастаться перед нами ничем таким, чего нет у нас самих и прямо тут, в Джорджии. Лошади у них не резвее наших, и девушки не такие хорошенькие. А их ржаному виски до нашего, отцовского вообще как до неба.

– Эшли Уилкс говорит, там полно всяких зрелищ и музыки. Он Европу полюбил, только о ней и рассуждает. Правда, Уилксы все такие. У них пунктик насчет музыки, книг и представлений. Мать считает, это потому, что у них дед был из Виргинии, а виргинцы помешаны на таких вещах.

– Пусть подавятся. А вот мне, – Брент повел широкими плечами, – дайте мне доброго коня, вволю выпивки, хорошую девчонку, чтоб поухаживать, и плохую девчонку – повеселиться, а Европа пусть достанется кому угодно... Разве мы что-то теряем без путешествия? Предположим, мы в Европе, а тут война. Оттуда так скоро не доберешься. Нет, по мне лучше война, чем Европа.

– Согласен. Да, Brent! Я понял, куда нам надо! Давай-ка через болото, к Эйблу Уиндеру, скажем ему, что мы все четверо на месте и готовы к учениям!

– Идея! – крикнул Brent, сразу взбодрясь. – Узнаем заодно, что там с эскадром и какой все-таки выбрали мундир.

– Если зуавский, то будь я проклят, если поступлю в эскадрон! Я бы чувствовал себя девчонкой в этих красных шароварах. Они мне напоминают дамские фланелевые штанишки.

– Вы, значит, собираетесь к миста Уинда? – спросил Джимс. – На ужин-то не надейтесь особо. Ихняя кухарка померла совсем, а новой нету. Готовит там одна негритянка с полей, мне знакомые парни говорят, что хуже гадости не едали.

– Вот те раз! Почему ж он не купит новую повариху?

– Откудова у такой белой шантрапы монеты? У них больше четырех негров не бывает.

Голос Джимса был полон откровенного презрения. Его собственное общественное положение было прочно, так как Тарлтоны владели сотней негров, и он, подобно другим рабам с крупных плантаций, поглядывал свысока на мелких фермеров, имевших всего несколько рабов.

– Да я сейчас с тебя шкуру спущу! – заорал в бешенстве Стюарт. – Не смей называть Эйбла Уиндера «белой шантрапой»! Он бедный, конечно, но никакая не шантрапа! А я любому наkostenю, белому или черному, пусть только кто попробует поливать его грязью! Во всем графстве нет человека достойней, а то бы его не выбрали лейтенантом.

– Вот и я в толк не возьму, – продолжал Джимс, несколько не испугавшись грозного окрика своего господина. – Офицере, по моему разумению, лучше брать из богатых житейменов, а не из белой швали.

– Он не шваль! Ты сравни еще его с настоящей швалью типа Слэттери! Он просто небогат, у него маленькая ферма, а не громадная плантация, и если парни решили, что этого достаточно, чтобы выбрать его лейтенантом, то не для того, чтобы всякий черномазый про него языком молот. В Эскадроне знают, что делают.

Кавалерийский отряд был организован три месяца назад, сразу после того, как Джорджия отделилась от Союза штатов, и с тех пор рекруты только и говорили о войне. Отряд существовал пока безымянным, но не из-за недостатка предложений. У каждого была своя идея на этот предмет, равно как и насчет цвета и покроя мундира. «Тигры из Клейтона», «Пожиратели огня», «Гусары северной Джорджии», «Зуавы», «Клейтонские винтовки» (хотя никаких винтовок эскадрону не полагалось, только револьверы, сабли и ножи), «Жестокость и беспощадность», «Кровь и погром» – и каждое из этих названий имело своих сторонников. Пока официального имени не было, все привыкли, говоря об отряде, называть его просто эскадром; так он и оставался до самого конца просто Эскадром, несмотря на то что какое-то громкое наименование ему все-таки присвоили.

Офицеров выбирали сами, потому что никто во всем графстве не имел военного опыта, кроме нескольких ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, а Эскадрон отверг бы любого ветерана в качестве командира, если б он не пользовался всеобщей любовью и доверием. Всеобщей любовью пользовались четверо Тарлтонов и трое Фонтейнов, но, к сожалению, от них пришлось отказаться, потому что Тарлтоны чересчур быстро напивались и потом выкидывали всякие номера, а Фонтейны отличались убийственно горячим нравом и были скоры на расправу. Капитаном выбрали Эшли Уилкса – за то, что он был лучший наездник во всей округе, а кроме того, в расчете на его трезвую холодную голову – что он сумеет удержать некое подобие порядка. Рейфорд Калверт, который вообще всем нравился, стал первым лейтенантом, ну а сын охотника и мелкий фермер Эйбл Уиндер – вторым.

Эйбл был здоровенный детина, серьезный, себе на уме, возрастом старше других ребят в Эскадроне, сердце имел доброе, образования не получил, но в присутствии дам держался, пожалуй, лучше остальных. Снобизма среди эскадронных не наблюдалось: у многих отцы

или деды разбогатели, начав с ничего. А Эйбл слыл лучшим стрелком в Эскадроне, настоящий снайпер – с семидесяти пяти ярдов снимал белку в глаз. Вдобавок ему не привыкать к походной жизни – он знал, как раскладывать костры под дождем, умел читать следы и находить воду. Здесь ценили такие вещи, Эйбла к тому же любили, вот и поставили офицером. Оказанную честь он принял степенно, без ложной скромности, но и без неуместного тщеславия – просто как должное. Мужчины смогли перешагнуть через тот факт, что он не был рожден джентльменом; но дамы и рабы об этом не забывали.

Первоначально в Эскадрон брали исключительно плантаторских сыновей – этакий джентльменский отряд, каждый поступает со своим конем, оружием, амуницией и рабом. Однако богатых плантаторов в молодом графстве Клейтон нашлось маловато, и, чтобы создать полноценное формирование, потребовалось рекрутировать мелких фермеров, охотников из глухих лесов и с ближних болот, а то и принимать кое-кого из «белой шантрапы», если эти молодцы были выше среднего в своем классе.

Этот народ не меньше богатых рвался схватиться с янки, лишь бы война началась. Но тут вставал деликатный вопрос денег. Мало кто из фермеров имел лошадей. В своем хозяйстве они обходились мулами, причем лишних не было, редко у кого больше четырех голов. То есть мулов никак нельзя было отдавать для военных нужд, даже если б в Эскадроне считалось допустимым сидеть на муле, что полностью исключалось. Что же до белых бедняков, крекеров, как их тут называли, то один мул служил уже признаком достатка. А лесные охотники и обитатели хижин в болотных плавнях вообще не имели ни лошадей, ни мулов. Они жили целиком за счет охотничьих угодий и болотной дичи, дела свои устраивали по системе бартера, они и пяти долларов в год в руках не держали, так что кони и обмундирование находились за пределами возможного. Но и в своей бедности они были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никакой милости или подачки от соседских щедрот не приняли бы. Поэтому, чтобы ничьи чувства не пострадали, а Эскадрон был полностью укомплектован и людьми, и лошадьми, практически все крупные плантаторы графства, в том числе и отец Скарлетт, и Джим Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт – действительно все, кроме одного лишь Энгуса Макинтоша, внесли необходимые деньги в общий котел. Получилось так, что каждый из них заплатил за собственных сыновей и еще за некоторых других, но все было сделано так, чтобы менее состоятельные, а то и неимущие члены отряда могли принять коней и амуницию без ущерба для своей чести.

Эскадрон собирался дважды в неделю в Джонсборо – устраивать учения и молиться, чтобы началась война. Те, у кого уже были лошади, выполняли в поле позади здания суда так называемые кавалерийские маневры, взбивая тучи пыли, перекликаясь нарочито грубыми голосами и размахивая шпагами времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных. Безлошадники сидели пока на бровке перед лавкой Булларда, жуя табак и обсуждая слухи. А не то состязались в стрельбе. Вот уж чему южан учить не требовалось: мальчишки здесь, можно сказать, хватались за оружие, едва появившись на свет, а потом всю жизнь проводили на охоте и, естественно, становились в этом деле отменными мастерами.

И какого только оружия не увидишь на сборах! Длинноствольные охотничьи ружья, которые были новыми во времена первопроходцев, переваливших Аллеганские горы; древние пищали, заряжаемые с дула и положившие немало индейцев в пору обживания Джорджии; кавалерийские седельные пистолеты, бывшие в ходу на войне с семинолами в 1812-м; щегольские дуэльные пистолеты с серебряными рукоятками и новенькие винтовки английской работы с блестящими деревянными ложами – что угодно можно было сыскать в особняках и в хижинах, и все это члены Эскадрона привозили с собой на сборы.

А заканчивались учения обычно в салунах Джонсборо, где по вечерам разгорались такие сражения, что офицеры боялись – для янки ничего не останется. Вот как раз на такой попойке Стюарт выстрелил в Кейда, а Тони Фонтейн – в Брента. Когда отряд только создавался, близ-

нецы находились дома по случаю отчисления из очередного университета – Виргинского – и с большим энтузиазмом вступили в Эскадрон. Но после эпизода со стрельбой и ранением матушка отправила их в университет штата, с наказом там и жить. Они очень тосковали по горячке этих сборов, считая образование помехой в жизни и стремясь только к одному – скакать верхом, дико вопить и стрелять в компании с друзьями.

– Хорошо, давай срежем напрямую к Эйблу, – предложил Brent. – Можно вброд через реку у мистера О’Хара и через фонтейновские пастбища. Мигом там будем!

– А поесть-то нам будет нечего, опоссум да зелень, – вмешался Джимс.

– Не нам, а тебе, – засмеялся Стюарт. – Потому что ты сейчас поедешь домой и скажешь нашей матушке, чтобы не ждала нас к ужину.

– Я-а? Не, не поеду! – всполошился Джимс. – Мне, что ль, одному подставлять зад за то, что вы натворили? Первым делом миссис Битрис с меня спросит, как я дозволил, чтоб вас всех опять вышибли из университета. Потом – почему не доставил вас домой, ей на расправу. И посмотрит на меня, как утка на майского жука. Ясное дело, я один и буду во всем виноват. Если вы не берете меня к миста Уинда, я уж лучше залягу в лесу на всю ночь. Вот бы меня забрал патруль. Все легче, чем миссис Битрис, когда не в духе!

Братья негодуяще посмотрели на решительного черного парня.

– А ведь у него хватит дурасти попасться патрулю. Потом мама еще неделю будет нас за это пилить. Нет, честно, от черных больше неприятностей. Иногда я думаю, аболиционисты неплохо соображают.

– Все равно нехорошо подставлять Джимса, когда самим неохота. Придется и его с собой тащить. Но смотри же ты, бесстыжая черная образина, попробуй только чваниться перед неграми Уиндера! Что мы едим жареных цыплят и ветчину, а у них одни кролики и опоссумы. Я тогда... я маме расскажу. И мы тебя не возьмем на войну.

– Чваниться? Чтобы я да чванился перед этими жалкими ниггерами?! Ну нет, маса, у меня манеры получше. Зря, что ли, миссис Битрис учила меня манерам заодно с вами?

– Учить-то учила, но не слишком это у нее хорошо получилось, со всеми нами троими. Ладно, поехали!

Стюарт сдал назад своего мощного гнедого коня, пришпорил и легко перелетел через изгородь на мягкую вспаханную землю Джералда О’Хара. Следом перескочил ограду конь Brenta, а потом и Джимс послал свою лошадь, прильнув к ее шее и вцепившись в гриву. Джимс не любил препятствия, но случилось, брал и повыше, чтобы быть вровень с хозяевами.

И когда они уже скакали вниз с холма, через красные борозды, к еле видному в густых сумерках речному броду, Brent крикнул брату:

– Слушай, Стью! А ты все-таки не думаешь, что Скарлетт должна была пригласить нас к ужину?

– Всю дорогу над этим голову ломаю! – заорал в ответ Стюарт. – А как по-твоему, почему...

Глава 2

После того как братья, помахав шляпами, оставили Скарлетт стоять на крыльце «Тары» и стук копыт замер вдали, она как лунатик побрела опять к своему креслу и уселась в него, поджав под себя ногу. Она вся съежилась, словно от боли, а рот именно болел – потому что через силу был все время растянут в улыбке. Нельзя же, чтобы близнецы догадались о ее тайне. Сердце ее переполнялось горем, оно билось странными мелкими толчками, ладони заледенели, и физически давило ощущение катастрофы. На лице появились нестерпимая обида и недоумение; так избалованный ребенок, не знавший ни в чем отказа, в первый раз соприкасается с неприятной стороной жизни.

Чтобы Эшли женился на Мелани Гамильтон?! Да неправда же! Близнецы все напутали. Или разыгрывают ее по привычке. Ну не может, не может Эшли влюбиться в Мелани, и никто бы не смог – в эдакую мышь прибитую. С презрением Скарлетт вспомнила худую детскую фигуру Мелани и скучное личико сердечком, простенькое до обыденности, чуть не кухонное какое-то! Да Эшли и не видится с ней месяцами. С той вечеринки, что он устраивал в прошлом году у себя в «Двенадцати дубах», он всего-то раза два бывал в Атланте. Нет, не может быть, чтобы Эшли любил Мелани, потому что – и тут она несколько не ошибается – он любит ее, Скарлетт! Она, и только она его истинная любовь – и она знает это!

Скарлетт услышала, как под тяжелой поступью Мамми задрожали полы в коридоре, и быстренько вытащила из-под себя ногу, стараясь придать своему облику благопристойную кротость. Мамми ничего не стоит заподозрить неладное. Она чувствует себя хозяйкой в семействе О'Хара, они все принадлежат ей, душой и телом, и у них нет от нее секретов. Достаточно даже намек на таинственность, чтобы она сделала стойку и пустилась по следу, как гончая. Скарлетт по опыту знала: если любопытство Мамми не удовлетворит немедленно, она впутает сюда и Эллен, а тогда придется выложить все матери или срочно придумать правдоподобную ложь.

Мамми возникла в дверях – громадная старуха с маленькими пронзительными глазами мудрой слонихи. Чистокровная африканка, черная, лоснящаяся, посвятившая себя целиком, до последнего дыхания, семье О'Хара, она была главной опорой для Эллен, форменным мучением для трех ее дочерей и грозой для всех слуг в доме. Черная Мамми обладала кодексом жизненных правил и чувством достоинства – не ниже, чем у тех, чьей собственностью она являлась. Выросла она в спальне у матери Эллен – утонченной, невозмутимой, надменной француженки Соланж Робийяр, не прощавшей ни детям, ни слугам ни малейшего отступления от общепринятых правил приличия. Она ухаживала за маленькой Эллен, была для нее мамкой-нянькой, «мамми», как называли негритянок, приставленных к малышам, да так и осталась на всю жизнь Мамми, словно бы это ее имя и другого быть не должно. Когда Эллен вышла замуж, Мамми переехала вместе с ней. У Мамми всегда было так: кого любит, того и воспитывает в особой строгости. А поскольку теперь невероятная ее любовь и гордость заключались в Скарлетт, то процесс строгого воспитания продолжался непрерывно.

– Разве джитмены отбыли? Как же вышло, что вы не попросили их остаться к ужину, а, мисс Скарлетт? А я велела Порку поставить еще две тарелки, для них. Где же ваши манеры?

– Ох, я так устала от этих бесконечных разговоров про войну, что не смогла бы вытерпеть их еще и за ужином. Особенно если папа присоединится и пойдет крик про мистера Линкольна.

– У вас манеры не лучше, чем у работников в поле. Такая, значит, награда нам с мисс Эллен за все труды. И почему это вы без шали? Вечерний воздух прохватит насквозь! Ведь говорю же и говорю: подцепите лихорадку, если будете вот так сидеть вечерами, а на плечах ничего. Марш в дом, мисс Скарлетт!

Старательно изображая безмятежность, Скарлетт отвернулась в сторону, довольная хотя бы тем, что в хлопотах о шали Мамми оставит пока без внимания ее лицо.

– Нет, мне хочется смотреть на закат. Очень красиво. А ты распорядись, пусть принесут мне шаль. Пожалуйста, Мамми, и я посижу тут до папиного приезда.

– У вас уж голос никак простуженный, – заметила подозрительная нянька.

– Ничего подобного, – нетерпеливо отмахнулась Скарлетт. – Тащи мою шаль.

Мамми затопала обратно в холл, и до Скарлетт донесся приглушенный голос: она звала служанку из верхних комнат.

– Эй ты, Роза! Кинь-ка мне сюда шаль для мисс Скарлетт! – И немного погода уже громче: – Бесстыжая черномазая! Где ты, Роза? Никогда ее нет, и толку от нее никакого... Придется лезть самой, ох-хо-хох...

В доме застонали ступеньки, и Скарлетт осторожно встала. Мамми сейчас вернется и опять примется читать ей лекцию о законах гостеприимства и как нехорошо их нарушать, а Скарлетт не чувствовала в себе сил выслушивать новую нотацию по столь ничтожному поводу. У нее сердце разбито! Она помедлила, прикидывая, где бы спрятаться, пусть хоть боль в груди поутихнет, и тут ее осенила неожиданная мысль, принесшая с собой лучик надежды. Отец ее сегодня поехал в «Двенадцать дубов», к Уилксам, с предложением выкупить у них Дилси, жену своего слуги Порка. Дилси была там главная над женской прислугой и вдобавок умела принимать роды. Полгода назад Порк на ней женился и с тех пор денно и ночью донимал хозяина просьбами купить Дилси, чтобы они могли жить на одной плантации. Сегодня у Джералда терпение истощилось, и после обеда он пустился в дорогу.

«Конечно, папа поймет, верно ли то, что мне рассказали, – думала Скарлетт. – Даже если он сегодня ничего об этом не слышал, то мог заметить что-то, ощутить волнение в доме... Вот бы мне поговорить с ним вдвоем, до ужина, я бы все и выяснила... что это просто очередная дурацкая шутка двойняшек».

Джералду пора было возвращаться, и если она хочет увидеть его раньше всех, то ей ничего не остается, кроме как встречать его там, где подъездная аллея выходит на дорогу. Она проворно спустилась по парадной лестнице, оглянувшись на верхние окна, чтобы увериться, что Мамми не наблюдает за ее бегством. Не высмотрев нигде широкого черного лица, увенчанного белейшим тюрбаном и неодобрительно хмурящего брови, она подхватила свои зеленые, в цветочек, юбки и кинулась на аллею со всех ног, сверкая новыми туфельками с лентами.

Темные кедры смыкались наверху аркой, превращая длинную аллею в сумрачный тоннель. Оказавшись под сплетением ветвей, она поняла, что можно больше не бояться быть замеченной из окон дома, и немного замедлила шаг. Она запыхалась – в таком тугом корсете не очень-то разбежишься, – но ноги сами несли ее вперед. Вскоре она выбралась из-под деревьев на дорогу, однако и здесь останавливаться не стала, пока не обогнула кустарник, за которым дом уж был совсем не виден.

Еле переводя дух, вся пылая, Скарлетт присела на пень ждать отца. Ему давно пора было вернуться, но даже хорошо, что он запаздывает: ей нужно время, чтобы прийти в себя, успокоиться и не дать ему ничего заподозрить. Каждую минуту ожидала она услышать стук копыт и увидеть, как отец на полном скаку взлетает на холм; он иначе и не умеет, вечно у него все с головоломной скоростью. Но минуты бежали, а Джералд не появлялся. Она вглядывалась в дорогу, и боль опять начинала терзать душу.

«Нет, нет, не может такого быть! – твердила себе Скарлетт. – И почему же папа все не едет?» Она проследила глазами извилистую дорогу, темно-красную после утреннего дождя; видно было, как эта кровавая полоса стекает с холма и теряется в болотных зарослях. Скарлетт представила себе, как петляет дорога среди кочек, а потом, подальше, поднимается на следующий холм, к «Двенадцати дубам», к прекрасному дому с белыми колоннами. Подобно греческому храму, он короной возвышается над округой. Дом, где живет Эшли. Она вся сосредоточилась на дороге – дороге к Эшли, и сердце забилося чаще. Недоумение, растерянность, ощущение катастрофы, давившие на нее с того момента, когда противные мальчишки Тар-

лтаны пересказали ей эту сплетню, теперь притаились в глубине души, а на их место потихоньку пробирался жар, владевший ею вот уже два года.

Странно даже подумать, что было время, когда Эшли вовсе не казался ей привлекательным. В дни детства она видела его, он приезжал, уезжал, и Скарлетт не вспоминала о нем. А два года назад, в тот день, когда Эшли, недавно вернувшийся из трехлетнего путешествия по Европе, явился к ним засвидетельствовать почтение, – в тот день она полюбила его. Все случилось очень просто.

Она была на передней веранде, а он скакал по длинной аллее. Он был в сером фланелевом костюме, широкий черный галстук составлял великолепный контраст с сорочкой в складочку. Она и сейчас помнит каждую деталь: и как сверкали сапоги, и камео с головой Медузы в галстучной булавке, и широкополую шляпу, оказавшуюся в руке в тот же миг, как он увидел Скарлетт. Он подъехал, спешил, бросил негритенку поводья и встал перед крыльцом, восхищенно подняв на нее томный взгляд своих мерцающих серых глаз. Яркое солнце играло на белокурых волосах, превращая их в серебристый нимб. «Вот ты и выросла, Скарлетт», – сказал он и, легко взбежав по ступенькам, поцеловал ей руку. А голос-то, голос! Ей не забыть, как подпрыгнуло сердце, когда она его услышала – словно в первый раз! – этот тягучий, полнотонный, как музыка, голос... В ту же секунду ее потянуло к нему, он сделался нужен ей, она захотела его получить, как хотела, например, есть, или верховую лошадь, или спать в мягкой постели.

И целых два года он всюду бывал с ней – на балах, на пикниках, на гуляньях, на рыбалке – пусть и не так часто, как близнецы Тарлтоны, и не так неотступно, как младшие Фонтейны, однако не проходило недели, чтобы он не заглянул в «Тару».

Правда, Эшли не проявлял открыто любви к ней, и в спокойных серых его глазах никогда не загорался тот жаркий огонь, который Скарлетт прекрасно чувствовала в других мужчинах. И все же – все же она знала: он ее любит. Она не могла ошибиться. Так говорил ей инстинкт – вещь куда более сильная, чем рассудок или знание, рожденное опытом. Очень часто она с удивлением замечала, что в устремленном на нее взгляде нет обычной ленивой сонливости, наоборот – настойчивость, жажда и отчего-то грусть. Она ломала голову: ведь ясно же, что он ее любит, тогда почему бы так и не сказать? Непостижимо. Впрочем, в нем много было такого, чего она не могла постичь.

Он всегда учтив и любезен, но при этом словно где-то далеко, словно чем-то от тебя отгорожен. О чем он думает, не мог сказать никто, и уж менее всех Скарлетт. В краю, где каждый привык говорить именно то, что думает, и сразу, как только подумает, такая замкнутость раздражала. В обычных увлечениях молодых людей своего круга – в охоте, танцах, в картах, в политике – он не отставал от других, а в верховой езде так и превосходил; но в отличие от всех остальных никогда не считал эти милые занятия целью жизни. А в своем интересе к книгам и музыке, в тяге к стихотворству Эшли вообще был одинок.

О-о, ну почему, почему он? Красивый блондин, такой учтиво-отчужденный, такой безумно нудный с вечными своими разговорами о Европе, о книгах, музыке, о поэзии и прочих материях, абсолютно ей неинтересных, – чем он все же столь привлекателен для нее? Ночь за ночью, посидев с ним в сумерках на веранде, Скарлетт потом часами металась по комнате, не в силах спать, и утешала себя только тем, что в следующий раз, прямо вот в следующий раз он сделает ей предложение. Обязательно. Но следующий раз приходил и уходил, а в результате ничего – ничего кроме того, что снедавшая ее лихорадка трепала ее еще яростней.

Она любила его, она желала получить его – и совершенно его не понимала. У нее все было просто и естественно – как ветры, дующие над «Тарой», как желтая река, омывающая подножие холма. До конца дней своих она сохранит эту неспособность понимать хитросплетения и сложности. А тут впервые в жизни она столкнулась с натурой именно сложной и неординарной.

Потому что у Эшли в роду мужчины привыкли проводить досуг в размышлении, а не в действии и предаваться красочным снам воображения, нимало не похожим на явь. Эшли жил в своем уединенном, сокрытом от всех мире, куда более чудесном, чем Джорджия, и с большой неохотой возвращался к реальности. Он смотрел на людей без неприязни, но и без любви; смотрел на жизнь не упиваясь ею и не печалась. И весь окружающий мир, и свое место в нем он принимал как данность; однако, пожав плечами, уходил опять в себя – в книги, в музыку, в свою собственную вселенную.

И чем сумел он так захватить Скарлетт, когда душа его была чужда ей, она не знала. Сама его загадочность возбуждала ненасытное ее любопытство – как дверь без замка и ключей. И то, чего она не понимала в нем, лишь усиливало ее любовь, а от его странной, сдержанной манеры ухаживать только росла ее решимость заполучить его в собственность. В один прекрасный день он сделает ей предложение. В этом она была уверена – юная, избалованная, незнакомая со словом «поражение». И вдруг, как удар грома, – жуткое известие: Эшли женится на Мелани Гамильтон! Нет, нет, невозможно!

Да ведь всего на прошлой неделе, когда они возвращались в потемках с Дальних холмов, он почти решился: «Скарлетт, мне нужно сказать тебе что-то важное, но я не знаю как». Она скромно потупила глаза, а сердце заколотилось от дикой радости: вот он, счастливый миг! Но Эшли сказал: «Не теперь. Мы почти дома, времени нет. О, Скарлетт, ну что я за трус!» – и, дав шпоры, погнал лошадь наверх, к «Таре».

Скарлетт тогда чуть не умерла от счастья, но сейчас, сидя на пеньке, покрутила в уме эти слова и внезапно увидела в них совсем иной, пугающий смысл. А что, если он собирался сообщить ей о своей помолвке?

О, хоть бы папа поскорей приехал! Она не выдержит больше ни минуты в таком подвешенном состоянии. Скарлетт опять взгляделась нетерпеливо в петли дороги и в который раз была разочарована.

Солнце уже ушло за горизонт, багровый край неба стал ярко-розовым, а наверху, над головой пронзительная лазурь истончалась и проступали оттенки голубовато-зеленого, похожего на яйцо реполова. Несказанный покой предвечерних сумерек опускался на округу. Из низин напозла дымка тумана; свежие борозды и лента дороги утрачивали свое завораживающее кровавое свечение, стало ясно – это обычная бурая земля. Через дорогу, на выгоне, мирно стояли, подняв морды над жердями ограды, коровы, лошади и мулы; они ждали, когда их проводят в стойла и зададут вечернюю порцию корма. Им не нравилась темная тень густых кустов у ручья, они поводили ушами в сторону Скарлетт, чувствуя присутствие человека и словно бы надеясь на него.

Высокие сосны речной долины, совсем недавно еще такие приветливо-зеленые в солнечном сиянии, казались теперь, в неверном свете сумерек, черными великанами, стоящими непроницаемой шеренгой на страже желтых вод. На холме за рекой белые трубы дома Уилксов постепенно терялись среди могучих дубов, и только отдаленные точки огней, зажженных к ужину, показывали, что там есть жильё.

Скарлетт сидела, окутанная живительными запахами свежей земли и всяческой весенней буйной поросли, совершенно нечувствительная к подобным чудесам. Весна, закат, молодые побеги – что в них особенного? Таких красот она не замечала. Это ведь естественно – как воздух, как вода. Другое дело женские лица, лошади, шелковые платья. Это вещи определенные, они могут быть красивы. А остальное – так... И все же этот великий предвечерний покой, разлившийся над ухоженными землями «Тары», подействовал и на ее мятущуюся душу. Скарлетт любила этот край, любила безотчетно, сама о том не ведая; так любила она материнский лик, склоненный под лампой в минуты молитвы.

А на петляющей дороге по-прежнему никаких признаков Джералда. Если придется ждать дольше, Мамми непременно отправится на поиски и начнет ворчать свое извечное «Марш

домой, мисс!». И вот, когда Скарлетт утюжила глазами темнеющую пустую дорогу, вдруг послышался топот копыт, но совсем с другой стороны, снизу, от пастбища. Перепуганный скот бросился врассыпную. Джералд О'Хара гнал к дому напрямик и во весь опор. Он скакал на своей толстобоклой, мощной, длинноногой охотничьей лошади, подбадривая ее взмахами хлыста и громкими криками. Издали создавалось впечатление, что здорового жеребца оседлал озорной мальчишка.

И пусть у нее тревоги через край, но отцом она залюбовалась с горделивой нежностью: не зря он слыл превосходным наездником. «Знать бы еще, почему его, как выпьет, обязательно тянет прыгать через заборы, – думала Скарлетт. – Ведь клятвенно обещал маме, что больше никогда. Мог бы и научиться чему-нибудь после того случая в прошлом году, когда повредил коленку. Упал прямо на этом месте».

Перед отцом Скарлетт не испытывала благоговейного трепета, она чувствовала в нем родственную душу и даже ровесника, не то что в сестрах. Ну как же – он любил прыгать через заборы тайком от жены! Подобные вещи наполняли его мальчишеской гордостью и ликующим сознанием безнаказанности – как и Скарлетт, когда ей удавалось перехитрить Мамми.

Она поднялась понаблюдать за ним.

Большая лошадь достигла изгороди, подобралась и птицей, без видимых усилий, в парящем полете перемахнула на другую сторону. Всадник вопил, крутя хлыстом над головой и потрясая длинными седыми кудрями. Джералд не видел за деревьями свою дочь; он направил коня на дорогу, одобрительно похлопывая его по холке.

– Тут всем, брат, до тебя далеко, в целом графстве, а то и в штате, – проинформировал он свою верховую лошадь – самодовольно и с сильным ирландским акцентом, оставшимся при нем, несмотря на тридцать девять лет, прожитых в Америке. И немедленно принялся в спешном порядке приглаживать волосы, заправлять рубашку и отыскивать галстук, сбившийся куда-то за ухо.

Скарлетт поняла, что торопливые эти охорашиванья имеют целью предстать перед женой с солидным видом джентльмена, спокойно и чинно едущего домой от соседа. Поняла она и то, что ей представился удачный случай начать разговор, не открывая своих подлинных намерений.

Она громко засмеялась.

При первом же звуке, как она и хотела, Джералд вздрогнул и замер; потом увидел дочь, и цветущая его физиономия отразила смесь неловкости, досады и вызова. Он слез с лошади – с трудом, потому что нога в колене после того случая не стибалась, перекинул поводья через руку, тяжелым шагом подошел к дочери и ущипнул ее за щечку.

– Вот, значит, как, мисси. Шпионишь за мной, значит? И, как твоя сестрица Сьюлен, побежишь ябедничать маменьке?

В басовитом, хриплом отцовском голосе Скарлетт уловила, кроме законного родительского гнева, еще и желание подольститься. Она прищурилась и ехидно поцокала языком, пока он изворачивался, пытаясь вернуть галстук на положенное место. От него крепко несло виски и немного мятой. Ну и, как всегда, табаком, хорошей кожей и лошадьми. Это сочетание запахов Скарлетт неизменно ассоциировала с отцом и инстинктивно искала в других мужчинах.

– Нет, па, я же не болтушка, как Сьюлен, – уверила она и отступила, чтобы оценить придирчивым взглядом результат отцовских усилий по наведению порядка в своей наружности.

Джералд ростом не вышел, всего-то пяти футов с небольшим, но широкие плечи и могучая шея создавали у незнакомых людей представление о крупном мужчине – если видели его сидящим. Кряжистое тело опиралось на крепкие, короткие, широко расставленные, как перед дракой, ноги, всегда в сапогах отличной кожи. Маленькие люди, если подают себя чересчур серьезно, как правило, довольно смешны. Но бойцовый петух пользуется уважением на пти-

чем дворе – вот так и с Джералдом. Ни у кого никогда и в мыслях не было назвать Джералда О’Хара нелепым коротышкой.

Ему исполнилось шестьдесят, жесткая курчавая шевелюра стала серебристо-белой, но смекалистую, хитрую физиономию еще не изрезали морщины, а острые голубые глазки смотрели твердо и молодо, что вполне естественно для человека, не привыкшего ломать голову над отвлеченными предметами, более сложными, чем сколько карт снести в покере. Настоящий ирландец – вроде и не расставался с родной землей – круглый, румяный, курносый, губастый и задиристый.

Этот экстерьер скрывал добрейшее сердце. Он не выносил, если при нем наказывали раба, не важно, заслуженно или нет, не мог слышать жалобного мяуканья котенка или детского плача; но до ужаса боялся, как бы об этой его слабости не прознали окружающие. А то, что всякий, знакомясь с ним, в первые же пять минут распознавал в нем добрую душу, было ему неведомо; его тщеславие пострадало бы неимоверно, если бы сей факт ему открылся, потому что ему нравилось думать, что все вокруг трепещут перед ним и спешат повиноваться громогласно отданным приказам. Ему никогда не приходило в голову, что все на плантации и в усадьбе повинуются только одному голосу – мягкому голосу его жены Эллен. Эту тайну ему не суждено было узнать, ибо все вокруг, начиная с самой Эллен и кончая наиглупейшим полевым работником, состояли в молчаливом заговоре: хозяин должен считать, что его слово – закон.

А на Скарлетт менее, чем на кого-либо другого, производили впечатление взрывы его темперамента и лвиный рык. У Джералда три сына покоились в земле на семейном кладбище, он понимал, что на появление наследника больше надеяться нечего, а Скарлетт была у него старшая, вот он и приобрел обыкновение общаться с ней как мужчина с женщиной, что ей, кстати, очень нравилось. Она больше походила на отца, нежели младшие сестры: Кэррин, или Кэролайн Айрин, была девочка хрупкая и мечтательная, а Сьюлен, крещенная как Сьюзен Эли-нор, кичилась своей элегантностью и манерами настоящей леди.

Более того, Скарлетт была связана с отцом неким соглашением о взаимном прикрытие грехов. Если Джералд заставлял ее в тот момент, когда она карабкается через забор вместо того, чтобы прогуляться с полмили до ворот, или видел, что она засиживается допоздна с каким-нибудь красавчиком на ступеньках крыльца, то устраивал ей выволочку самолично, причем с большим рвением, но никогда не доводил факт прегрешения до сведения Эллен или Мамми. И Скарлетт тоже – если обнаруживала, что он продолжает сигать на лошади через изгороди после торжественного обещания, данного любимой жене, или узнавала из местных сплетен точную сумму его последнего проигрыша в покер, – она тоже воздерживалась от того, чтобы за общим столом упомянуть о его шалостях – так, незначай, с искусно разыгранной безыскусственностью, как непременно поступила бы Сьюлен. При этом каждый всерьез убеждал другого, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы такие вещи дошли до Эллен, это только причинит ей лишнюю боль, а ничто на свете не могло бы их вынудить ранить ее нежную душу.

В тающем свете Скарлетт смотрела на отца и неизвестно почему почувствовала, что просто быть с ним рядом – уже утешительно. Он был сильный, живучий, земной и грубый, и все это находило в ней отклик. Совершенно неспособная разбираться в себе и в людях, Скарлетт даже не осознавала, что такие же качества в той или иной степени присутствуют в ней самой, вопреки шестнадцатилетним стараниям Эллен и Мамми вытравить их из нее.

– Теперь у тебя вполне презентабельный вид, – сказала она отцу. – Никто и не догадается, что ты опять взялся за свои проделки, если, конечно, сам не расхвастаешься. Правда, мне кажется, что после того, как ты здесь сломал коленку, прыгать через тот же самый забор...

– Да будь я проклят! Родная дочь мне указывает, где прыгать, а где нет! – загромыхал отец. – У меня своя голова на плечах, вот так-то! А между прочим, что это ты тут делаешь, да еще без шали?

Понимая, что отец пускается на обычные уловки, лишь бы уйти от неприятной темы, Скарлетт погладила его по руке:

– Тебя дожидалась. Я не знала, что ты будешь так поздно. Все гадала, купил ли ты Дилси.

– Купить-то купил, да цена разорительная. И ее купил, и эту ее малышку Присси. Джон Уилкс хотел мне чуть не даром отдать, да не бывать тому, чтобы кто-то сказал, дескать, Джералд О’Хара путает дружбу с торговлей. Я всучил ему три тысячи за обеих.

– Господи боже, па! Три тысячи! И незачем тебе было приобретать Присси.

– Ну все, дожили. Это что же, мои дочери взялись судить меня?! Присси милая девчушка, вот я и...

– Да знаю я ее. Хитрющая дура. А купил ты ее потому только, что Дилси попросила.

Скарлетт возражала отцу спокойно, не принимая в расчет его громовые раскаты. Будучи пойман на добром деле, Джералд О’Хара сразу смутился и поджал хвост. Скарлетт даже рассмеялась: как он все-таки для нее прозрачен! Джералд принялся оправдываться:

– А если и так? Что толку покупать Дилси, когда она собралась разводиться сырошь из-за ребенка? Нет, никогда больше не позволю своим черным жениться на стороне. Слишком накладно. Ну, все. Пошли домой, ужинать пора.

Стемнело, последний зеленый мазок исчез с неба, от земли пробирало холодом. Но Скарлетт медлила, прикидывая, как перевести разговор на Эшли, чтобы Джералд не понял, зачем ей это. Дело нелегкое, потому что Скарлетт тонкостью не отличалась, а Джералд никогда не промахивался с разгадыванием ее простеньких хитростей, пусть даже она его самого только что разоблачила. Излишней тактичностью он не страдал.

– А как там вообще, в «Двенадцати дубах»?

– Да вроде как обычно. Кейд Калверт приехал, мы потом, когда уладили насчет Дилси, посидели на галерее, выпили пальмовой. Кейд прямо из Атланты, они там все на ушах, разговоры только о войне...

Скарлетт вздохнула. Дай отцу оседлать любимого конька – и конец. О войне и об отделении он будет рассуждать часами. Она перебила его, потянув за другую ниточку:

– А про завтрашнее барбекю речи не было?

– Ну как же. Там эта, как ее звать-то, маленькая такая милашка, она была у нас в прошлом году, ты ее знаешь, кузина Эшли – ах да, Мелани Гамильтон, правильно, – она с братом Чарлзом уже приехала из Атланты и...

– О-о, она приехала?

– Ну да, приехала, такая славная тихоня, словечка зря не обронит, а женщине так и положено. Пошли, дочь, не тяни. А то мама начнет нас разыскивать.

У Скарлетт сердце оборвалось. Одна была надежда – что Мелани по какой-либо причине застрянет в этой своей Атланте. А теперь уж что – даже отец, видите ли, хвалит Мелани за тихий, милый нрав, так не похожий на ее собственный. И Скарлетт пошла в открытую:

– А Эшли тоже был?

– Был. – Джералд сбросил руку дочери и повернулся, вперившись острым взглядом ей в лицо: – Если ты из-за этого пришла сюда дожидаться меня, то почему бы так прямо и не сказать? Что ты виляешь вокруг да около!

Скарлетт ничего не шло на ум, она только чувствовала, что краснеет от досады.

– Ну давай, говори!

А Скарлетт все молчала, жалея, что человеку непозволительно шикнуть на своего отца.

– Хорошо же. Он был и весьма любезно расспрашивал о тебе, равно как и сестры. Все жаждут увидеться завтра с тобой на барбекю и надеются, ничто не помешает тебе приехать. А я так готов поручиться – ничто тебя не удержит, – сказал Джералд язвительно. И добавил без перехода: – Выкладывай, дочь, что там у тебя с Эшли.

– Ничего, – буркнула Скарлетт и потянула отца за руку: – Пойдем в дом, па.

– А, тебе в дом захотелось? Зато мне расхотелось. Я буду стоять тут, пока не разберусь. То-то ты странная какая последнее время. Он разве ухлестывал за тобой? Замуж звал?

– Нет, – отрезала Скарлетт.

– И не позовет.

Скарлетт чуть не взорвалась, но Джералд спокойно ее одернул:

– Придержи язычок, барышня. Я знаю совершенно точно от Джона Уилкса, что Эшли женится на Мелани Гамильтон. И завтра будет это объявлено.

Значит, правда. У Скарлетт упали руки. Дикая боль впиалась в нее когтями, как зверь. Все кончено. Вот и отец смотрит на нее жалеючи, хотя и с некоторой досадой: он столкнулся с препятствием, которое не знает как преодолеть. Он любил Скарлетт, но испытывал неловкость оттого, что она вынудила его решать какие-то девчачьи проблемы. Вот у Эллен на такие вещи всегда есть ответ. Скарлетт должна была идти к ней со своими трудностями.

– И хорошо же ты себя выставила? А всех нас? – заорал Джералд, как всегда в минуту волнения не в силах совладать с голосом. – Бегаешь за тем, кто тебя не любит, когда могла бы иметь любого парня в графстве!

Гнев и ущемленное самолюбие оказались сильнее страдания.

– Я просто... просто это для меня неожиданность.

– Ну это ты врешь, – определил Джералд. Потом побуравил взглядом ее горестную физиономию и прибавил в припадке нежности: – Ты прости меня, дочь. Подумаешь, беда какая – ты еще ребенок, и вокруг полным-полно красавцев!

– Мама выходила за тебя вообще в пятнадцать лет, а мне уже шестнадцать, – пробормотала Скарлетт, стиснув зубы.

– Мама другое дело, она не порхала, как ты. Ну, все, дочь, выше нос, приободришься давай. Я тебя на днях возьму с собой в Чарлстон, поедем к тетке Юлалии, там у них такой шум-гам-тарарам из-за Форт-Самтера, ты через неделю и не вспомнишь про своего Эшли.

«Конечно, я для него еще ребенок, – подумала Скарлетт, давась обидой на отца. – Поманю малышку новой игрушкой, она и забудет, что ушиблась».

– И нечего от меня голову-то воротить и подбородком дергать, – остерег ее отец. – Будь у тебя ум, давно бы вышла за Стюарта или вон за Брента. Подумай над этим, дочь. Выходи за кого-нибудь из близнецов, плантации тогда соединятся, а мы с Джимом Тарлтоном поставим вам прекрасный дом, как раз посередине, под соснами...

– Ты перестанешь когда-нибудь обращаться со мной как с младенцем? – закричала Скарлетт. – Я не хочу в Чарлстон, не хочу дом, не хочу замуж за близнецов! Я только одного хочу...

Скарлетт осеклась, но поздно. Джералд заговорил непривычно тихо и слова тянул медленно, как бы обдумывая по ходу дела, что случилось редко.

– Ты хочешь одного только Эшли, а его-то ты и не получишь. Если б он даже пожелал взять тебя, то очень сомнительно, что я сказал бы «да», невзирая на нашу с Джоном Уилксом распрекрасную дружбу. Я, знаешь ли, – добавил он, заметив, как она изумилась, – я ведь хочу видеть мою девочку счастливой, а с ним ты счастлива не будешь.

– Нет, буду! Буду!

– Не будешь, дочь. Счастье вообще может быть только тогда, когда человек женится на себе подобной.

У Скарлетт язык зачесался от предательского желания заявить что-нибудь этакое: «Однако ты счастлив, а уж вы-то с мамой совсем разные!» – но она этот порыв в себе подавила, опасаясь, как бы отец не надрал ей уши за дерзость.

– Мы ведь с Уилксами разные, – продолжал Джералд все так же медленно, нащупывая слова. – Они отличаются от соседей, отличаются от любой семьи, какую я знаю. Они странные, с чужинкой, им как раз лучше всего жениться на своих двоюродных, чтобы свои заскоки держать при себе.

– Да что ты, па, разве Эшли...

– А ход-то не твой, киска, вот и не вистуй². Я против парня ничего не говорю, он мне нравится. Я когда говорю, что он чудной, то ведь не говорю, что он псих ненормальный. Вот смотри: Тарлтоны – у них всегда будет парочка запойных; Калверты – эти готовы поставить на лошадь все, что имеют; Фонтейны – горячие головы, им убить человека – раз плюнуть. Такого рода заскоки легко понять, они как бы в норме, с кем не бывает. И Джералд О’Хара тоже мог бы их иметь, да Бог уберег. За Эшли ничего подобного не водится. И наверное, он не стал бы бегать на сторону или бить тебя, если б вы поженились. А уж лучше бы бегал и бил – по крайней мере понятно почему и за что. Но у него-то заскок совсем другой, и тут его понять вообще невозможно. Я его люблю, но он ведь по большей части такое говорит – не разберешь, где грива, а где хвост. Вот скажи мне, киска, честно: ты разве понимаешь, куда его заносит с этими его книгами, музыкой, стихами, масляной мазней и прочей дуростью?

– Ох, па! – выпалила нетерпеливо Скарлетт. – Да если бы я вышла за него, я бы все это переменяла.

– А, ну да, ну конечно, – заворчал в досаде Джералд, стрельнув в дочь сердитым взглядом. – Переменишь ты, как же, переделаешь его. Значит, мало ты смыслишь в мужчинах, а в Эшли и подавно. Чтоб ты знала: ни одной еще жене не удавалось ни на вот столечко переделать своего мужа. А насчет того, чтобы переделать Уилкса, – так это просто конец света. Вся семейка у них такая, они всегда такие были. И всегда будут – наверняка. Говорю же: это у них врожденное. Чуть что, подхватываются – и в Нью-Йорк или в Бостон, слушать какие-то там оперы или рассматривать пачкотню маслом. Ящиками заказывают у янки немецкие и французские книги, а потом просиживают штаны за чтением и в мечтаниях бог весть о чем – нет бы поохотиться или перекинуться в картишки, как пристало мужчине.

– Да лучшего наездника, чем Эшли, нет во всем графстве! – запальчиво крикнула Скарлетт, оскорбленная намеком на изнеженность Эшли. – Лучше может быть только его отец! А что до покера, то разве не Эшли посадил тебя на двести долларов прошлый раз в Джонсборо, а?

– Опять мальчишки Калверты протрепались, больше и не знал никто. – Джералд смиренно покачал головой. – Вот и я о том. Эшли на равных с лучшими что в скачках, что в картах, а сядет пить, так и Тарлтонов под стол свалит. Все он может, все умеет, но без души. Потому и говорю: чудной он.

Скарлетт понуро молчала. Против этого ей нечего было возразить, она знала, что отец прав. У Эшли все получалось здорово, но ни к одному из этих удовольствий он не принадлежал душой. Всего лишь проявлял вежливый интерес к тому, что для других составляло главное в жизни.

Верно истолковав ее молчание, Джералд похлопал ее по плечу и сказал не без торжества:

– Вот так-то, дочь! Что бы ты делала с таким мужем? Они все сдвинутые, эти Уилксы, – и без паузы перешел на другой тон, подмазываясь к ней: – Я тут про близнецов вспоминал, так я их тебе не навязываю. Парни славные, но если бы ты глаз положила на Кейда Калверта, то мне без разницы. Калверты люди хорошие, вся семья, хоть старый и взял себе женушку из янки. А когда придет мой срок – да подожди, послушай меня, милая! – я оставлю «Тару» вам с Кейдом...

– Не нужен мне твой Кейд на серебряном подносе! – в ярости перебила отца Скарлетт. – Нечего мне его навязывать! И «Тара» мне не нужна, и никакие плантации! Что такое плантация, когда...

² Карточные термины.

«Когда нет у тебя человека, которого ты жаждешь», – хотела она сказать, но Джералд взревел от обиды. Его «Тара», его самое дорогое достояние – после Эллен, разумеется, – и такой дар отвергнут с надменной небрежностью!

– Ты, Скарлетт О'Хара, стоишь тут и заявляешь мне в лицо, что «Тара», вот эта самая земля, не имеет значения, что это так, ерунда какая-то?

Скарлетт упрямо тряхнула головой. У нее так все болело внутри, что было уже безразлично, рассердится отец еще больше или нет.

– Земля – это единственная в мире штука, которая имеет значение и настоящую ценность! – шумел Джералд, раскинув широко свои короткие крепкие руки. – Только она и важна, потому что только она и остается, не забывай, барышня! Это единственное, ради чего стоит вкалывать, воевать и даже умирать за нее!

Скарлетт сморщила нос:

– Ну, знаешь, па, в тебе говорит ирландец.

– Это что ж – мой позор? Я горжусь этим! Да и тебе не мешало бы помнить, что ты наполовину ирландка. Для всякого человека, в ком есть хоть капля ирландской крови, та земля, на которой он живет, как мать родная! Это тебе должно быть стыдно-то. Я тебе предлагаю самую прекрасную в мире землю – кроме графства Мит в Старом Свете, ясное дело, – а ты что? Ты еще кочевряжишься! – Джералд сам себе нравился в приятном состоянии праведного гнева, он даже начал себя подстегивать и все больше входил в раж, как вдруг что-то в горестном облике Скарлетт заставило его сбавить обороты. – Ладно, чего уж там. Ты мала еще. Все будет, и любовь к земле тоже придет, куда от нее денешься. Ты ведь ирландка. Просто пока ты еще дитя малое, неразумное, вот и печалишься о своем красавчике. Станешь постарше, поймешь, что к чему... Ты все-таки подумай, пораскинь мозгами-то насчет Кейда или хоть близнецов, а может, и насчет этих щеголей, юнцов Эвана Манро. Увидишь, как я тебя снаряжу!

– Ну, па-а!..

Джералд вымотался совершенно. И разговор этот пустопорожний его утомил, и раздражало до крайности, что проблема легла на его плечи. А сверх того – было обидно, что Скарлетт все еще смотрит волчонком. И это после того, как ей предложили лучших парней в графстве да еще и «Тару»! Джералд любил, чтобы его дары встречали поцелуями и ликующим хлопанием в ладоши.

– Ну, все. Больше чтоб я не видел надутых губ. И не так уж важно, за кого ты выйдешь. Выбери по себе – джентльмена, южанина и в расцвете сил. А любовь приходит к женщине после свадьбы.

– У тебя понятия Старого Света!

– И очень хорошие понятия! А эти американские затеи с браками по любви – ну что такое, честное слово, прямо как слуги, как янки! Самые лучшие браки – это когда родители выбирают за девушку. Откуда знать такой глупышке, как ты, хороший это человек или паршивец? Вот возьмем Уилксов. Как думаешь, почему у них так все прочно и достойно в каждом роду? Да потому, что женятся они на себе подобных, на двоюродных, как того ждет от них семья.

– О-о!!!

Скарлетт заплакала навзрыд. Мало того что отец привез подтверждение жуткому известию, так он еще напоминает всякий миг о неизбежности этого кошмара. Джералд смотрел на опущенную голову дочери и мучился, переминаясь с ноги на ногу.

– Ты, что ли, плачешь? – спросил он, пытаясь поймать ее за подбородок и повернуть к себе лицом; сам он тоже весь сморщился – от жалости.

– Нет! – крикнула она со страстью и дернулась в сторону.

– Опять врешь, но я доволен. Хорошо, что в тебе есть гордость, детка. Я хочу видеть тебя гордой и завтра, у них на барбекю. Не бывать тому, чтобы по всему графству пошли смешочки и сплетни, что ты бредишь парнем, который ничего, кроме дружбы, и в мыслях не держал.

«Очень даже держал, – подумала Скарлетт, растравляя себе душу. – Еще как держал! Я-то знаю. Чуть-чуть бы побольше времени – и он бы у меня заговорил. О-о, ну почему, почему Уилксам обязательно надо жениться на кузинах!»

Джералд подал ей руку:

– Вот так. Мы с тобой сейчас идем домой, и все это остается между нами. Маму волновать не стоит. Я ничего ей не скажу, и ты тоже. Вытри нос, дочь.

Скарлетт послушно высморкалась в многострадальный свой носовой платок, и рука об руку они вошли под темные своды кедровой аллеи; лошадь тихонько плелась следом. Около дома Скарлетт хотела было опять заговорить, но заметила мать на неосвещенной веранде. Эллен была в капоре, в перчатках, на плечах шаль. А позади, подобно грозовой туче, громоздилась Мамми с черной кожаной сумкой в руке. В этой сумке Эллен держала наготове бинты и медикаменты для своих рабов. У Мамми и всегда-то губы были вполлица, толстые и вывернутые, а уж когда прогневаются, то могла выпятить нижнюю вдвое против обычного. Сейчас именно так и было, из чего Скарлетт заключила, что Мамми не просто чего-то не одобряет, а вся кипит.

– Мистер О’Хара! – позвала Эллен, завидев их вдвоем на аллее. Эллен принадлежала к семье, где неуклонно соблюдались все церемонии, даже после семнадцати лет супружества и появления на свет шестерых детей. – Мистер О’Хара, в доме Слэттери беда. У Эмми родился малыш, но он при смерти, а должен быть крещен. Я пойду к ним вместе с Мамми, посмотрю, можно ли что-то сделать?

Она придала голосу вопросительное звучание, словно спрашивала соизволения у мужа и план ее зависел от его одобрения, – пустая формальность, но милая сердцу Джералда. Он сразу пустился в крик:

– Помилуй бог! И почему это всякая белая шваль должна вытаскивать вас в такой час, можно сказать, прямо из-за стола и как раз тогда, когда я собрался рассказать вам, что слышно в Атланте о войне! Ступайте уж, миссис О’Хара. А то ведь всю ночь проворочаетесь на подушке – как же, у кого-то беда, а вас там и нету.

– Она и так-то покоя не дает своей подушке, ночь не ночь, а чуть что, уже на ногах и бежит выхаживать ниггера, а то и с белой швалью нянчиться, эти уж сами могли бы справиться... – монотонно жужжала Мамми себе под нос, топая по ступенькам и направляясь к коляске, ожидавшей их в боковой аллее.

– Посиди на моем месте за столом, родная, – сказала Эллен, нежно проводя рукой в митенке по щеке дочери.

Скарлетт давилась слезами, но материнское прикосновение обладало неизбывной магией – она вздрогнула и потянулась к этой руке, к легкому аромату вербены, исходящему от шуршащего шелка платья. У Скарлетт дух захватывало при взгляде на Эллен: вот истинное чудо, оно живет с тобой под одной крышей, пред ним благоговеешь, оно чарует, завораживает тебя и утешает во всех скорбях.

Джералд усадил жену в коляску и наказал кучеру править осторожно. Тоби, занимавшийся лошадьми Джералда уже двадцать лет, негодуя выпятил губы: не хватало только, чтоб его учили дело делать, его кровное дело! Рядом с ним угнездилась Мамми, каждый был крайне недоволен – великолепная картина неодобрительного африканского высокомерия.

– Если б я не делал для этих оборванцев Слэттери слишком много такого, за что в другом-то месте им пришлось бы выкладывать монеты, – выпускал пары Джералд, – то они с большим бы удовольствием продали мне свои жалкие акры на болоте, и графство преспокойно бы избавилось от них. – Затем, просияв в предвкушении доброго розыгрыша, предложил: – Слушай-ка, дочь, а давай скажем Порку, что, вместо того чтобы покупать Дилси, я продал его самого Джону Уилксу!

Он бросил поводья стоявшему рядом негритенку и взошел на крыльцо. Про разбитое сердце Скарлетт он и думать забыл и сосредоточился на том только, как одурачить своего слугу. Скарлетт медленно поднималась следом, с трудом отрывая ноги от ступеней. Что ни говори, а они с Эшли составили бы куда менее странную чету, чем ее отец с Эллен Робийяр О'Хара. И в который уже раз она подивилась тому, что ее громогласный, толстокожий отец заполучил в жены такую женщину, как ее мать. Ведь в целом свете не нашлось бы двоих людей, столь далеких друг от друга по рождению, воспитанию и душевному складу.

Глава 3

Эллен О'Хара по тем дням считалась женщиной пожилой: ей было тридцать два года, она родила шестерых детей и троих из них похоронила. Росту она была высокого, на голову выше своего низенького энергичного супруга, но двигалась в тогдашних широких, колеблющихся на обручах юбках с такой спокойной грацией, что рост вовсе не бросался в глаза. Округлая, гибкая, цвета сливочного масла шея, поднимающаяся над черной тафтой тугого лифа, всегда чуточку была отведена назад, словно под избыточной тяжестью узла роскошных блестящих волос, забранных в сетку на затылке. Эти прекрасные черные волосы и темные миндалевидные глаза в чернильно-черных, будто наведенных, ресницах ей достались от матери-француженки, чьи родители бежали на Гаити во время революции 1791 года. Прямой нос и широкие, четко очерченные скулы – это от отца, офицера наполеоновской армии. Резкость отцовского наследства скрадывалась, впрочем, нежным изгибом женской щеки. Все остальное сделала жизнь – придала ее облику горделивость, но без спеси, одарила грустным изяществом и полностью лишила способности радоваться.

Ей бы искру в глазах, теплоту в улыбке, живость в голосе, звучавшем для всех в доме тихой мелодией, – и она была бы красавицей поразительной. Эллен сохранила протяжный и плавный говор жителей прибрежной Джорджии, с певучими гласными и смягченными согласными; чувствовался в ее речи и легчайший французский акцент. Этот голос никогда не повышался – ни со слугами, ни с детьми, однако же именно этому голосу повиновалась вся «Тара», попросту не обращавшая внимания на грозный рык хозяина.

Сколько Скарлетт помнила, мать всегда была одинакова: мягкий, ласковый голос – хвалит она тебя или укоряет; все у нее получается ловко и без суматохи – несмотря на постоянную угрозу кризисов в домашнем укладе, создаваемую взрывоопасным характером Джералда. Эллен всегда держалась спокойно и не согнулась даже тогда, когда схоронила троих сыновей, умерших во младенчестве. Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать откинулась на стуле или в кресле – хоть бы коснулась спинки. Как не видела ее и сидящей с праздными руками. Если собиралось общество, у нее в руках была тонкая вышивка, в остальных же случаях мать занималась рубашками Джералда, девичьими платьями или одеждой рабов. Скарлетт не могла себе представить материнские руки без золотого наперстка, а ее шелестящую шелком фигуру – без сопровождения негритянской девчушки, в чьи обязанности только и входило, что выдергивать наметку из шитья да носить за Эллен коробку с иголками-нитками из комнаты в комнату; так они и ходили вместе – Эллен ведь надо было проследить и за уборкой в доме, и за готовкой, и как обстоит дело в бельевой.

Никогда Эллен не изменяла этому стилю строгого и ясного смирения, как не позволяла себе и ни малейшей небрежности ни в чем; она всегда выглядела безупречно, в любой час дня и ночи. Когда Эллен собиралась на бал, или готовилась принимать гостей, или просто ехала в Джонсборо, то вокруг нее хлопотали две горничные и Мамми в придачу, и часто бывало, что пройдет часа два, пока она удовлетворится результатом. Но если возникали непредвиденные обстоятельства, она не тратила время на туалеты, собиралась в момент, изумляя всех быстротой и аккуратностью.

Комната Скарлетт находилась напротив материнской, и с детства она привыкла к топоту босых ног на рассвете, к торопливому настойчивому стуку в дверь Эллен и приглушенным, испуганным голосам негров, прибежавшим известить хозяйку о болезни, родах или смерти в какой-нибудь из беленых хижин, длинным рядом стоящих в четверти мили от дома. Будучи ребенком, Скарлетт часто подбиралась к двери и через узюсенькую щелку видела Эллен – как она появляется из темной комнаты, освещенная мерцающим огоньком свечи, уже со своей медицинской сумкой под мышкой, причесанная волосок к волоску, все пуговицы застегнуты,

и тихонько говорит, указывая на дверь, откуда слышится мерное беззаботное похрапывание Джералда: «Ш-ш-ш! Не так громко. Вы разбудите мистера О'Хара. А болезнь там у вас не настолько серьезная, от этого не умирают».

Материнский шепот, сочувственный, но твердый и уверенный, неизменно действовал успокаивающе на Скарлетт. Да, это было хорошо – забираться обратно в постель и знать, что Эллен О'Хара вышла из дома в ночь, и все правильно, все так и должно быть.

А утром, проведя бессонные часы в бдении у постели роженицы, а то и у смертного одра, когда старый доктор Фонтейн, а также молодой доктор Фонтейн, оба находились вне досягаемости и невозможно было вызвать их ей в помощь, – утром Эллен, как обычно, появлялась за завтраком во главе стола, черные глаза обведены кругами усталости, но ни голос, ни манеры не выдают напряжения. Под нежной, женственной оболочкой в ней скрывалась сталь, внушавшая благоговейный трепет всем домашним – и Джералду не меньше, чем девчонкам, хотя он скорее бы умер, чем признался в этом.

Порой, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать на ночь свою рослую маму, Скарлетт смотрела на этот нежный рот с коротенькой, почти прозрачной верхней губкой и думала, как легко, слишком легко его ранить. Наверное, никогда эти губы не гримасничали в глупом девчоночьем хихиканье и не шептали долгими вечерами секретов на ушко лучшей подруге. Нет, ну что за ерунда приходит в голову! Мама всегда была и будет в точности как сейчас – свет неприступный, оплот доброты, источник мудрости, единственный человек, который знает ответы на все вопросы.

Но Скарлетт ошибалась. Когда-то, давным-давно, Эллен Робийяр из Саванны умела хихикать и заливаться смехом – столь же беспричинно и необъяснимо, как любая пятнадцатилетняя девчушка в этом прелестном приморском городе. И долгими вечерами шепталась с подругами, обмениваясь секретами и открывая свои тайны – все, кроме одной. Это было в тот год, когда Джералд О'Хара, будучи на двадцать восемь лет старше Эллен, вошел в ее жизнь. В тот же год, когда юный и черноглазый ее кузен, Филипп Робийяр, ушел из нее. Потому что, покидая Саванну навсегда, этот повеса с бьющим наповал взглядом и дикими замашками, этот самый Филипп забрал с собой все цветение, весь свет души Эллен и оставил кривоногому маленькому ирландцу, который на ней женился, одну только оболочку – красивую и нежную.

Однако и этого было достаточно Джералду, ошеломленному невероятной удачей – как же, ведь он и правда заполучил Эллен в жены! А если что-то и ушло из нее, то он не страдал от потери. Ведь он был человек смекалистый, он знал, что должно было свершиться не иначе как чудо, чтобы он, ирландец, без корней в Америке, без крепких связей в обществе, и вдруг бы завоевал дочь одного из самых богатых и знатных семейств на всем Атлантическом побережье. У нее вон какая родословная, а он никто, он сам всего добился, сам себя сделал.

Джералд приехал в Америку, когда ему шел двадцать второй год. Приехал он в спешном порядке, как многие настоящие ирландцы и до и после него, приехал в чем был, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися от платы за проезд, при этом голова его стоила довольно дорого – гораздо дороже, по его убеждению, чем совершенное им злодеяние. Да ни один оранжист по эту сторону ада не стоил того, чтобы британское правительство или сам дьявол отвалили за него сотню фунтов. Но если уж какой-то земельный агент отсутствующего английского лендлорда причинил своей смертью такие переживания правительству, значит, самое время Джералду О'Хара подаваться в бега, и срочно. Ну, было, ну, обозвал он агента «оранжистом-ублюдком», однако это еще не повод, чтобы оскорблять Джералда, насвистывая прямо ему в лицо «Воды Бойна».

Битва у Бойна произошла сто лет назад, но для семейства О'Хара и всей округи это было как вчера. Все перед глазами: перепуганный принц Стюарт спасается бегством, и в клубах пыли

исчезают их надежды и чаяния, а также их земли и богатства, оставленные на разграбление принцу Оранскому и его отрядам с ненавистными оранжевыми кокардами.

По этой и по другим причинам семья Джералда не склонна была принимать к сердцу фатальный исход его перебранки с агентом, но тут присутствовали отягчающие обстоятельства. Мужчины О'Хара давно не нравились английской полиции, их подозревали в антиправительственной деятельности, и Джералд оказался не первым О'Хара, которому пришлось брать ноги в руки и покидать Ирландию в предрассветный час. Два его брата, Джеймс и Эндрю, о которых он помнил только, что это были ребята с крепко сжатыми губами, появлявшиеся и исчезающие в самый глухой час ночи, занятые какими-то таинственными делами, а порой пропадавшие и по неделям, отчего мать терзалась в тревоге, – так вот, несколько лет назад они отбыли в Америку. И случилось это после того, как у них во дворе был обнаружен небольшой винтовочный арсенал, прикопанный под свинарником. Теперь они стали преуспевающими торговцами в Саванне. «Один Господь милосердный ведает, где это такое», – говаривала мать, тяжело вздыхая всякий раз, как заходила речь о двух ее старшеньких. К ним-то и отправили Джералда.

Мать на дорожку клюнула его в щеку и с жаром благословила, а отец сказал: «Помни, кто ты есть, и никому не давай спуска». Пятеро долговязых братцев похлопали его по плечам – с одобрением, но слегка покровительственно, все-таки он у них был еще сосунок, да и росточком не удался.

Отец и братья – все были широкие в кости и вымахали за шесть футов, а Джералд к двадцати годам понял, что пять футов и четыре с половиной дюйма – вот и все, что Господь собирался отпустить ему в своей неизреченной мудрости. Не в характере Джералда было растрачивать себя попусту на сожаления из-за нехватки вышины, да это и не мешало ему никогда добиваться того, что он хотел. Скорее даже можно сказать, что эта его компактная конструкция и сделала Джералда тем, кем он стал. Он ведь рано усвоил, что маленькому человеку, если он хочет выжить среди здоровяков, нужно быть твердым, как кремень. И Джералд стал твердым, как кремень.

Его рослые братья были мрачны и молчаливы, семейные предания о былой славе, утраченной навсегда, грызли им душу затаенной ненавистью, изредка только прорываясь черным юмором. Уродись Джералд богатырем, он тоже, как и другие О'Хара, молча и мрачно пополнил бы ряды повстанцев. Но Джералд был, по выражению любящей матушки, «крикун и дурья башка», нрав имел горячий, заводился мгновенно, чуть что – лез в драку, и его постоянная готовность почесать кулаки так и бросалась в глаза. Он расхаживал среди крупнокалиберных своих братьев, как бентам на гумне, взъерошив перья и задрав гребешок, норовя зацепить громадных кохинхинов. А они его любили и поддразнивали легонько, чтоб послушать, как он «дерет глотку», а бывало, что и поколачивали увесистыми кулачищами, но так только, пусть малыш знает свое место.

Если образовательный багаж, с которым Джералд явился в Америку, был скуден, то сам он об этом не догадывался. Но и не разволновался бы, если б ему сказали. Мать учила его читать и разборчиво писать. Он знал арифметику. Вот, собственно, и все, если иметь в виду регулярное образование. Из латыни ему были известны ответствия хора на мессе, а из истории – исключительно факты несправедливостей по отношению к Ирландии. Он не слышал о других поэтах, кроме Мура, и музыка для него заключалась лишь в ирландских песнях, звучавших на родине. Питая уважение к тем, кто почерпнул из книг больше знаний, он, однако, нисколько не переживал на свой счет. Да и к чему такие премудрости в новой стране, где самая дремучая гнусь болотная может сделать громадное состояние? В стране, где от человека требуется только быть покруче и не бояться работы?

И Джеймс с Эндрю, взяв его к себе в магазин в Саванне, тоже не сетовали на отсутствие у него образования. Они очень скоро прониклись уважением к брату за четкий почерк, точность в цифрах и сообразительность в торговых сделках, тогда как познания в литературе и музыке,

обладай он таковыми, заставили бы их презрительно фыркнуть. В те годы Америка была добра к ирландцам. Эндрю и Джеймс проложили себе путь к успеху, перегоняя фургоны с товаром из Саванны в глубь Джорджии, потом открыли собственную торговлю и вполне процветали, а Джералд процветал вместе с ними.

Американский Юг ему понравился, и он скоро сам себя стал считать южанином. Правда, в жизни Юга и южан было много такого, чего он так и не уразумел, зато покер и скачки, страсть к политике и дуэльный кодекс, права штатов и проклятия всем янки, рабовладение и Король Хлопок, презрение к «белой швали» и подчеркнуто галантное отношение к женщине – все это он принял, как свое. Он даже выучился жевать табак. А учиться не терять голову от виски ему не было нужды – он таким родился.

Однако Джералд оставался Джералдом. Изменились намерения, образ жизни, но манеры свои он менять бы не стал, даже если бы сумел изменить их. Он восторгался ленивой элегантностью богатых плантаторов, когда они выбирались в Саванну из своих болотных царств – у них под седлом были чистокровные лошади, а следом тянулись кареты со столь же элегантными дамами и фургоны с черными рабами. Но Джералд уж ни в коем случае не мог быть элегантным. Их ленивая, плавная речь была приятна слуху, но родной ирландский говорок, живой и быстрый, словно прилип у него к языку. Ему нравилось небрежное изящество, с каким они проворачивали наиважнейшие дела, ставили на кон целые состояния, плантации, рабов и добродушно, не теряя хорошего настроения, отписывали свои потери – будто швыряли горсть мелочи негритятам. Но Джералд знал, что такое бедность, и не смог бы выучиться терять деньги с хорошим настроением и небрежным изяществом. А что – приятный народ эти жители прибрежной Джорджии: разговаривают мягко и вежливо, ни с чего впадают в ярость и пленяют своей изменчивой несообразностью. В общем, Джералд их полюбил. Но в юном ирландце, закаленном холодными влажными ветрами иной страны, где были туманные болота, но не водилось болотной лихорадки, – в этом упрямом ирландце бродила буйная, мятежная сила, не дававшая ему слиться с неторопливым течением жизни под солнцем субтропиков, среди малярийных топей.

У местной знати он учился тому, что находил для себя полезным, остальное отбрасывал. А самым для себя полезным из всех развлечений южан он посчитал покер – при условии, что тебя не берет виски. Как раз эти его выдающиеся природные способности к картам и выпивке и принесли ему два самых ценных приобретения из трех: слугу и плантацию. Третьим драгоценным приобретением была жена, но ее он относил исключительно на счет неизъяснимого и чудесного благоволения Господня.

Этот слуга, звали его Порк, был ослепительно-черен, исполнен достоинства и чрезвычайно искушен во всех тонкостях портновского искусства и элегантности. Он появился у Джералда в результате затянувшейся на всю ночь партии в покер с неким плантатором, который по части лихого блефа был равен Джералду, а по части новоорлеанского рома – нет. И хотя бывший владелец предлагал потом за Порка двойную цену против его стоимости, Джералд отказал наотрез. Потому что обладание первым в жизни рабом, да еще таким рабом, «лучше которого, черт побери, не сыскать слуги на всем побережье», означало первый шаг на пути к осуществлению заветного желания. Джералд хотел стать джентльменом – владельцем земли и рабов.

Он не намерен был тратить дни свои на торговлю, а вечерами при свече корпеть над колонками цифр. В отличие от братьев он остро переживал социальное клеймо «А-а, этот, из торговых». Нет, Джералд хотел быть плантатором. Ему не давала покоя жажда ирландца, живущего арендатором на своей земле, на той самой земле, что когда-то принадлежала его семье, его народу, и он уже видел прямо наяву зеленые акры собственных полей, расстилающихся перед ним насколько хватает глаз. У него была цель, единственная цель, и он беспощадно смел бы все на пути к ней. Он хотел иметь свой дом, свою плантацию, своих собственных лошадей и своих собственных рабов. И здесь, в новой стране, свободной от двух главных опасностей,

подстерегавших человека на его родине, – от налогов, что съедают чуть не все выращенное, и от вечной угрозы внезапной конфискации, – здесь у него все это будет. Но иметь желание и иметь желаемое – это, как он осознал с течением времени, вещи совершенно разные. В прибрежных районах Джорджии аристократия окопалась слишком плотно, не оставив ему даже надежды отвоевать себе место под солнцем.

И тогда рука судьбы, объединившись с рукой ловкого картежника, преподнесла ему плантацию, которую он впоследствии назвал «Тарой»³, и, соответственно, перевела его на жительство с побережья в предгорья северной Джорджии.

А дело было так. Однажды душным весенним вечером Джералд сидел в каком-то салуне, как вдруг случайный обрывок разговора за соседним столом заставил его наострить уши. Незнакомый человек, уроженец Саванны, рассказывал, что только вот вернулся домой из глубинки, где прожил двенадцать лет. Оказывается, за год до переезда Джералда в Америку он выиграл в земельной лотерее, которую проводили власти штата с целью заселить обширный край, откуда вытеснили индейцев. И он туда поехал и заложил плантацию; а теперь дом у него сгорел и сам он устал от «треклятого места» и мечтает, как бы сбыть его с рук.

Джералд, ни на минуту не расстававшийся с мыслью о собственной плантации, тут же представился и включился в разговор. Он заинтересовался еще больше, когда услышал, что в северных районах штата полно новоселов из Северной и Южной Каролины, а также из Виргинии. Джералд уже достаточно прожил в Саванне, чтобы усвоить точку зрения побережья: дескать, здесь пуп земли, а все остальное – глухомань и в каждом кусту индеец. По делам компании «Братья О'Хара» Джералду случалось бывать в Огасте, за сто миль вверх по реке Саванне. Оттуда он ездил в старые города внутренних районов и знал, что вся эта полоса тоже заселена давно и прочно. А вот как там дальше?.. По описанию приезжего выходило, что его плантация расположена еще глубже, где-то на северо-западе от Саванны, миль за двести пятьдесят, а то и больше, и немного южнее реки Чаттахучи. А территорию севернее этой реки, насколько было известно Джералду, до сих пор держали индейцы чироки. Однако чужак высмеял его предположение насчет индейских набегов и поведал о том, как процветают города и плодоносят плантации на новых землях.

Часом позже, когда ручеек беседы стал иссякать, Джералд поднял невинный взор круглых голубых глаз, который ну никак не сочетался с коварным умыслом, и предложил поиграть. Спустилась ночь, и выпивка то и дело шла по кругу, – словом, остальные игроки сложили карты, и Джералд с чужаком остались один на один. Тот подвинул на кон все свои фишки, а следом за ними – документ на плантацию; Джералд тоже подвинул все свои фишки, а сверху положил бумажник. То, что деньги в нем принадлежали не ему, а фирме братьев О'Хара, не слишком отягощало совесть Джералда, во всяком случае, он не собирался бежать каяться в грехах до утренней мессы. Он знал, чего хочет, а когда Джералд чего-то хотел, то он того и добивался, причем самым прямым и коротким путем. Более того, он так верил в свою судьбу и в четыре двойки, что даже и не задумывался, как возвращать деньги, если ставка будет повышена.

– Ничего вы от этого не выгадали, а я так даже рад, что не надо больше платить налогов за это местечко, – вздохнул обладатель четырех тузов и потребовал перо и чернила. – Большой дом сгорел год назад, а поля заросли сорняком и кустарником. Но это ваше.

– Никогда не мешай карты с виски, если только тебя с пеленок не приучили к ирландскому самогону, – совершенно серьезно заявил Джералд Порку, когда Порк помогал ему улечься спать.

³ Так называлась древняя столица ирландских королей.

Слуга, пребывавший в восхищении перед новым хозяином, начал даже осваивать ирландский говорок, и они заговорили на такой чудовищной смеси наречий, что это поставило бы в тупик любого, только не их самих.

Мутная, илистая Флинт-Ривер безмолвно несла свои воды меж стен из высоких сосен и дубов, оплетенных диким виноградом; река изгибалась излучиной у земель Джералда, словно обнимая их руками с двух сторон. Для Джералда, стоявшего на месте прежнего дома, эта живая зеленая застава была зримым, ласкающим душу свидетельством права собственности, он гордился ею, как будто самолично возвел эту стену, чтобы отметить границы своих владений. Он стоял на почерневших камнях пожарища, смотрел на двойной ряд тенистых кедров, ведущих к дороге, и крепко ругался от радости, не находя слов для благодарственной молитвы. Это его деревья! И широкая, буйно поросшая лопухами лужайка тоже его! И молоденькие магнолии в белых звездчатых цветах! Невозделанные поля в щетине тоненьких сосенок и нахального подлеска, раскатившие свои красновато-бурые волны далеко вокруг, – все здесь принадлежит Джералду О’Хара, здесь все его, потому что он такой упорный крепколобий ирландец и у него хватило куража поставить на карту все, что есть.

Джералд закрыл глаза и в покое мирно лежащих полей вдруг ясно понял: вот он и дома. Здесь, где он стоит сейчас, поднимутся новые белые стены. Через дорогу будет изгородь из жердей – выгон для сытых толстобрюхих коров и породистых лошадей. А красные земли, бегающие по склонам холма к плодородной пойме реки, засияют белизной, как гагачий пух под солнцем, – хлопок, акры и акры хлопка! Звезда О’Хара всходила снова.

Джералд взял свою небольшую долю из общего котла, признал монет у своих не плававших энтузиазмом братьев, получил хорошенькую сумму под залог земель и с этими деньгами, купив своих первых полевых работников, уехал в «Тару», жить одиноким холостяком в домике надсмотрщика, пока не будет готов его собственный белостенный дом.

Он расчистил поля, разбил хлопковые плантации, занял у братьев еще денег и купил еще рабов. В семействе О’Хара действовали законы клана, все они держались друг друга и в процветании, и в нищете, причем вовсе не от чрезмерной родственной нежности, а потому, что за время невзгод твердо усвоили правило: чтобы выжить, семья должна противостоять всему свету единым фронтом. Братья ссудили Джералду деньги, и в последующие годы деньги эти вернулись к ним с лихвой. А плантация постепенно расширялась – Джералд подкупал другие участки по соседству, и в назначенный срок вырос его белостенный дом, ставший теперь не мечтой, а явью.

Построенное рабами громоздкое сооружение вольготно расположилось на холме, фасадом на зеленый склон пастбища и реку внизу; Джералду оно нравилось ужасно, потому что, пусть и новое, оно несло на себе налет зрелости и солидности, приходящий обычно с годами. Старые дубы, под сенью которых не так-то, в общем, и давно скользили бесшумно индейцы, плотно обступили дом своими мощными стволами, смыкая ветви над крышей. Лужайка, очищенная от лопухов, густо поросла клевером и бермудской травой, и Джералд строго следил за тем, чтобы она содержалась в порядке. Здесь все – от кедровой аллеи до белых хижин на участке рабов, – все в «Таре» имело вид основательный, прочный и почтенный – на века. И всякий раз, когда Джералд на полном скаку вылетал из-за поворота и в зеленой прорези ветвей открывалась ему крыша дома – его собственного, родного дома! – сердце у него прямо лопалось от гордости. Каждый раз как в первый раз.

Он таки сумел, он сделал, маленький, упрямый и драчливый хвастунишка Джералд.

Он отлично ладил со всеми в графстве, исключая Макинтошей, чьи земли примыкали к его владениям слева, и Слэттери, занимавших жалкие три акра в болотистой низине справа, между рекой и плантацией Джона Уилкса.

Всякий знает, Макинтоши – это ирландские шотландцы и вдобавок оранжисты, и будь они святее всех святых, но за таких предков заслуживали в глазах Джералда вечного проклятия. Да, они живут в Джорджии уже семьдесят лет, а до того целое поколение выросло в Каролинах, но первый-то из клана, кто ступил на берег Америки, прибыл из Ольстера, так о чем говорить!

Семейка держалась замкнуто и высокомерно, общалась строго между собой, браки заключала только с каролинской родней, и Джералд был не одинок в своей неприязни. Народ в графстве отличался добрососедством и общительностью и не очень-то жаловал тех, кто подобных качеств был лишен. Поползли слухи: якобы Макинтоши за отмену рабовладения и сочувствуют аболиционистам. Такая молва, конечно, не способствует популярности. Правда, старый Энгус Макинтош в жизни не отпустил на волю ни одного раба и даже совершил непростибельное нарушение общепринятых правил, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на тростниковые плантации Луизианы. Однако факты фактами, а молва молвой.

«Он аболиционист, без вопросов, – заметил как-то Джералд Джону Уилксу. – Да только у оранжистов ведь как: если принцип прет против шотландской жадности, то принципу же хуже. Шотландская прижимистость, она всегда верх возьмет».

Со Слэттери обстояло иначе. Белая шантрапа! Им не доставалось даже того уважения, какое выжимала из соседей крутая независимость Энгуса Макинтоша. Старший Слэттери, зубами вцепившийся в свои акры, хотя Джералд и Джон Уилкс не раз предлагали купить их у него, был просто немощный нытик. Жена его, распатланная, на вид совсем больная и без сил, произвела на свет целый выводок чумазных, пугливых, как кролики, ребятишек и каждый год исправно сей выводок пополняла. Том Слэттери рабов не имел и сам, с двумя старшими сыновьями, рвал жилы на своих хлопковых акрах, а жена возилась с младшими вроде как на огороде – предполагалось, что она там выращивает овощи. Но как-то так получалось, что хлопчатник у него плодоносил редко, да и огорода, по причине того, что миссис Слэттери постоянно была на сносях, явно не хватало на такую прорву.

Всем стал привычен вид Тома Слэттери, обивающего соседские пороги: то он клянчит семян для посева, а то обрезков бекона, «чтоб как-то перебиться». Под вежливостью он чувствовал презрение и ненавидел своих соседей со всей той малостью сил, которой еще обладал. А особенно он ненавидел «чванство негров при богачах». Черные домашние слуги в графстве ставили себя выше всякой там белой шантрапы, их откровенно глумливые ухмылки больно его жалили, и в то же время их более устойчивое положение в жизни возбуждало в нем острую зависть. В противоположность его собственному нищенскому существованию, они-то были хорошо кормлены, добротны одеты и имели присмотр в болезни и в старости. Они гордились именами своих хозяев и в высшей степени чванились тем, что принадлежали людям знатным, а он – он был пария, отверженный, презираемый всеми.

Том Слэттери мог бы продать свое хозяйство любому плантатору в графстве, причем втрое против действительной стоимости, и тот бы счел, что денежки потрачены не зря, а на благое дело избавления сообщества от бельма на глазу. Однако Том оставался на месте, довольствуясь выручкой от тюка хлопка в год и соседским милосердием.

Со всеми прочими в графстве Джералд завязал дружеские, а то и близкие отношения. Уилксы, Калверты, Тарлтоны, Фонтейны – все сразу улыбались, завидев маленькую фигурку на большом белом коне, галопом скачущем по дорожке к их дому, улыбались и давали знак слугам готовить высокие стаканы для бурбона: гость любил, чтобы в виски добавляли чайную ложечку сахара и толченый листик мяты. Джералд располагал к себе, и то, что дети, негры и собаки распознавали в нем с первого взгляда, со временем открылось всем соседям: Джералд – добрая душа, у него всегда наготове и сочувственное ухо, и открытая чековая книжка, а громовой голос и свирепые замашки – это так, камуфляж.

С прибытием Джералда везде начинался сумасшедший дом: собаки заходились радостным лаем, черная детвора визжала, кидаясь наперегонки встречать его, ссорясь из-за привилегии подержать его лошадь и корчась от смеха на необидную его брань. Белые малыши шумно требовали, чтобы он сел, устроил их на коленке и покатал: и он садился, и брал их на колени, и катал, а сам тем временем уже громил в разговоре со старшими политиканов янки. Дочери его друзей выбирали его поверенным своих любовных дел, а юноши, боявшиеся признаться отцу в карточных долгах, узнавали в нем настоящего друга, который в беде не оставит.

– Это что же такое, – орал Джералд, – выходит, ты уже месяц в долгах?! Господи боже мой, что ж ты, паршивец, раньше не спросил у меня денег?!

Его грубость была не в новинку, никто и не думал оскорбляться. Молодые люди просто зеленели и начинали лепетать:

– Ну что вы, сэр, как я могу беспокоить вас, я бы себя возненавидел, а мой отец...

– Твой отец – прекрасный человек, и не спорь, но крутой, так что возьми-ка вот это и давай больше об этом ни гугу.

Плантаторские дамы капитулировали последними. Однажды вечером миссис Уилкс, «выдающаяся женщина и с редким даром молчания», как охарактеризовал ее Джералд, сказала мужу под удаляющийся стук копыт Джералдовой лошади: «Язык у него грубоват, но он джентльмен». И Джералд стал своим – окончательно и определенно.

Он не знал, что на это потребовалось около десяти лет. Ему никогда и в голову не приходило, что поначалу соседи поглядывали на него искоса. Сам-то он всегда считал, что принадлежит и этому краю, и этому кругу с того момента, как переехал в «Тару».

В сорок три года Джералда, напоминающего теперь крепким своим телом и цветущей физиономией этакого сквайра на охоте с рекламной картинки, посетила мысль, что «Тара», хоть она и дорога ему, а также милые люди графства с открытыми сердцами и открытыми домами – это еще не все в жизни. Ему нужна жена.

«Тара» истосковалась по хозяйке. Жирная кухарка, из дворовых негров, переведенная по необходимости на кухню, никак не поспевала с готовкой ко времени, а горничная, бывшая полевая работница, позволяла пыли скапливаться на мебели, и никогда у нее под рукой не было чистой скатерти. Если наезжали гости, то поднималась жуткая суматоха, все делалось на скорую руку и абы как. Порк, единственный негр во всем поместье, обученный домашним делам, осуществлял общее руководство и надзор за другими слугами, но и он с годами распустился и стал небрежен, втянувшись в безалаберный образ жизни Джералда. Как лакей, он содержал в порядке хозяйскую спальню, как дворецкий – прислуживал за столом с достоинством и чувством стиля, а всему остальному просто предоставил идти своим чередом.

С безошибочным африканским чутьем негры очень скоро раскусили истинную натуру Джералда: он громко лает, да никогда не кусает – и бессовестно этим пользовались. Воздух вечно сотрясался от угроз продать всех негров к чертовой матери на юг и посечь всех подряд кнутом, но еще не было случая, чтобы из «Тары» продали хоть одного раба, а насчет порки, так действительно однажды досталось хлыстом конюху, но за дело – что не стал вываживать и чистить любимую лошадь Джералда после целого дня под седлом.

Цепкие голубые глазки Джералда подмечали, как хорошо налажены дома у соседей и с какой легкостью управляются с челядью гладко причесанные плантаторские жены в шелестящих юбках. Он понятия не имел, что эти изящные дамы крутятся с раннего утра до поздней ночи, скованные бесконечной цепью домашних забот, наблюдая за кухней и детской, за стиркой и шитьем. Он видел только результаты, а результаты впечатляли.

Настоятельная необходимость завести жену встала перед ним со всей остротой однажды утром, когда он одевался перед поездкой в город. Порк сунул ему под нос его любимую рубашку в мелких защипах, которую неумелая горничная пыталась подштопать, а вместо этого привела в совершенную негодность, и сказал:

– Миста Джералд, что вам нужно, так это жену, и такую жену, у которой будет полон дом ниггеров.

Джералд отчихвостила Порка, чтоб не наглел, но в душе-то понимал, что слуга прав. Вот и рубашку пришлось ему отдать: кто же, кроме лакея, ее теперь наденет. Порк с довольным видом скатал рубашку, а Джералд призадумался. Он хочет жену, хочет детей, и все это надо провернуть быстро, иначе будет поздно. Но он не собирается жениться на ком попало, как вон мистер Калверт – взял в жены гувернантку своих детей, да еще из янки. Нет уж, его жена должна быть леди, леди по крови, с манерами не хуже, чем у миссис Уилкс, и способная управлять «Тарой», как миссис Уилкс управляет своим имением.

Но было два препятствия к тому, чтобы породниться с каким-либо семейством в своем графстве. Первое: очень туго с девицами брачного возраста, а второе, и более существенное, – что он тут «человек новый», хотя и живет постоянно уже десять лет, и, кроме того, иностранец. Никто ничего не знает, из какого он рода. Хоть здешнее общество и не столь неприступно, как аристократия побережья, но все же ни одна семья не пожелает выдать дочь за человека, у которого неизвестно даже, что был за дед.

Джералд понимал, что среди искренне расположенных к нему людей, с кем он вместе охотился, пил и рассуждал о политике, едва ли сыщется хоть один, на чьей дочери он смог бы жениться. И он уж никак не намерен был допустить, чтобы у кого-то за обеденным столом началось обсуждение его неудачных ухаживаний: вот, мол, такой-то папаша с огромным сожалением вынужден был отказать Джералду О’Хара. Он знал, что именно так обстояло бы дело, но осознание сего факта отнюдь не принижало его перед соседями, не давало оснований чувствовать свою ущербность. Ничто и никогда не могло бы заставить Джералда О’Хара признать чье-то верховенство. Просто у них тут такой миленький обычай – отдавать дочерей замуж исключительно в те семейства, которые прожили на Юге не двадцать два года, как он, а много, много больше; жених также должен владеть землей и рабами и иметь пороки, приличествующие данному времени.

– Складывай вещи, едем в Саванну, – сказал он Порку. – И не вздумай меня дразнить. Услышу от тебя хоть раз «Вист!» или там «Отвечаю!»⁴ – все, я буду не я, если не продам тебя в тот же миг. Сам-то я теперь редко такие слова говорю...

Может быть, Эндрю с Джеймсом дадут какой совет на предмет женитьбы. А может, у старых друзей есть дочь, которая будет соответствовать его запросам и сама тоже сочтет его приемлемым в качестве супруга.

Эндрю и Джеймс терпеливо его выслушали, но мало чем ободрили. Родней в Саванне они не обзавелись, поскольку приехали в Америку уже женатыми, так что за содействием обратиться не к кому. Друзья есть, конечно, но дочери у них давно повыходили замуж и сами уже растят детишек.

– Ты человек не богатый и не родовитый, – попытался охладить его Джеймс.

– Деньги я себе сделал, сделаю и род. Мне не надо быть просто женатым, все равно на ком.

– Высоко метишь, – сухо бросил Эндрю.

Тем не менее ради Джералда братья расстарались, сделали все, что могли. Люди они были солидные, в Саванне занимали видное положение, друзей имели множество. И вот в течение месяца они возили своего младшего из дома в дом, на обеды, балы и пикники.

– Есть только одна, на ком можно глаз остановить, – сказал под конец Джералд. – Правда, ее еще на свете не было, когда я тут высадился.

– И кто ж такая? На ком ты взгляд остановил?

– Мисс Эллен Робийяр, – произнес Джералд по возможности небрежно, стараясь скрыть, что при виде Эллен у него не только взгляд останавливался, но и сердце заходило.

⁴ Карточные термины.

Она его очаровала – вопреки непонятной какой-то холодной апатии, очень странной в пятнадцатилетней девушке. Более того, случилось, что в ней сквозила полная безысходность, и тогда Джералд проникался к ней такой пронзительной нежностью, какой не испытывал еще никогда и ни к кому на свете.

– Ты же ей по летам в отцы годишься!

– Ничего, я в самом цвету! – Джералд был уязвлен и сразу кинулся в крик.

Джеймс спокойно принялся объяснять:

– Джерри, здесь у тебя меньше шансов, чем с любой другой девушкой в Саванне. Ее отец – Робийяр, а у этих французов гордыни как у Люцифера. И матушка у нее, упокой Господь ее душу, была очень знатная дама.

– А мне плевать! – раскипятился Джералд. – Матушка ее померла, а старому Робийяру я понравился.

– Как человек – да, а как будущий зять – нет.

– Все равно девушка-то не пойдет за тебя, – вмешался Эндрю. – Она влюблена в этого буйного жеребца, в своего кузена Филиппа Робийяра, вот уже год. И это при том, что вся семья с утра до ночи ее пилит, чтобы перестала думать о нем.

– Он подался в Луизиану, с месяц как.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, – отрезал Джералд, не собираясь распространяться о том, что эти ценные сведения добыл Порк и что Филипп отбыл на Запад по настоянию своей семьи. – Едва ли она так уж сильно была в него влюблена, чтобы не суметь его позабыть. Чего она там в пятнадцать лет смыслит в любви.

– Да они уж скорей отдадут ее за этого чумового двоюродного, чем за тебя.

Так что Джеймс и Эндрю удивились не меньше любого другого при известии, что дочь Пьера Робийяра будет выдана замуж за маленького ирландца из неведомых краев. Саванна гудела за закрытыми дверями и строила догадки по поводу Филиппа Робийяра, уехавшего на Запад, но слухи не давали ответа. Почему прелестнейшая из дочерей Робийяра выходит за громогласного, краснолицего коротышку, который ей до уха-то не дотягивает, – это оставалось тайной для всех.

И сам Джералд так и не узнал толком, как это все получилось. Он понимал одно: чудо все-таки произошло. Впервые в жизни он вдруг притих и оробел, когда Эллен, очень бледная, но очень спокойная, положила легкую свою ладонь ему на руку и сказала:

– Я стану вашей женой, мистер О’Хара.

Для Робийяров это было подобно удару грома, хотя отчасти они и прозревали правду. Но лишь Эллен и ее нянька, ее Мамми, знали все про ту ночь, когда девочка, проплакав навзрыд, как ребенок, до рассвета, наутро встала взрослой женщиной и твердо объявила свое решение.

С нехорошим предчувствием передавала нянька своей юной госпоже надписанный чужой рукой небольшой пакет из Нового Орлеана. Пакет содержал миниатюрный портрет Эллен – она с криком швырнула его на пол, а также четыре ее письма к Филиппу и краткое послание от новоорлеанского священника, извещавшего о смерти ее кузена в пьяной драке.

– Это они его отправили, я знаю, это все они – отец, Полин и Юлалия! Они заставили его уехать! Ненавижу! Ненавижу их всех! Я хочу уехать. Я уеду отсюда, чтобы никогда их больше не видеть, никого, никого, и этот город тоже. Я уеду отсюда, и пусть никто и ничто не напоминает мне о... о нем.

На исходе ночи Мамми, выплакавшая все глаза над темной головкой своей хозяйки, принялась было ее резонировать:

– Ну как же, детонька, ведь нельзя вам! И не сможете вы так сделать...

– Смогу и сделаю. Он добрый человек. Так я и поступлю. Или уйду в обитель в Чарлстоне.

Именно угроза уйти в монастырь и вынудила в конце концов Пьера Робийяра дать согласие на брак. В этой католической семье он один был убежденный протестант, и сама мысль, что его дочь станет монахиней, пугала его даже больше, чем брак с Джералдом О'Хара. А в общем-то против него и возразить особенно нечего. Не родовит, конечно...

Вот таким образом Эллен, теперь уже не Робийяр, повернулась спиной к Саванне, чтобы больше никогда ее не видеть, и с пожилым довольно мужем, со своей Мамми и двадцатью «домашними неграми» двинулась в путь, по направлению к «Таре».

На следующий год у них родился первый ребенок, девочка, ее назвали Кейти Скарлетт, по матери Джералда. Папочка был, конечно, разочарован, что получил не сына, но все равно ужасно радовался, глядя на черноволосую головенку дочери, и в ее честь выставил рому для всех рабов и сам напился, шумный и счастливый.

Если Эллен и жалела порой о своем внезапном решении, то знать об этом не дано было никому, и, уж конечно, не Джералду, которого прямо распирало от гордости, что у него такая жена. Уезжая из милого, манерного городка у моря, она оставила все это позади, в прошлой жизни – и Саванну, и свои воспоминания. Теперь ее дом – «Тара», северная Джорджия.

Навсегда ушел в прошлое отцовский дом – прекрасный, легкий и совершенный, как женское тело, как парус на ветру. Бледно-розовые оштукатуренные стены особняка, построенного во французском колониальном стиле, поднимались над высоким цоколем, отчего здание казалось еще грациознее; к дверям вели плавно изогнутые пролеты лестницы в затейливом плетении литых чугунных перил... Туманный призрачный богатого, изысканного, теперь чужого дома.

Вместе с роскошью и уютом особняка в Саванне Эллен оставила, как выяснилось, и все блага цивилизации, попав совсем в иной и непонятный мир. Словно пересекла континент. Здесь, на севере Джорджии, простирался суровый край, и им владели сильные люди. С высокого плато у подножия Голубого хребта ей открылась панорама покатых холмов с мощными выходами гранита и высоченными сумрачными соснами. Дикая, первозданная природа – ничего общего с укрощенной мягкостью побережья. Там – тихая краса зарослей на островах, изукрашенных серым лишайником и увитых лианами, белая полоса пляжей, горячих от субтропического солнца, песчаные равнины, утыканные пальмами и пальметто⁵.

А здешние места знавали и зимнюю пронизывающую стужу, и летний палящий зной; закаленный народ кипел энергией и жаждой жизни. Мужчины были добры, учтивы, щедры, искрились шутками, но и сильны, мужественны и горячи на руку. Для жителей побережья особый шик состоял в том, чтобы сохранять небрежно-беззаботный вид в любом деле и в любой ситуации; даже дуэли и кровная вражда бессильны были заставить их потерять лицо. Здесь же люди давали волю гневу и вспышкам жестокости. Там жизнь устоялась, замедлила свой бег; здесь она была ключом – молодая, здоровая, свежая.

В Саванне все знакомые Эллен были скроены на один манер – настолько сходились они во взглядах и привычках, а тут она столкнулась со множеством различных типов. В северной Джорджии оседали переселенцы из других частей штата, а также из Виргинии и обеих Каролин, из Европы и из северных штатов. Некоторые новички, как Джералд, искали возможности разбогатеть; другие, подобно Эллен, происходили из старых, родовитых семейств, но жизнь в отчем доме стала почему-либо для них нестерпимой, и они думали найти покой в дальнем краю; многие переехали вообще безо всяких причин, если не считать беспокойной тяги к переменам, унаследованной от первопроходцев.

У каждого были свои корни – происхождение, воспитание, образование, обычаи, и в результате самым естественным образом сложилась жизнь практически без условностей, что для Эллен было ново, и к такому укладу она не смогла приспособиться. Там, на побережье,

⁵ Пальметто – американская карликовая пальма.

она всегда знала, как поступит человек в определенных обстоятельствах. Но никто и никогда не мог бы предсказать, как поступит житель северной Джорджии.

Дела в графстве шли весьма успешно – даже на фоне общего процветания всего американского Юга. Мир требовал хлопка, и только что поднятая целина, богатая и плодородная, давала его в изобилии. Хлопок определял биение пульса красных земель: вспашка, посадка и сбор урожая. В красных спиралевидных бороздах росли деньги, большие деньги – а с ними и спесь, и чванство, расцветающие на зеленых кустиках, покрытых белым пухом. Если хлопок так обогатил их за одно поколение, то насколько же богаче они станут в следующем!

Уверенность в том, что завтра будет еще лучше, добавляла им азарта, они купались в радостях жизни с усердием, совершенно непонятым Эллен. У них были деньги и были рабы, у них всего хватало, веселись не хочу. А они хотели. Им нравилось развлекаться. Похоже, они никогда не бывали заняты до такой степени, чтобы не бросить все дела ради рыбалки, охоты или скачек. Недели не проходило без этих их барбекю и балов.

Эллен не могла, да и не хотела стать совершенно как они, стать одной из них – слишком многое у нее было связано с Саванной, но она относилась к ним с уважением, а со временем отучилась пугаться их свободы, раскованности и прямоты; ее даже восхищало их умение ценить человека таким, каков он есть.

В графстве ее полюбили. Рачительная хозяйка, хорошая мать и преданная жена – такой была теперь Эллен. Разбитое сердце и самоотречение могли бы привести ее в монастырь, но вместо этого она посвятила всю себя своему ребенку, своему дому и мужчине, который увез ее из Саванны, подальше от воспоминаний, и ни о чем не расспрашивал.

Скарлетт росла крепеньким, здоровым и резвым ребенком – по мнению Мамми, так для девочки даже чересчур, и, когда ей исполнился годик, у Эллен родился второй ребенок, Сьюзен Элинор, которую все называли Сьюлен, а в положенный срок явилась на свет и Кэррин – Кэрролайн Айрин. Потом настала очередь мальчиков, но они умирали во младенчестве, еще до того, как вставали на ножки, и теперь все трое покоились в земле под сенью кедров, в сотне ярдов от дома, и на каждом камне имя: «Джералд О’Хара, мл.».

С тех пор как в «Тару» приехала Эллен, поместье переродилось. В свои пятнадцать лет Эллен полностью была готова к обязанностям жены плантатора. До замужества для девушки что главное? Быть красивой, приветливой, милой – словом, усладить глаз, а то и замуж не выйдешь. Но уж после этого от нее ожидается умение вести дом: она должна взять в свои руки хозяйство, в котором человек сто народу, черных и белых. Девочек так и растили, имея это в виду.

Эллен тоже получила надлежащую подготовку, как и любая благовоспитанная девица ее круга, и, кроме того, при ней была Мамми, а Мамми обладала таким зарядом энергии – мертвого могла оживить, не то что ленивого негра. Эллен быстро внесла порядок в Джералдово хозяйство, навела в нем лоск и блеск, и «Тара» стала ну просто красавица.

Дом ведь мало того что строился без какого-либо архитектурного плана, но потом еще по всякому случаю обрастал лепившимися как попало пристройками; однако стараниями Эллен он приобрел такое очарование, что отсутствие первоначального замысла вовсе стало незаметно. Кедровая аллея, ведущая от главной дороги к дому – без такой аллеи в Джорджии и дом не дом, – аллея эта создавала своей темной, тенистой, холодноватой массой отличный фон для всяческой другой растительности, казавшейся по контрасту еще ярче. К белым кирпичным стенам дома прильнула глициния, оплетая веранды и смыкаясь с розовым шелком миртовых кустов у дверей и белыми звездами магнолий на лужайке, – все это цветущее чудо маскировало грубую тяжеловесность постройки.

Весной и летом густо поросшая клевером и бермудской травой лужайка делалась изумрудно-зеленой и по этой причине неотразимо привлекательной для индюшачьих и гусиных стай, коим полагалось копошиться за домом, так сказать в тылу. Вожаки стай то и дело соби-

рали втихомолку свое воинство и водили его в походы на передовую, на фасадный двор, соблазненные дивной травкой и сладостным обещанием, таившимся в гроздьях жасминовых бутонов и в цинниях на клумбах. Во избежание грабежей на переднее крыльцо был посажен часовым черный мальчонка. Он тоже стал неотъемлемой частью пейзажа «Тары» – маленький негритенок, вооруженный драным полотенцем, сидящий на ступеньках с самым разнесчастным видом: ну как же, ему запрещено стегать прутом нахальную птицу и швыряться камнями, а только и можно что махать и хлопать полотенцем и шугать ее.

У Эллен дюжины мальчишек побывали на этом посту, выполняя первую в жизни ответственную задачу из тех, что возлагались на мужскую часть рабов в «Таре». По достижении десяти лет ребят отдавали в учение к Папаше – старому сапожнику, починявшему обувь для всего населения плантации, или к Амосу – каретнику и плотнику, или к скотникам Филиппу и Каффи – ходить за коровами и мулами. Если ученики не выказывали способности и прилежания ни в одном из этих занятий, то становились полевыми работниками, утрачивая в глазах негров всякое право претендовать хоть на какое-то общественное положение.

Жизнь Эллен текла не очень-то легко, веселья в ней тоже не замечалось. Но она и не ожидала, что жизнь будет легкой. А что нет счастья и веселья – ну, такова женская доля. Это ведь мужской мир, и она приняла его как данность. Мужчина – владелец, собственник, а женщина ведет его дела. Мужчина собирает дань уважения своим организаторским талантам, и женщина превозносит его ум. Мужчина ревет белугой от занозы в пальце, а женщина заглушает подушкой стоны во время родов, дабы не потревожить его сон. Мужчины бранятся, напиваются, женщины не слышат брани и без горьких слов укладывают своих пьяниц спать. Мужчины бывают хвастливы, грубы и несдержанны на язык; но женщины – это всегда доброта, приветливость и всепрощение.

Эллен умела нести свой крест, не теряя обаяния женственности, ведь она была истинная леди – и по крови, и по воспитанию. Естественно, она хотела воспитать настоящими леди и своих дочерей. С младшими дело подвигалось хорошо, потому что Сьюлен, страшно озабоченная своей привлекательностью, внимала каждому слову матери, а Кэррин была девочка смирная и легкоуправляемая. Но Скарлетт – вся в отца – сочла, что положение знатной дамы не требует большого труда.

Она не любила играть со своими скромными сестричками или с благовоспитанными девочками Уилкс, предпочитая негритянскую детвору и мальчиков с соседних плантаций, и могла не хуже любого из них лазить по деревьям и кидаться камнями. Мамми негодовала, возмущалась, называла такие замашки предательством по отношению к Эллен и призывала Скарлетт вести себя как подобает маленькой леди. Эллен же была в таких вещах более толерантна и дальновидна. Товарищи по детским играм скоро вырастут и превратятся в женихов, а первейший долг девушки – сделать хорошую партию. И Эллен говорила себе, что просто ее ребенок полон жизни и есть еще время научить девочку искусству быть привлекательной для мужчин.

К этой цели и свелись в конечном счете соединенные усилия Эллен и Мамми, а Скарлетт, подрастая, делалась в этом предмете очень способной ученицей, хотя из других дисциплин не усваивала практически ничего. Вопреки стараниям череды гувернанток, а потом и педагогов Фейетвиллской женской школы, где она провела два года, образование ее носило лишь эскизный характер. Зато ни одна девушка в графстве не умела танцевать так грациозно, как она. Скарлетт знала, как надо улыбаться, чтобы показать ямочки на щеках, как пройтись на цыпочках, чтобы юбки на обруче всколыхнулись самым умопомрачительным образом; она освоила особую технику взгляда: смотришь прямо в лицо мужчине, потом опускаешь глаза, смежаешь веки и трепещешь ресницами – полное впечатление, что ты вся дрожишь от нежных чувств. А более всего училась она искусству скрывать острый ум и пронизательность под миленькой, пустынькой детской мордашкой, которая так нравилась мужчинам.

Эллен со своими деликатными наставлениями и Мамми с вечными придирками – обе они трудились над тем, чтобы оснастить ее качествами, необходимыми для будущей жены.

– Будь помягче, родная, и немного степеннее, – говорила Эллен. – И не надо перебивать джентльменов, даже если тебе кажется, что ты разбираешься в деле лучше, чем они. Джентльмены не любят превосходства в девушках.

А Мамми вещала профессорским тоном:

– Молодые барышни, которые хмурят лоб, да задирают нос, да твердят то и дело: «А я хочу! А я не буду!» – вот такие-то никогда хорошего муженька не отхватят. Молодым барышням положено глазки вниз и тихонько эдак: «Да, саа. Конечно, саа. Как вам будет угодно, саа».

Каждая по-своему, они учили ее всему тому, что нужно знать замужней женщине и что должно быть присуще светской даме, но Скарлетт усваивала только внешние знаки благородного происхождения, а то, что эти знаки должны проистекать из внутренних достоинств, казалось ей совершенно излишним. Зачем? Достаточно наружности: у нее есть манеры, а положение знатной дамы уже само по себе способствует успеху в обществе – большего и не требуется. Джералд хвастал, что она первая красавица на все пять графств, и не без оснований, поскольку дочь получила предложения чуть не от каждого молодого человека из соседних имений и имела множество воздыхателей в других, отдаленных местах – в Атланте и Саванне.

В шестнадцать лет, благодаря Эллен и Мамми, она выглядела милой, беспечной прелестницей, оставаясь на самом-то деле своевольной и упорной гордячкой. У нее был горячий, страстный, вспыльчивый нрав ирландца-отца и ничего от самоотверженной, многотерпеливой природы матери. У Эллен она взяла только внешний лоск, да и то тончайший слой. Эллен так и не осознала до конца, что это всего лишь лоск, потому что Скарлетт всегда старалась предстать перед ней в лучшем свете, скрывая свои выходки и перепады настроения; словом, в присутствии Эллен это была паинька и тихоня, которая могла устыдиться до слез от одного укоризненного материнского взгляда.

Но Мамми не питала иллюзий на этот счет и постоянно была начеку, как бы не проглядеть трещинку в оболочке. У Мамми глаз был куда острее, чем у Эллен, и Скарлетт не могла припомнить случая, когда бы ей удавалось долго ее дурачить.

Любящие наставницы сокрушались не оттого, что Скарлетт искрится живостью и пленяет всех подряд своим юным очарованием. Такие черты составляли гордость южанок. Нет, их заботило в ней Джералдово твердокаменное упорство и неудержимая пылкость, они даже побаивались – а вдруг не получится сохранить в тайне этакую опасную ущербность своей воспитанницы, пока она не сделает приличную партию. Однако Скарлетт уже решила: она выйдет замуж, выйдет за Эшли, и у нее хватит воли казаться пустоголовой уступчивой скромницей, если это и есть те качества, которые привлекают мужчин. Почему с мужчинами следует поступать подобным образом, ей неизвестно. Известно только, что такие методы срабатывают. И никогда это не занимало ее настолько, чтобы утруждаться продумыванием всей цепочки причин и следствий. Она не разбиралась во внутренних побуждениях людей, даже свою душу не понимала толком. Она просто знала, что если она поступит так-то и так-то, то мужчины непременно откликнутся и добавят еще свое то-то и то-то. Как в математическом уравнении и ничуть не труднее, тем более что математика – это единственный предмет, который давался ей в годы учебы с легкостью.

Если она мало что понимала в мужской психологии, то в женской – и того меньше, потому что женщины меньше интересовали ее. У нее никогда не было подруг, и она не чувствовала, что в этом смысле ей чего-то не хватает. По ней так все женщины, и две ее сестры в том числе, – это самой природой созданные враги и соперницы в преследовании одной и той же дичи – мужчины.

Все женщины, за одним единственным исключением.

Ее мать, Эллен О'Хара, отличалась от всех, она была другая, и Скарлетт смотрела на нее как на святыню, не имеющую ничего общего с человеческим родом. Когда Скарлетт была маленькая, она соединила свою маму с Непорочной Девой Марией и теперь, став старше, не понимала, с какой стати менять мнение. Под крылом у Эллен ей было тепло и покойно – такое чувство защищенности могут дать только силы небесные и родная мать. Ее мама, и она точно это знала, являет собой воплощение справедливости, правды, любящего сердца и глубокой мудрости – настоящая знатная дама, истинная леди.

Скарлетт очень хотелось быть похожей на мать, быть такой, как мать. Одна лишь помеха: как только станешь такой вот правильной, правдивой, нежной и самоотверженной, сразу ведь пропадет почти вся прелесть жизни и поклонников растеряешь... А жизнь слишком коротка, чтобы разбрасываться такими приятными вещами. Когда-нибудь, когда она будет замужем за Эшли и станет старше, наступит день и она поймет, что пора, вот тогда она постарается стать похожей на Эллен. Но до того...

Глава 4

В тот вечер за ужином Скарлетт заменяла мать, следя за тем, чтобы ничего не упустить из обязанностей хозяйки дома, но мысли ее были в разброде – никак она не могла свыкнуться с этой ужасающей вестью насчет Эшли и Мелани. С отчаянным нетерпением ждала она возвращения Эллен: без матери она чувствовала себя потерянно и одиноко. По какому праву эти Слэттери, с их вечными болячками, вытаскивают мать из дому, когда она так нужна ей самой! И в продолжение всей этой кошмарной трапезы ей в уши барабанил гулкий голос Джералда. Ну, все, еще минута – и она взорвется. Он начисто позабыл об их разговоре и затынул свою песню про последние новости из Форт-Самтера, для большей выразительности размахивая руками и припечатывая каждую фразу кулаком по столу. Джералд всегда перекрывал все голоса за столом, свои монологи он ввел в обычай, и Скарлетт давно привыкла слушать его вполуха, предаваясь в это время собственным мыслям. Но сегодня ей нельзя отключиться, и она изо всех сил ловила звуки со двора, напряженно ожидая услышать скрип коляски, возвещающий приезд Эллен.

Конечно же она вовсе не собиралась рассказывать матери о том, что ее гнетет. Эллен была бы потрясена и очень опечалена, узнай она, что ее дочь мучается из-за человека, помолвленного с другой. Просто Скарлетт знала, что рядом с матерью ей станет легче, она это знала всегда и даже теперь, погруженная в пучину своей первой трагедии, надеялась на мать. Нет такой беды, которую Эллен не смогла бы облегчить уж одним своим присутствием.

С подъездной дорожки донесся скрип колес, Скарлетт так и подскочила, но почти сразу же опустилась опять на стул: коляска обогнула дом и въехала на задний двор. Это не может быть Эллен – она вошла бы через главную дверь. Послышалась возбужденная быстрая болтовня негров и визгливый смех. Взглянув в окно, Скарлетт увидела Порка, он высоко держал пылающий сосновый сук, а из повозки вылезали какие-то люди – не разобрать во тьме двора. Они смеялись, перекидывались словами, звуки возникали и таяли в тихом ночном воздухе – довольные гортанные голоса, мирные, приятные, домашние звуки. Чьи-то ноги затопали по ступенькам заднего крыльца, потом по проходу, ведущему в главный дом, и остановились за дверью столовой. Короткий громкий шепот, дверь открывалась, и на пороге возник Порк, сам на себя не похожий – куда девалась его солидность? – он вращал белками глаз, сверкал зубами, шумно дышал и весь светился гордостью, – прямо жених.

– Миста Джералд! – возгласил он. – Ваша новая женщина прибыла!

– Что еще за новая? Я новых не покупал, – заявил Джералд, напуская на себя свирепость.

– Нет, маса! Нет, миста Джералд, вы покупали! Покупа-али, маса, да-а! И она тута, она хочет поговорить с вами, маса!

– Ну давай, веди сюда свою новобрачную, – велел Джералд.

Порк обернулся и поманил жену, только что явившуюся с плантации Уилкса, чтобы влиться в число домочадцев «Тары». Она ступила в комнату, а позади, почти незаметная за обширными цветастыми юбками, крутилась, прижимаясь к материнским ногам, ее дочь, мелкая двенадцатилетняя девчонка. Сама же Дилси была высока ростом и держалась очень прямо. Сколько ей лет, определить было трудно: ни складочки, ни морщинки на неподвижном бронзовом лице; такая внешность может быть в любом возрасте – от тридцати до шестидесяти. В чертах явственно проступала индейская кровь, перевешивая негритянскую. Красноватый цвет кожи, узкий высокий лоб, высокие выступающие скулы и орлиная горбинка носа, неожиданно расплющенного на конце, над толстыми негритянскими губами, – все в ней выказывало смешение двух рас. Она вошла в дом с полным самообладанием и так величаво, что Мамми нечего было с ней и тягаться. Оно и понятно: Мамми это приобрела с годами, а Дилси такой родилась.

Она заговорила; у нее оказался иной выговор, не такой, как у большинства негров, глотающих половину слов и сливающихся фразы в один поток. И она старательно следила за своей речью.

– Добрый вечер, барышни. Миста Джералд, я сожалею тревожить вас, но я очень хотела прийти сюда и благодарить вам еще раз, что вы купили меня и мое дите. Меня многие джентльмены хотят купить, да только без моей Присси, а вы меня избавили от гореванья. И я благодарю вам. Я для вас расстараясь и докажу, что я не забывчивая.

– Э... хмррр, – рыкнул Джералд, кашлем прикрывая конфуз: как же, его поймали на доброте, да еще и выставили на всеобщее обозрение!

А Дилси повернулась к Скарлетт, и что-то вроде улыбки появилось в уголках ее глаз.

– Мисс Скарлетт, Порк мне расписывал, как вы просили миста Джералд купить меня. И за это я желаю отдать вам мою Присси, пусть послужит вам.

Она пошарила рукой у себя за спиной и выдернула на свет девчонку – маленькую и темнокожую, на тонких птичьих ножках и с мириадами туго заплетенных косичек, торчащих во все стороны, как пороссячи хвостики. У нее были острые, всезнающие, ничего не упускающие глазки и заученно тупое выражение лица.

– Спасибо, Дилси, – ответила Скарлетт, – но что скажет на это Мамми? Она ведь ходит за мной с того дня, как я появилась на свет.

– Мамми старая, – изрекла Дилси с таким спокойствием, что Мамми уж точно бы разъярилась. – Она хорошая нянька, но вы теперь молодая леди и нуждаетесь в хорошей служанке, а моя Присси целый год прислуживала мисс Индии. Она ловка шить и волосы укладывает, как взрослая.

От материнского тычка Присси неожиданно подпрыгнула, изобразила реверанс и широко улыбнулась Скарлетт; та не смогла удержаться и тоже улыбнулась в ответ. «Маленькая пройдоха», – подумала Скарлетт, а вслух сказала:

– Спасибо, Дилси. Матушка приедет домой, и мы подумаем.

– Благодарю вам, мэ. От меня вам пожелание доброй ночи. – И Дилси выплыла из комнаты вместе со своим ребенком, а Порк пританцовывал следом.

Со стола убрали, и Джералд возобновил прерванную речь, но уже без особого удовольствия для себя самого, а для аудитории и подавно. Его грозные предсказания, что война на пороге, и риторические вопросы типа «До каких же пор Юг будет сносить оскорбления от янки?» наводили легкую тоску и вызывали ожидаемые отклики: «Да, па», «Нет, па». Кэррин, устроившись на подушке под лампой, с головой ушла в какой-то роман, про девушку, которая удалилась в монастырь после смерти возлюбленного; слезы восторга туманили ей глаза, и сквозь радужную пелену уже рисовался ей собственный портрет в белом чепце монахини. Сюлен украшала вышивкой какие-то вещи, которые она, подхихикивая, называла «своим приданным», и прикидывала в уме, вот бы завтра на барбекю увести от сестры Стюарта Тарлтона и восхитить его милыми женскими качествами, коими она обладала, а Скарлетт – нет. Сама же Скарлетт пребывала в полном смятении из-за Эшли.

Как может папа все говорить и говорить, причем только про Форт-Самтер и этих своих янки, когда знает прекрасно, что у нее сердце разрывается? Со свойственным юности эгоизмом она дивилась, что люди способны так замыкаться на себе, быть столь равнодушны к ее боли; она вообще не понимала, как это мир вокруг не пошатнулся и не разбился вместе с ее сердцем.

У нее в душе бушевал циклон, и довольно странно, что в столовой ничего не изменилось, все как было, так и есть. Тяжелый стол красного дерева, солидные буфеты, массивное столовое серебро, яркие лоскутные половички – все на своих местах, словно ничего не случилось. Уютная, приветливая комната, вся семья, по обыкновению, проводила здесь тихие, спокойные часы после ужина, и Скарлетт тоже это нравилось. Но сегодня вечером ей все вокруг было ненавистно, и если б только она не боялась, что отец раскритичится и начнет при всех ее

расспрашивать, то давно бы улизнула потихоньку. Забралась бы на диван в кабинете Эллен и выплакала в подушку свое горе.

Для Скарлетт не было лучше места в доме. Там Эллен по утрам проверяла счета и выслушивала доклады Джонаса Уилкерсона, надсмотрщика над рабами. И там же, пока Эллен водила пером по строчкам гроссбуха, бездельничало семейство – Джералд в кресле-качалке, а девочки на продавленных подушках дивана, который давно свое отслужил и не годился для передних комнат. Скарлетт не терпелось очутиться там, вдвоем с матерью, уткнуться головой ей в колени и вволю поплакать. Да приедет ли она вообще когда-нибудь!

Но вот резко захрустел под колесами гравий на дорожке, и в столовую донеслось негромкое журчание голоса Эллен, отпускающей кучера. Вошла она торопливо, даже юбки на обручах ходуном ходили, но по лицу было видно, что она страшно устала и опечалена. Семья отложила свои занятия и пылливо на нее уставилась. Вместе с Эллен в комнате появился и едва уловимый аромат лимонной вербены, неотступно летящий за складками всех ее платьев, – аромат, навсегда связанный в сознании Скарлетт с образом матери. На положенном расстоянии за хозяйкой следовала Мамми – в руке кожаная сумка, нижняя губа на полфута вперед, брови нахмурены. Мамми тяжело переваливалась на ходу и бормотала что-то себе под нос, четко рассчитав громкость – так, чтобы никто не разобрал ее замечаний, но чтобы и ни от кого не укрылось ее крайнее неодобрение и даже осуждение.

– Извините меня, я так поздно. – Эллен подхватила теплую шаль, скользнувшую с опущенных плеч, и передала ее Скарлетт, коснувшись мимоходом ее щеки.

Джералд волшебным образом засиял при появлении жены.

– Ну что, окрестили постреленка? – спросил он.

– Да. Он умер, бедная кроха, – сказала Эллен. – Я опасалась, Эмми умрет тоже, но кажется, она будет жить.

Девочки впились глазами в мать, а Джералд покачал головой в раздумье:

– Оно и к лучшему, что парнишка умер, каково-то ему было бы, безотцовщи...

– Уже поздно. Нам нужно бы теперь помолиться.

Эллен перебила мужа так мягко, так ровно, что вмешательство вообще могло остаться незамеченным. Однако Скарлетт хорошо изучила свою мать.

Интересно, кто же все-таки отец ребенка Эмми. Понятно, что если ждать, пока мама что-нибудь расскажет, то не узнаешь ничего и никогда. Скарлетт подозревала Джонаса Уилкерсона, потому что часто видела, как с наступлением вечера он прогуливается с Эмми по дороге. Джонас – янки и холостяк, а тот факт, что он служит надсмотрщиком на плантации, навсегда отгородил его от любых контактов со светским обществом графства. Ни с одной семьей, имеющей хоть какое-то положение, он не смог бы породниться, и с ним никто не желал знаться, разве что Слэттери и прочий сброд. Но сам-то Джонас по образованию на несколько порядков выше всяких там Слэттери, и вполне естественно, что он не захотел жениться на Эмми, как бы часто ни водил ее гулять в сумерках.

Скарлетт вздохнула: все-таки любопытство ее томило. История произошла, можно сказать, прямо на глазах у ее матери, а она ведет себя так, будто ничего не замечает или вовсе ничего не случилось. Эллен умеет попросту пропускать мимо себя все то, что противоречит ее представлениям о приличиях, и старается научить тому же Скарлетт, но пока без особого успеха.

Эллен шагнула к каминной полке – взять из маленькой шкатулки свои четки, но в этот момент заговорила Мамми – твердо и решительно:

– Мисс Эллен, вы сейчас будете ужинать, а молиться – потом.

– Спасибо, Мамми, я не голодна.

– Я сейчас сама займусь ужином, и вы будете есть! – заявила рассерженная Мамми, и брови у нее взъерошились от негодования. Сотрясая полы, она вышла в коридор и крикнула в

сторону кухни: – Порк! Вели кухарке затопить плиту! Мисс Эллен дома! – И тот обращенный как бы к самой себе монолог, с которым Мамми появилась в доме, поначалу совсем неразборчивый, делался теперь все громче и громче, отчетливо долетая до слуха господ, сидевших в столовой: – Ведь талдычу им день и ночь, добра от этого не будет, и не нужно ничего делать, нельзя ничегошеньки делать для этой белой рвани, все они лодыри и нытики никчемные неблагодарные, на жизнь себе заработать не могут, и мисс Эллен нечего себя выматывать, здоровье тратить на таких людей, ухаживать за ними, были бы с головой, завели бы себе ниггеров ухаживать-то за ними, ведь говорю и говорю...

Мамми удалялась по крытому навесом переходу, ведущему в кухню, и сердитое ворчанье постепенно стихало вместе со стоном половиц. Она продемонстрировала свой особый метод доводить до всеобщего сведения личное мнение и могла заняться делом. Она знала, что сознание собственного достоинства не позволяет белым обращать ни малейшего внимания на слова черных, произносимые себе под нос в их присутствии. Она также знала, что для поддержания этого своего достоинства на должной высоте белые обязаны игнорировать все, что она скажет, если она находится за дверью, пусть даже она почти кричит. Они делают вид, что не слышат, следовательно, она ограждена от порицаний и притом может не сомневаться, что каждому известна в точности ее позиция по данному вопросу.

В комнату вошел Порк – с подносом, столовым прибором и салфеткой, а по пятам за ним торопился Джек, черный мальчонка лет десяти. Джек на ходу застегивал пуговицы белой полотняной курточки, у него это плохо получалось, потому что одна рука была занята самодельным опахалом, сооруженным из тростника вдвое длиннее его самого с пучком газетных полосок наверху. У Эллен имелось настоящее опахало, очень красивое, из павлиньих перьев, но оно использовалось в редких случаях и после жестоких домашних баталий, разгоравшихся всякий раз из-за стойкого убеждения Мамми, Порка и поварихи, что павлиньи перья в доме – это к несчастью.

Эллен села на стул, предупредительно отодвинутый для нее Джералдом, и четыре голоса разом обрушились на нее:

– Мама, у меня на новом бальном платье оторвались кружева, а я хотела завтра непременно быть в нем в «Двенадцати дубах». Ты не могла бы пришить?..

– Мама, у Скарлетт новое платье лучше моего, и вообще я в своем розовом как пугало. Почему она не может надеть мое розовое, а мне отдать свое зеленое? Ей в розовом вполне нормально...

– Мама, а можно я завтра останусь на бал? Мне уже тринадцать...

– Миссис О’Хара, вы не поверите – да тихо вы, девчонки, наперед отца-то! Тут Кейд Калверт сегодня утром был в Атланте и говорит, да замолчите вы когда-нибудь, я уж сам себя не слышу! Вот, значит, он и говорит, у них суций переполох, ни о чем другом и речи нет, только о войне, об ополчении и формировании эскадронов. И еще он говорит, из Чарлстона поступают известия, что там решено спуску янки не давать.

Утомленная улыбка Эллен прервала это словоизвержение; она отвечала всем по очереди, начав, конечно, с мужа, как подобает хорошей супруге:

– Что ж, если разборчивая публика Чарлстона так считает, то, по всей вероятности, мы тоже скоро придем к подобному выводу.

В Эллен глубоко укоренилась вера, что если и есть на континенте такое место – кроме, разумеется, Саванны, – где можно встретить самую родовитую знать, то только в этом небольшом портовом городе, – вера, разделяемая большинством жителей Чарлстона.

– Нет, Кэррин, – сказала мать своей младшей, – только на следующий год, милая. Тогда тебе можно будет ездить на балы и надевать взрослые платья – какая чудесная пора наступит для этих румяных щечек! И не дуйся, детка. Вспомни, тебя ведь берут на барбекю. Но до четырнадцати лет никаких балов! – И Эллен перевела взгляд на старших девочек. – Принеси

мне свой наряд, Скарлетт. После молитвы я приметаю кружева. Сьюлен, родная, мне не нравится твой тон. Это розовое вечернее платье просто прелесть и подходит к твоей наружности не меньше, чем Скарлетт – зеленое. Если хочешь, возьми мое гранатовое колье, наденешь завтра вечером.

За спиной у матери Сьюлен победительно сморщила нос в сторону Скарлетт: ну как же, сестра сама имела виды на это колье. Скарлетт в ответ показала язык. Сьюлен ужасно ее раздражала: вечно она ноет, ябедничает и все себе, все себе! Если б не сдерживающая материнская рука, Сьюлен частенько доставались бы подзатыльники от Скарлетт.

– А теперь, мистер О’Хара, расскажите мне, что еще говорил мистер Калверт про Чарлстон, – попросила Эллен.

Скарлетт знала, что Эллен нисколько не волнует ни война, ни политика; мать полагает, что все это чисто мужские проблемы, в которых дамы не могут и не должны разбираться. Но Джералду доставляло удовольствие развивать перед ней свои взгляды, и Эллен ни в коем случае не хотела лишать его этой радости.

Пока Джералд излагал свои новости, Мамми поставила перед хозяйкой блюдо: поджаренные до золотистой корочки тосты, грудку цыпленка и желтый ямс, исходящий паром и сочащийся растопленным маслом. Мамми щипнула маленького Джека, и он тут же принялся за работу – ему следовало тихонько махать бумажными лентами над головой Эллен. Мамми встала у стола, следя за каждым навильником, совершающим путь от тарелки ко рту, как будто вознамерилась насильно запихать пищу в Эллен при первых же признаках отступления. Эллен прилежно ела, но Скарлетт видно было, что она утомлена сверх меры и даже не понимает, что такое она ест. Просто ее вынуждал к этому неумолимый вид Мамми.

Когда на блюде ничего не осталось, а Джералд еще был где-то на полпути в своих комментариях по поводу воровских замашек янки, которые хотят освободить черных, не предлагая ни пенни за их свободу, Эллен поднялась.

– Что, будем молиться? – Джералд явно не горел желанием.

– Да. Поздновато, конечно, – о-о, оказывается, уже десять. – Часы покашляли, похрипели и тоненькими ударами отметили время. – Кэррин давно пора спать. Лампу, пожалуйста, Порк, и мой молитвенник, Мамми.

Понукаемый громким шепотом Мамми, маленький Джек отставил опахало в угол и унес тарелки, а сама Мамми заколыхалась к буфету, где хранился в ящике порядком уже потрепанный молитвенник. Порк, встав на цыпочки, дотянулся до кольца в цепочке и осторожно стал опускать лампу, пока поверхность стола не осветилась ярко, а потолок погрузился в тень. Эллен аккуратно расправила юбки и преклонила колени, положив на стол перед собой раскрытый молитвенник и придерживая страницы ладонями. Джералд встал на колени рядом с ней, а Скарлетт и Сьюлен заняли обычные свои места напротив них, соорудив из складок необъятных нижних юбок нечто вроде подушек, чтоб не так больно было коленкам на твердом полу. Кэррин, слишком маленькой для своих лет, было неудобно стоять на коленях у стола, поэтому она становилась у стула, опершись локтями о сиденье. Ей тут нравилось, потому что порой во время молитвы она не умела победить дремоту, а мама со своего места ничего такого не замечала.

В коридоре шаркали ногами и шушукались слуги, опускаясь на колени у дверей: громко стонущая Мамми; прямой, как шомпол, Порк; горничные Тина и Роза, очень изящные в крахмальных цветастых ситцах; худюшая кухарка с белой тряпицей на волосах и отупевший, сонный малыш Джек, устроившийся вне досягаемости от щипков Мамми. Черные глаза поблескивали выжидательно: что ни говори, а совместная с белыми молитва – это заметное событие дня. Древняя красочная образность литании не доходила до их сознания, но трогала душу, и они покачивались в такт, выпевая ответствия: «Господи, помилуй нас! Господи Иисусе Христе, помилуй нас!»

Эллен прикрыла глаза и приступила к молитве; голос ее возвышался и замирал, ласкающий, успокоительный... Желтый круг света падал на склоненные над столом головы; Эллен возносила благодарственную молитву Господу во здравие и благополучие своего дома, своей семьи и своих рабов. Она помолилась за живых и за ушедших – за тех, кто нашел себе кров в «Таре», и за своих родителей, и за сестер, и за трех умерших младенцев, и «за все несчастные души, что томятся в чистилище». Потом сжала в длинных своих пальцах белые четки и начала молитву Божьей Матери. Подобно дуновению ветра понеслись ответствия, повторяемые разом и белыми и черными: «Пресвятая Дева Мария, Матерь Божия, молись за нас, сирых, и ныне, и в наш смертный час!»

В подобные минуты на Скарлетт всегда нисходили мир и покой. Так было и теперь – несмотря на сердечную боль и горечь от невыплаканных слез. Разочарование, принесенное днем сегодняшним, и страшный призрак завтрашнего немного отошли, уступая место надежде. Бальзам пролился не оттого, что душа ее обратилась к Богу, – нет, религиозные обряды значили для нее не более, чем пустые слова, произносимые равнодушными устами. Нет, это лик матери действовал так на нее – вид матери, молящей у престола Господня благословения тем, кто ей дорог. А когда ее мать выступает посредником в отношениях с Небесами, Небеса услышат – в этом Скарлетт убеждена была твердо.

Эллен закончила, настал черед Джералда, но он, по обыкновению, не сумел найти свои четки и стал отчитывать молитвенные стихи, загибая пальцы. Под монотонное жужжание отцовского голоса мысли у Скарлетт опять разбрелись сами собой, хотя она и понимала, что должна сейчас сосредоточиться на своей совести. Так учила ее Эллен – в конце каждого дня следует разобраться с совестью, признать ошибки и просить у Бога, чтобы даровал прощение, а также и силы противостоять им в будущем. Но Скарлетт была поглощена своими сердечными заботами.

Она опустила голову на сложенные руки, чтобы матери не видно было ее лицо, и предавалась печали. Как может Эшли даже думать о женитьбе на Мелани, когда на самом деле любит ее, Скарлетт? И знает, как сильно она любит его. Как он может – намеренно разбивать ей сердце?!

И вдруг некая идея, свежая и ослепительно-прекрасная, молнией сверкнула у нее в голове.

«Да ведь Эшли понятия не имеет, что я в него влюблена!»

Она чуть не ахнула от неожиданности. Мысль замерла, парализовав ее на долгое, бездыханное мгновение, а затем вскачь понеслась вперед.

«А откуда ему знать? Я же всегда веду себя при нем этакой скромницей и недотрогой, как подобает леди. И он думает, наверное, что он мне ни капельки не нужен, только как друг. Да, вот почему он и не говорил ничего! Он думает, это безнадежная любовь. Оттого-то он и смотрит так...»

Она скоренько вернулась к тем моментам, когда ловила на себе его взгляд – искренний и беззащитный, когда с этих серых глаз словно спадала завеса, столь умело скрывающая его мысли, и она ясно читала в них страдание и муку.

«Он переживает, думая, что я влюблена в Брента или Стюарта, а может, и в Кейда. И наверное, решил, что раз не получит меня, то хоть сделает приятное своей семье, женившись на Мелани. А если б он знал, что я – я! – влюблена в него...»

И ветреный ее нрав тут же воспарил над бездной отчаяния к сияющим вершинам блаженства. Вот где ответ на загадочные недомолвки Эшли. На все его странное поведение. Он не знал! Тщеславие, подстегнутое острым желанием поверить, превращало предположение в уверенность. Если он узнает, что она его любит, то сразу примчится к ней! Всего-то и нужно, что...

«О-о! – От восторга она запустила пальцы в строгую свою прическу. – Что же я за дура такая? Ну почему я не подумала об этом раньше? Надо срочно сообразить, каким образом дать ему понять. Он не стал бы жениться на Мелани, если б знал, что я люблю его! Разве он смог бы?..»

Внезапно до нее дошло, что Джералд перестал читать и мать уже смотрит на нее. Она поспешно принялась за свою часть, машинально перебирая четки и не вдаваясь в смысл слов, но с таким глубоким чувством, что Мамми открыла глаза и устремила на нее взыскующий взор. Скарлетт закончила читать положенное ей, настала очередь Сьюлен, а затем Кэррин, а она все летела вперед, упиваясь своей идеей.

Еще не поздно, даже сейчас! Сколько раз графство было скандализовано побегами влюбленных, когда жениха или невесту уводил кто-то третий практически от алтаря. А у Эшли не было еще и оглашения помолвки! Да, время есть, времени полно!

Если между Эшли и Мелани нет никакой любви, а только обещание, данное сто лет назад, так разве ему нельзя нарушить это обещание и жениться на Скарлетт? Конечно, он так и поступит, если узнает, что она, Скарлетт, любит его. Она должна найти способ дать ему знать. И она найдет! А тогда...

Ей пришлось резко оторваться от сладких мечтаний, потому что она забыла про ответствия, и теперь вот мама глядит на нее укоризненно. Включаясь снова в ритуал, Скарлетт быстро обвела глазами комнату. Коленопреклоненные фигуры, мягкий свет лампы, смутные тени у дверей, где негры покачиваются в такт молитве, знакомая обстановка, что была ей так ненавистна час назад, – все вдруг окрасилось ее собственным чувством, и комната опять оказалась очень милым местечком. Никогда ей не забыть этот момент и эту сцену!

«Богородица, Дева, радуйся», – пропела речитативом мать. Начиналась литания Пречистой Деве, и Скарлетт послушно приговаривала ответствие: «Молись за нас, молись за нас», пока Эллен воздавала хвалу Богородице.

С самого детства для Скарлетт это был миг восхищения Эллен, преклонения перед нею – даже больше, чем перед Богородицей. Может быть, это святотатство, но, когда произносились древние фразы во славу Марии, Скарлетт, закрыв глаза, видела всегда поднятое к небу лицо матери, а не Благословенной Девы. И слова эти были прекрасны, потому что относились к Эллен: «Утешение скорбящим, Исцеляющая страждущих, Средоточие мудрости, Приют сирым и грешным». Но сегодня, в этом своем приподнятом, экзальтированном состоянии духа, Скарлетт впервые увидела необыкновенную красоту в самой церемонии – красоту, превосходящую все, что она переживала до сей поры. И от всего сердца возблагодарила Всевышнего, что указал ей путь – из ее несчастья прямо в объятия Эшли.

Когда прозвучало последнее «аминь», все стали подниматься с колен, некоторые – с трудом разгибая затекшие члены, а Мамми так вообще пришлось ставить на ноги соединенными усилиями Тины и Розы. Порк взял с каминной полки длинный жгут свернутой бумаги, зажег его от лампы и вышел в холл. Напротив лестницы стоял буфет, слишком громоздкий для столовой, а на нем – несколько ламп и длинный ряд свечей в подсвечниках. Порк зажег одну лампу и три свечи и величавой поступью придворного камергера, освещающего королю и королеве путь в их покои, повел процессию по лестнице. Лампу он держал высоко над головой. За ним шла Эллен об руку с Джералдом, а дальше девочки, каждая со своей свечой.

У себя в комнате Скарлетт поставила подсвечник на высокий комод и нашарила в темном чреве гардероба бальное платье, которое требовалось подшить. С платьем на руке она осторожно пересекла коридор, но не успела постучаться к родителям, как услышала сквозь неплотно прикрытую дверь голос Эллен, тихий, но непреклонный:

– Мистер О'Хара, вы должны уволить Джонаса Уилкерсона.

Джералд взорвался:

– А где прикажете мне достать другого надсмотрщика, который не обдерет меня как липку?

– Он должен быть уволен, и немедленно, завтра же утром. Большой Сэм – хороший десятник и сумеет выполнять его обязанности, пока вы не наймете другого надсмотрщика.

– Ха! Понял. Так это он обрюхатил...

– Он должен быть уволен.

«Значит, он и есть папаша Эмминого беби, – подумала Скарлетт. – О, ну конечно, чего еще можно ожидать от мужчины-янки и девицы из белой швали». Благоразумно выдержав паузу, пока отец перестанет брызгать слюной, она постучалась и отдала платье матери.

К тому времени, как Скарлетт разделась и потушила свечу, план на завтрашний день у нее уже был готов и продуман до мельчайших деталей. Все просто: с Джералдовой прямолинейностью она наметила себе цель, сосредоточилась на ней и выбрала кратчайший путь для ее достижения.

Во-первых, ей надо быть «гордой», как наказал Джералд. С момента появления в «Двенадцати дубах» она будет пребывать в самом игривом и веселом своем образе. Ни у кого не должно возникнуть ни тени подозрения, что она упала духом из-за Эшли и Мелани. И она будет флиртовать направо и налево, с каждым. Это будет жестоко по отношению к Эшли, но зато заставит его еще сильнее жаждать ее. Она не станет пренебрегать ни одним мужчиной брачного возраста, будь то Фрэнк Кеннеди с этими его рыжими бакенбардами, ухажер сестрички Сьюлен, или робкий, стыдливый тихоня Чарлз Гамильтон, братец Мелани. Они облепят ее, как пчелы улей, и, конечно, Эшли тоже потянет от Мелани в круг ее обожателей. Потом она как-нибудь ухитрится оказаться на несколько минут наедине с ним, в стороне от толпы. Она надеялась, что все пойдет именно так, потому что другой путь гораздо сложнее. Однако если Эшли не сделает первый шаг, то ей просто придется сделать это самой.

И вот они остаются наконец вдвоем, а у него перед глазами еще свежа картина, как другие мужчины роятся вокруг нее, и под сильным впечатлением от того факта, что каждый из них желает ее, он не сумеет спрятать выражение тоски и отчаяния, которое она ловила порой на его лице. И тогда она опять сделает его счастливым, дав ему понять, что хоть она и пользуется таким успехом, но его она предпочла бы любому мужчине в мире. И когда она признается – со всей скромностью, разумеется, как пристало леди, – то она, такая хорошенькая, станет для него еще в тысячу раз милее. Конечно, все будет очень прилично, ей и в страшном сне не приснилось бы прямо объявить ему, что она его любит, – такие вещи вообще никогда нельзя делать. Но как построить разговор – это мелочь, которая не беспокоила ее вовсе. Она устраивала подобные ситуации и раньше, сумеет и теперь.

Она лежала в постели, и в призрачном свете луны ей рисовалась вся сцена. Она видела, как на лице Эшли удивление сменяется блаженством, когда он осознает, что она действительно любит его, и уже слышала слова, как он просит ее стать его женой.

Естественно, ей придется сказать, что она просто и помыслить не может о свадьбе с человеком, который обручен с другой. Он будет настаивать, и в конце концов она позволит себя уговорить. Тогда они решат бежать в Джонсборо... и-и...

И завтра к этому времени она может уже быть миссис Эшли Уилкс!!!

Она уселась в постели, обхватив колени, и целую минуту, целую вечность предавалась счастью БЫТЬ миссис Эшли Уилкс – молодой женой Эшли! Потом легкий холодок забрался ей в сердце. Предположим, завтра не сложится, как она задумала? Предположим, Эшли не попросит ее бежать с ним в Джонсборо? Она решительно изгнала подобные мысли.

«Не буду думать об этом сейчас, – сказала она твердо. – Если я начну об этом думать, то расстроюсь. Да и с какой бы стати все пошло не так, как я хочу, – если он меня любит. А я знаю, что да!»

Она вздернула подбородок, и светлые, обведенные черной каймой глаза сверкнули в лунном свете. Элен никогда не говорила ей, что желание и достижение – это материи разные; и жизнь не научила ее, что далеко не все дается с наскоку. Она лежала среди серебристых теней и с храбрым сердцем строила планы, какие строят шестнадцатилетние, когда мир прекрасен, поражение невозможно, а хорошенькое платье и милое личико считаются подходящим оружием, чтобы победить судьбу.

Глава 5

Было десять утра. День выдался очень теплый для апреля, золотистые лучи солнца заливали комнату Скарлетт, струясь потоком в распахнутые окна с голубыми занавесками. Кременые стены стали еще светлее, мебель красного дерева светилась, как вино, а пол – в тех местах, где его не прикрывали веселые пятна ковриков, – блестел, как стеклышко.

В воздухе уже чувствовалось лето, первый намек на жаркое лето Джорджии: весна еще в самом разгаре и с большой неохотой уступает дорогу палящему зною. Комнату заполнило благоуханное бархатное тепло, насыщенное ароматами множества цветов, только что распустившихся деревьев и свежей, влажной красной земли. Из окна видны были два ряда нарциссов, окаймляющих посыпанную гравием подъездную дорожку, и золотистые массы кустов жасмина, скромно опустивших к земле цветущие ветки – как юбки на кринолинах. Пересмешники и сойки ссорились за обладание магнолией прямо под окном у Скарлетт – это у них была старая вражда, сойки кричали резко и пронзительно, а сладкоголосые пересмешники – плаксиво.

В такое утро Скарлетт обязательно потянуло бы к окну – упереться руками в широкий подоконник и упиваться запахами и звуками «Тары». Но сегодня ей хватило одного торопливого взгляда на сияющую лазурь: «Слава богу, дождя не будет».

На кровати лежало яблочно-зеленое переливчатое бальное платье с фестонами из небеленого кружева, аккуратно упакованное в большую картонную коробку и предназначенное к отправке в «Двенадцать дубов», чтобы Скарлетт переделалась перед танцами. Но Скарлетт, едва взглянув на него, лишь пожала плечами: если план ее исполнится, сегодня она его уже не надеет, потому что задолго до бала они с Эшли будут уже на пути к Джонсборо – и к своей свадьбе. Вопрос, над которым она билась уже два часа, состоял в другом: что ей сейчас-то надеть, в чем появиться на барбекю?

Нужно выбрать платье, которое наилучшим образом подаст ее прелести и сделает совершенно неотразимой для Эшли. С восьми часов она уже перемерила кучу нарядов и теперь стояла в панталонах с лентами, полотняном корсаже и трех вздымающихся пенной волной нижних юбках, отделанных кружевами. Скарлетт удрученно и с досадой взирала на живописные вороха, раскиданные по всей комнате. Ну что же, что?

Вот это розовое органди с длинным кушаком ей очень идет, нет слов, но Мелани, уж будьте уверены, запомнила, что Скарлетт приезжала в нем к Уилксам прошлым летом, и вполне может съязвить по этому поводу. Черное бомбазиновое, с буфами на рукавах и воротничком «принцесса», великолепно подчеркнет белизну ее кожи, но оно чуточку старит. Шестнадцатилетняя Скарлетт тревожно вперилась в свое отражение, словно ожидая увидеть там глубокие морщины и дряблый подбородок. Ни в коем случае нельзя выглядеть степенной и пожилой рядом с этой юной сладенькой Мелани. Муслин в лавандовую полоску, с широкими кружевными вставками и тюлем поверху смотрелся бы прекрасно, но не на ней. «Вот для Кэррин, с ее прозрачным профилем и никаким лицом, это платье в самый раз, а я в нем, – решила Скарлетт, – буду казаться школьницей». Ни в коем случае нельзя казаться школьницей рядом с уравновешенной Мелани. Зеленая тафта в клетку чудо как хороша – полно воланов и каждый волан обшит по краю зеленой бархатной лентой, это платье идет ей больше всего, можно сказать, оно самое ее любимое, потому что, когда она в нем, глаза у нее светятся чистым изумрудом; но на лифе, прямо спереди явственно виднеется масляное пятно. Конечно, на это место можно приколоть брошь... но вдруг у Мелани острый глаз?

Оставались только разноцветные ситчики, которые Скарлетт сочла недостаточно нарядными для такого случая, еще бальные платья и то зеленое муслиновое в цветочек, что было на ней вчера. Но оно для второй половины дня, почти вечернее, куда в таком на барбекю: крошечные рукавички буфами и глубокий вырез, как у бального. А что делать? Другого выхода

нет, придется его и надеть. В конце-то концов, разве может она стыдиться своей шеи, рук и бюста, пусть это и не по правилам – выставлять их с утра.

Вертясь перед зеркалом и так и этак, изгибаясь чуть не задом наперед, чтобы оценить вид сбоку, Скарлетт пришла к выводу, что ее фигура абсолютно лишена недостатков и стыдиться ей нечего. Шея у нее короткая, зато округлая, руки пухленькие и соблазнительные. Грудки, высоко поднятые корсетом, – очень, очень славные грудки. И не требуется нашивать на лиф присборенные шелковые полоски, как делают почти все девушки ее лет для придания фигуре желательных выпуклостей. Скарлетт очень была довольна, что унаследовала от матери тонкие белые пальцы и маленькие ножки. Хотелось бы еще и рост как у Эллен, но и свой собственный ее устраивал вполне. Какая жалость, что никому не покажешь ножки, вздохнула Скарлетт, приподняв юбки и выставив ногу. Очень хорошенькая ножка. Это даже девочки в Фейетвиллском пансионе признавали. Ну а что до талии, то такой тонкой нет ни у кого – не только в Фейетвилле, но и в Джонсборо, да и во всех трех графствах.

Мысль о талии вернула Скарлетт на землю. Зеленое муслиновое сшито на семнадцать дюймов, а Мамми зашнуровала ее на восемнадцать, под бомбазин. Надо сказать ей, пусть зянет потуже. Скарлетт толкнула дверь, прислушалась и, уловив в нижнем коридоре тяжелую поступь, крикнула громко и нетерпеливо: известно же, что в это время Эллен в коптильне, выдает кухарке продукты на день, значит, голос можно повышать безнаказанно.

– Тут кое-кто воображает, что я летать умею, – заворчала Мамми, скрипя ступенями.

Она вошла, и Скарлетт сразу поняла: Мамми знает, что предстоит битва, и находится в полной боевой готовности. В руках у нее был поднос, а на нем два крупных клубня вареного ямса, горка гречневых блинчиков с сиропом и хороший ломоть ветчины в соусе. При виде нянькиной ноши у Скарлетт изменилось лицо – вместо досады появилось выражение воинственного упрямства. За всей этой возней с примерками она совершенно позабыла про железное правило Мамми: перед тем как отправиться куда-либо в гости, девочки О’Хара должны быть так напичканы дома, чтобы не способны были проглотить ни кусочка в гостях.

– А вот этого не нужно. Я не буду есть. Можешь сразу унести это обратно на кухню.

Мамми поставила поднос на стол и выпрямилась – плечи назад, грудь вперед, руки в бока.

– А вот и нужно, и будете. Я не допущу, чтоб как прошлый раз, – вы поехали на барбекю, а я тогда слегла и не принесла вам поднос перед отъездом. Живо кушать, и чтобы все до крошки.

– Не буду! Послушай-ка, вот иди сюда и зашнуруй меня потуже, а то мы и так опаздываем. Я слышала, карету уже подали к дому.

Мамми решила подольститься:

– Ну, мисс Скарлетт, будьте хорошей девочкой, давайте, быстренько, скушайте хоть немножко. Мисс Кэррин и мисс Сьюлен съели все, что было.

– Еще бы, – сказала Скарлетт презрительно. – У них духу не хватит противиться. Как кролики. А я не буду! Все, с подносами покончено. Я забыть не могу тот раз, когда я съела целый поднос и поехала к Калвертам, а они вдруг подают мороженое, со льда, так и везли всю дорогу из Саванны, а я – я не смогла съесть ни ложечки. Нет, сегодня я намерена хорошо провести время и есть буду сколько захочу.

На этот еретический выпад Мамми ответила негодующим шевелением бровей. Что барышням положено делать, а что нет, было ей прекрасно известно и различалось, как день и ночь. Или – или: в том, что касается поведения леди, среднего не дано. Сьюлен и Кэррин легко, как глина, поддавались ее мощным рукам и уважительно внимали ее предостережениям. Но со Скарлетт шел вечный бой. Ее естественные побуждения по большей части были несовместимы с понятием «леди», а Мамми полагала своим долгом научить ее, как надобно себя держать. Победы над Скарлетт завоевывались большой кровью и требовали применения военных хитростей, недоступных белому уму.

– Если вам все равно, что скажут люди, то мне совсем не все равно, – завела она недовольно. – Я не хочу, чтобы там на вашем пикнике пошло шу-шу-шу, что вас дома не кормят и вы не умеете правильно кушать. Я говорила вам и говорю, настоящую леди всегда видно – она ест как птичка. Я не допущу, чтобы вы ехали голодная к мист’ Уилксу и глотали там все подряд, как коршун.

– Но мама-то ест, а она леди, – упрячилась Скарлетт.

– Вот выйдете замуж, вам тоже можно будет есть, – парировала Мамми. – Мисс Эллен в ваши лета никогда ничего не ела, если не дома. И тетушки ваши, Полин и Юлалия, и все вышли замуж. А таким-то, которые с аппетитом, тем мужья вообще не достаются.

– Вот и неправда. На том барбекю, когда ты заболела и я заранее ничего не ела, так вот, мне тогда Эшли Уилкс сказал, что ему как раз нравится, если у девушки здоровый аппетит.

Мамми скептически покачала головой:

– Чего джитмены говорят и чего они делают, так то совсем разное. А я вот как-то не замечала, чтоб миста Эшли нацелился взять вас в жены.

Скарлетт помрачнела и собралась было няньку одернуть, но спохватилась. Мамми ее обогнала, и возразить было нечего. Видя, что Скарлетт уперлась и будет теперь стоять на своем до последнего, Мамми сменила тактику. Она взяла поднос, вздохнула и тихонечко двинулась к двери, бормоча на ходу умильным и кротким голосом:

– Ну, чего уж, ладно. Мне вот тут повариха-то говорит, собирает поднос, а сама и говорит: «Леди завсегда узнаешь, как она не ест ничего». А я ей и говорю, поварихе-то, значит: «Никогда я в жизни не видала белую леди, какая кушает меньше, чем кушала мисс Мелли Гамильтон, когда навещала последний раз миста Эшли, ох, то есть, значит, мисс Индию».

Скарлетт стрельнула в няньку острым недобрым взглядом, но на обширном ее лице прогля только невинное выражение легкой грусти по поводу того, что Скарлетт не леди, в отличие от мисс Мелани Гамильтон.

– Оставь в покое поднос и давай-ка затяни меня потуже, – сказала Скарлетт с досадой. – После этого я постараюсь что-нибудь съесть. А то, если буду сейчас, не смогу утянуться как надо.

Маскируя свой триумф, Мамми поставила свой поднос и запела:

– А что наденет моя козочка?

– Вот это. – И Скарлетт указала на пышную массу зеленого муслина в цветочках.

Мамми мгновенно ощетинилась:

– Нет! Это вы не наденете! Оно не годится в такое-то время. Нельзя показывать грудь до трех часов дня. У него ни ворота, ни рукавов нету. И будете опять вся в веснушках, на вас пахтанья не напасешься выбеливать, я-то не забыла, как целую зиму вас мазала после сиденья вашего на берегу в Саванне прошлое лето. Пойду скажу вашей матушке про вас.

– Попробуй сказать маме хоть слово, пока я не одета. Знай, я тогда не съем ни крошки, – ледяным тоном отчеканила Скарлетт. – А переодеваться она меня уже не пошлет, времени нет.

Мамми опять вздохнула, сдавая позиции. Из двух зол она выбрала меньшее: пусть уж лучше явится на утреннее барбекю в послеобеденном платье, чем будет хватать все подряд, как поросенок.

– Ну-ка, держись за что там покрепче и не дыши, – скомандовала нянька.

Скарлетт послушно ухватила за спинку кровати и внутренне собралась, Мамми с силой дернула шнуровку и потянула на себя, узенькая окружность талии, опоясанной корсетом из китового уса, сделалась еще меньше, и взгляд старой няньки потеплел от гордости и восхищения.

– Ни у кого на свете нет такой талии, как у моей козочки, – одобрительно сказала она. – Вот мисс Сьюлен каждый раз, как я утяну ее меньше двадцати дюймов, сразу хлоп – и в оммок.

– Фу-у-у! – выдохнула Скарлетт; говорить ей оказалось трудновато. – А я ни разу в жизни в обморок не падала.

– Ну, не вредно бы и упасть, ежели к месту, – посоветовала нянька. – А то уж больно вы крепкая, мисс Скарлетт. Я все примериваюсь, как бы сказать вам: оно не так уж и хорошо, что вы не падаете в обморок от змей там или мышей, от всякой такой нечисти. Я не про то, что дома, это ладно уж, а когда на людях, в компании...

– Ой, да шевелись ты! К чему столько разговоров? Будет у меня муж, будет, вот увидишь, даже и без визга и обмороков. Слава богу, я умею носить тугой корсет! Все, надевай платье.

Мамми аккуратно опустила двенадцать ярдов зеленого, в мелких цветочках, муслина на холмы нижних юбок и приладила лиф, сокрушаясь из-за низко открытой спины:

– Смотрите же, чтоб накидка была на плечах, если покажетесь на солнце, и шляпу не снимайте, пусть и жарко. Не то приедете домой коричневая, как вон мамаша Слэттери. А теперь кушать, лапонька моя, да не очень-то быстро, толку чуть, если все пойдет обратно.

Скарлетт покорно села к столу, гадая, поместится ли хоть что-нибудь в животе и сможет ли она после этого дышать. Мамми достала широкое полотенце, повязала ей на шею и прикрыла колени. Скарлетт начала с ветчины, потому что любила ветчину, и скоренько, хотя и не без усилий, с ней покончила.

– Замуж хочу просто до смерти, – объявила она, расправляясь с ямсом. – Почему нельзя быть самой собой и поступать так, как хочется? Надоело вечно делать вид! Я притворяюсь, будто ем не больше птички, прогуливаюсь, когда мне хочется бегать, и говорю, что мне после одного вальса уже дурно, хотя я могла бы танцевать два дня подряд и нисколько не устала бы! Надоело говорить «Ах! Какой вы необыкновенный!» всяким тупицам, у которых и половины-то нет моих мозгов. Не хочу я прикидываться, что ничего не знаю, ничего не понимаю, только бы дать возможность мужчинам объяснить мне какую-нибудь чушь, а они еще при этом раздуваются от важности... Все, я наелась, больше не могу проглотить ни крошки.

– А горячий блинчик?

– И почему так: чтобы заполучить мужа, девушке обязательно надо быть дурой?

– Мнится мне, – задумчиво заговорила Мамми, – это из-за того, что джитмены сами не знают, чего им хочется. Им только кажется, что они знают, чего им хочется и чего им надобно. Вот им и дают то, что кажется. Девушкам-то не вековать же в старых девах. Джитмен думает, что женится на махонькой мышке – кушает она как птичка, а ума в ей нету вовсе. Джитмена не заставишь взять в жены леди, если у него такое подозрение, что она смыслит больше его.

– По-твоему, они не удивляются, когда после свадьбы обнаруживают ум в своих женах?

– Ну, тогда уж поздно. Дело-то сделано. А кроме того, джитмены ожидают все-таки, что у ихних жен есть мозги.

– Когда-нибудь я буду говорить и делать, что мне угодно, а если кому-то это не понравится, мне все равно.

– Нет! – отрезала Мамми. – Пока я жива, не бывать тому. Ешьте-ка вон гренки. Макайте их в соус и кушайте, детонька.

– Мне кажется, у янки девушкам не приходится разыгрывать из себя таких дур. В прошлом году, когда мы были в Саратогге, я их много видела, и все вели себя как нормальные люди, даже и перед мужчинами.

Мамми фыркнула:

– Девушки у янки! Они – да, они могут, они все говорят что в голову взбредет. Но я что-то не заметила там, в Саратогге, чтоб у многих были женихи.

– Но и янки должны жениться, – принялась доказывать Скарлетт. – Они же не просто так вырастают. Они должны жениться и заводить детей. И их ведь много.

– У них мужчины женятся из-за денег, – убежденно заявила Мамми.

Скарлетт обмакнула поджаристый пшеничный хлебец в соус и отправила в рот. А ведь в этом что-то есть, не зря Мамми говорит. И Эллен тоже, другими, правда, словами, подкатней. И у всех ее знакомых матери внушают своим дочерям, что надо быть беспомощными, смотреть кроличьими глазами и лгнуть, как лиана. А на самом деле это требует ума и сообразительности – культивировать и долго выдерживать такую позу. «Наверное, я действительно чересчур крепкая и храбрая», – подумала Скарлетт. Она свободно высказывала перед Эшли свое мнение, а случалось, и спорила с ним. Она не скрывала, что ей нравится – и хватает сил и здоровья – ходить пешком и скакать на лошади... Может быть, это все и отвратило от нее Эшли, и он потянулся к этой хлипкой Мелани? Может быть, если она поведет себя иначе... Но нет, если Эшли соблазнится на такие примитивные женские штучки, она сама перестанет его уважать. Ни один мужчина, у которого хватит глупости пасть перед кукольной улыбкой, обмороком или этим дурацким «Ах! Какой вы необыкновенный!», не стоит трудов. Но похоже, они все это любят.

Если она использовала неверную тактику в прошлом – что ж, что было, то прошло, и с этим покончено. Сегодня она применит другую тактику, правильную. Она желает его, но у нее имеется всего несколько часов, чтобы его получить. Если обморок, настоящий или притворный, может сыграть какую-то роль – хорошо, она хлопнется в обморок. Если его привлекают кукольные улыбки, кокетство и ветер в голове – хорошо, она с радостью изобразит вертикальную хвостку и будет вести себя как пустоголовая Кэтлин Калверт, даже хлеще! А если потребуются шаги посмелее, она их предпримет. Сегодня ее день!

И не было никого сказать ей, что собственная ее личность, пусть даже пугающе жизненной, гораздо интересней и притягательней любой маски, какую она на себя примерит. Да и скажи ей кто-нибудь подобное, она бы порадовалась, но не поверила. Как не поверило бы и общество, частью которого она являлась. Ибо никогда – ни до, ни после – естественность в женщине не ценилась столь мало.

Когда коляска покатила по красной дороге к плантации Уилкса, Скарлетт со смутным ощущением вины призналась себе, что радуется отсутствию Эллен и Мамми. На барбекю не будет тех, кто деликатно поднятой бровью или осуждающе выпяченной губой мог бы спутать ей всю игру. Конечно, Сьюлен сочтет себя обязанной пересказать завтра утром все сплетни и подробности; но если все пойдет, как надеется Скарлетт, то за переполохом по поводу ее бегства и помолвки с Эшли семья забудет и думать об огорчениях. Да, очень хорошо, что Эллен вынуждена побыть дома.

Сегодня утром Джералд, подкрепясь предварительно бренди, дал расчет Джонасу Уилкерсону, а Эллен пришлось остаться в «Таре», чтобы до отъезда надсмотрщика проверить все дела по плантации. Когда Скарлетт заходила в маленький кабинет попрощаться, мать сидела у забитого бумагами секретера, а Джонас Уилкерсон со шляпой в руке стоял рядом. Болезненно-желтое, худощавое лицо почти не скрывало владевшей им ярости: его бесцеремонно вышвырнули с лучшего во всем графстве места надсмотрщика, а все из-за чего? Ну мелочь же, ну приволокнулся, ну гульнул – и что? Твердил же он Джералду, что ребенка своего Эмми Слэттери могла заполучить от кого угодно, он один, что ли, такой, да их дюжина наберется – и, кстати, тут они с Джералдом сошлись, – но это дела не меняло, поскольку так решила Эллен. Джонас ненавидел всех южан. Он ненавидел их за холодную к нему учтивость и за их презрение к его социальному статусу, несравнимое с этой их поганой учтивостью. И более всех была ему ненавистна Эллен О'Хара, потому что в ней сосредоточилась самая суть того, что он ненавидел в южанах.

Мамми, будучи главной над женской частью работников на плантации, осталась помочь Эллен, так что на козлах рядом с Тоби сейчас тряслась Дилси, придерживая на коленях длинную коробку с бальными платьями для девушек. Джералд ехал рядом с коляской, верхом

на своем здоровенном гунтере⁶, теплый от бренди и чрезвычайно собой довольный, что так быстро покончил с неприятным делом. Всю тягомотину, связанную с увольнением Джонаса, он переложил на Эллен, а была ли она разочарована или обижена, что пропустила пикник, где соберутся ее друзья, – такое ему и в голову не приходило. День такой прекрасный, весна, птицы заливаются, поля его – чистое загляденье, и сам он силен и молод, и кровь в нем играет. Так зачем думать о чем-то еще? И сами собой прорывались откуда-то озорные ирландские песенки, что-нибудь вроде «Ехала Пегги в телеге», или даже торжественно-элегические напевы, как, например, «Далеко та земля, где уснул наш герой молодой».

Он был счастлив и приятно возбужден перспективой замечательного дня – можно будет вдоволь накричаться про янки и про войну и погордиться тремя дочерьми, вон сидят его красавицы, это ж надо какие юбки широчайшие, растопыренные на обручах, и зонтики эти малюсенькие кружевные, совершенно дурацкие. Не девочки – красотки. Он и думать забыл о том разговоре со Скарлетт, это все уже полностью выветрилось у него из памяти. Он думал только о том, что она красавица, его честь и гордость и что глаза у нее сегодня зеленые, как холмы Ирландии. Это сравнение звучало истинной поэзией, и Джералд, обнаружив в себе еще и поэтическую жилку, одарил дочерей громким, хотя и не совсем в ноту, исполнением «Ирландии, одетой в зелень».

Скарлетт посматривала на него снисходительно и нежно, прямо как молодая мамаша на резвого сынишку. К закату Джералд крепко напьется и, возвращаясь домой в темноте, постарается, как всегда, перепрыгнуть через все изгороди между «Двенадцатью дубами» и «Тарой». Скарлетт надеялась только, что провидение и здравый смысл его лошади не дадут ему сломать шею. Мостом он погнушается и направит лошадь через реку вплавь, а потом с шумом и криком ввалится в дом, и Порк уложит его спать на диване в кабинете – Порк в подобных случаях обычно поджидал его в передней с зажженной лампой. Свой новый костюм добротного серого сукна Джералд превратит в тряпку, из-за чего будет страшно ругаться утром и пустится рассказывать Эллен долгую историю о том, как его лошадь упала в темноте с моста; ни одна душа не будет одурочена этой заведомой ложью, но все примут это как должное, и он подумает, вот какой он хитроумный – всех провел.

«Ах, папа, ты совсем ребенок, милый, беззаботный эгоист, ты просто душка», – подумала Скарлетт в приливе любви. Подобно отцу, она пребывала в состоянии радостного возбуждения и готова была обнять весь мир. Она хороша собой, она это знает, и Эшли будет принадлежать ей уже сегодня, еще и день не кончится. Солнышко пригревало тепло и ласково, и весенняя Джорджия расстилалась перед ней во всем своем великолепии. По бокам дороги нежнейшая зелень ежевики и терновника уже затягивала красные рубцы ран, нанесенных земле зимними дождями. За голые гранитные валуны цеплялся колючками шиповник – «роза чироки», и со всех сторон их обступали целые полянки фиалок, оттеняя гранит бархатистым пурпуром. На фоне лесистых холмов выделялись ярчайшей белизной заросли кизила в цвету – как будто снег не стаял, медлит с уходом. Лопались бутоны на диких яблоньках, и буйство цветения переливалось от невинно-белого в пронзительно-розовое. А под деревьями, там, где солнце падало пятнами на хвойную подстилку, запестрела разноцветным ковром жимолость – розоватая, оранжевая, алая. И всюду стоял легкий медовый дух. В общем, мир был так хорош – хоть ешь его.

«Какой прекрасный день! Я буду помнить его, пока не умру, – думала Скарлетт. – И может быть, он станет днем моей свадьбы».

С замиранием сердца она представляла себе, как они с Эшли поскачут сквозь это царство цветов сегодня же днем, ну или вечером, при лунном свете, – поскачут в Джонсборо, к приходскому священнику. Конечно, потом священник из Атланты перевенчает их наново, по-настоящему, но это уж пусть будет забота Эллен и Джералда. Вспомнив об Эллен, Скар-

⁶ Гунтер – сильная, выносливая лошадь, предназначенная для охоты и скачек с препятствиями.

летт даже немного пала духом – так печально было представлять себе белое от унижения лицо матери, когда она услышит, что ее дочь сбежала с чужим женихом. Но Элен простит ее – конечно, простит, как только увидит ее счастье. А Джералд поднимет дикий шум, но она-то знает, что при всех этих вчерашних рассуждениях насчет нежелательности такого брака он будет рад породниться с Уилксами.

«Но об этом надо будет беспокоиться после того, как я выйду замуж», – сказала себе Скарлетт, отбрасывая неприятные мысли.

Да и невозможно было испытывать ничего, кроме захватывающей радости, в такой восхитительный день, под таким ласковым солнцем, тем более что вот уже и трубы «Двенадцати дубов» показали на холме за рекой.

«Там пройдет вся моя жизнь, и я увижу еще пятьдесят таких весен, а может быть, и больше, и буду рассказывать своим детям и внукам, как прекрасна была эта весна, самая лучшая из всего, что только бывает на свете!» Тут уже счастье перехлестнуло через край, и Скарлетт стала подпевать Джералду, чем заслужила его шумное одобрение.

– Не понимаю, чего ты так веселишься, – язвительно сказала Сьюлен, все еще терзаясь мыслью, что в зеленом бальном платье сестры она выглядела бы гораздо лучше, чем в своем. И почему это Скарлетт вечно жадничает, никогда не дает поносить свои платья и шляпки? И почему мама вечно за Скарлетт да еще говорит Сьюлен, что зеленый – не ее цвет? – Ты ведь не хуже меня знаешь, что сегодня вечером будет оглашена помолвка Эшли. Думаешь, я не вижу, что ты таешь от него уже сколько месяцев!

– А больше ты ничего не видишь? – Скарлетт засмеялась и показала ей язык, не желая портить себе настроение. Какой сюрприз ожидает мисс Сью завтрашним утром!

– Сьюзи, но ведь все не так! – запротестовала шокированная Кэррин. – Скарлетт равнодушна к Бренту, вот к кому!

Скарлетт обратила смеющиеся зеленые глаза на самую младшую, удивляясь, как можно быть такой милой простушкой. Вся семья знала, что тринадцатилетнее сердечко Кэррин отдано Бренту Тарлтону, а он и не замечает ее, для него она младенец, маленькая сестренка Скарлетт. В отсутствие Элен они доводили ее до слез, дразня Брентом.

– Детка, я совершенно равнодушна к Бренту, – расшедрилась счастливая Скарлетт. – Как и он ко мне. Ну что ты, он ведь ждет, когда ты вырастешь!

Круглая мордашка Кэррин стала пунцовой, но радость боролась с недоверием.

– Ох, Скарлетт, правда?

– Скарлетт, ты же знаешь, мама говорит, что Кэррин еще мала думать о женихах, а ты ей забиваешь голову такими вещами.

– Давай, беги ябедничай, мне плевать, – парировала Скарлетт. – Ты хочешь подольше держать малышку в тени, потому что знаешь: через год-другой она вырастет и станет красивей тебя.

– На сегодня вы проглотите свои язычки, или я дам вам отведать моей плетки, – остерег дочерей Джералд. – Фью-у! Чьи это колеса я слышу? Должно быть, Тарлтоны либо Фонтейны.

По мере того как они приближались к месту встречи с другой дорогой, что спускалась с лесистых склонов Красивого холма, стук подков и скрип коляски делались все отчетливей, и вскоре из-за стены деревьев раздался веселый щебет женских голосов. Джералд, ускакавший вперед, натянул поводья и дал знак Тоби остановиться у слияния двух дорог.

– Это дамы Тарлтон, – объявил он дочерям, просяив всей своей цветущей физиономией, поскольку, кроме Элен, во всем графстве не нашлось бы дамы, которая нравилась бы ему больше рыжекудрой миссис Тарлтон. – И сама правит. Ах, вот же руки у женщины – как она умеет обходиться с лошадьми! Легкая, как пушинка, и крепкая, как кнутовище, и собой хороша – так бы и расцеловал за все за это. Жалко, что ни у кого из вас нет такого умения, – добавил Джералд, бросив любящий, но и укоризненный взгляд на своих девочек. – Кэррин

вообще боится всякой несчастной скотины, у Сью сразу руки как крюки, едва возьмется за вожжи, а ты, котенок...

– Ну, меня-то уж, во всяком случае, ни одна лошадь не сбрасывала, – возмутилась Скарлетт, – а миссис Тарлтон кувыркается на каждой охоте.

– И ключицу ломает, как мужчина, – сказал Джералд. – Ни тебе обмороков, ни охов-ахов. Ну, все, хватит об этом, они подъезжают.

Как только показалась коляска Тарлтонов, Джералд встал в стремях, снял шляпу и взмахнул ею – широко и не без галантности. Коляска была переполнена девицами в ярких одеяниях, с зонтиками и в развевающихся вуалетках, а на козлах, как и сказал Джералд, сидела сама миссис Тарлтон. Для кучера все равно бы места не хватило – четыре дочери, их мамы да еще длиннейшие картонки с бальными платьями. И, кроме того, Беатрис Тарлтон никогда по доброй воле не уступала вожжи ничьим рукам, белым ли, черным, – если ее собственные руки не были подвешены на повязку. Хрупкая, тонкая в кости и такая белокожая, словно огненная масса волос втянула в себя все краски из лица, она обладала тем не менее каким-то даже избыточным здоровьем и неиссякаемой энергией. Она родила восьмерых детей, таких же рыжих и полных жизни, как сама, и все удались – по мнению графства. Она предоставляла им резвиться вволю, но и давала строгие уроки, точно так же, как жеребяткам, которых она растила. «Держать в узде, но нрава не ломать» – таков был девиз Беатрис Тарлтон.

Лошадей она любила и понимала, могла говорить о них постоянно и управлялась с ними лучше любого мужчины во всем графстве. Жеребята брыкались в паддоке на лужайке перед парадным крыльцом, дети переворачивали вверх дном весь дом, беспорядочно расползшийся по холму, а когда миссис Тарлтон объезжала плантацию, за ней тянулись хвостом мальчишки и девчонки, жеребята и охотничьи собаки. Конский интеллект она почитала наравне с человеческим, особенно выделяя гнедую кобылу Нелли, и если из-за домашних хлопот не успевала на ежедневную верховую прогулку к урочному часу, то ставила в ладони какому-нибудь негритенку чашку сахара с наказом: «Дай Нелли горсть и скажи ей, что я скоро выйду».

Редкий случай, чтобы ее видели не в амазонке – не важно, собирается она верхом или нет, но ведь в любой момент может возникнуть такая необходимость, и потому она как встанет, так и ходит в костюме для верховой езды. Каждое утро, в дождь ли, в солнце, кобылу Нелли седлали и начинали прогуливать взад-вперед у парадного крыльца, в ожидании того момента, когда миссис Тарлтон сможет на часок оторваться от своих обязанностей. Но с плантацией на Красивом холме управляться сложно, и со временем у хозяйки туго, и чаще всего бывало, что Нелли так и водили час за часом по двору, а Беатрис Тарлтон так и носилась день-деньской по дому, перекинув рассеянно хвост верховой юбки через руку и сверкая сапожками на шесть дюймов ниже подола.

Она и сегодня смотрелась как в обычном своем одеянии, потому что скучное черное шелковое платье на узковатых, не по моде обручах имело столь же простой покрой, а маленькая черная шляпка с длинным пером, сдвинутая на один глаз – кстати, веселый глаз, карий, теплый и мерцающий, – да, так эта шляпка точь-в-точь была похожа на ту старенькую, в которой она ездила на охоту.

Завидев Джералда, она махнула ему приветственно кнутом и натянула вожжи, останавливая свою гарцующую гнедую пару. Через борта коляски тут же перегнулись девицы и подняли такой пронзительный гвалт, что лошади в упряжке встали на дыбы. Со стороны могло показаться, что минули годы с тех пор, как Тарлтоны последний раз встречались с кем-то из О'Хара, хотя на самом деле прошло всего-то два дня. Но они были общительны, любили соседей, а девочек О'Хара – особенно. То есть они любили Сьюлен и Кэррин. Не было такой девушки в целом графстве, которая любила бы Скарлетт, ну, может быть, за исключением одной только пустышки Кэтлин Калверт.

Летом балы и барбекю устраивались чуть не каждую неделю, но рыжие девицы Тарлтон, с их неумемной страстью к развлечениям, перед каждым балом и каждым пикником приходили в такое бурное волнение, словно их пригласили в первый раз. Этот прелестный игривый квартет заполнил собою всю коляску, так что пышные воланы трепыхались поверх бортов, а зонтики то и дело сталкивались и цеплялись друг за друга. Все были в широчайших шляпах от солнца, украшенных розами и снабженных черными бархатными ленточками – завязывать на шее, чтобы не слетали от ветра. Из-под полей шляп виднелись все оттенки рыжего: Хетти была светло-рыжая, Камилла – золотистая блондинка, Рэнда – шатенка с медным отливом, а малышка Бетси – просто морковка.

– Какая превосходная компания, мэм, – галантно сказал Джералд, держа свою лошадь вровень с коляской. – Но с матушкой им пока нечего и тягаться.

Миссис Тарлтон округлила карие с рыжинкой глаза и цокнула языком, оценивая комплимент, а девочки разом загалдели:

– Ма, перестань сейчас же строить глазки, а то мы все папе скажем!

– О, мистер О’Хара, клянусь, когда появляется видный мужчина вроде вас, она не дает нам ни единого шанса!

Вместе со всеми засмеялась над этими выходками и Скарлетт, но ее в который уже раз потрясла та свобода и легкость, с какой они обращались с матерью. Как будто она одна из них. Как будто ей шестнадцать лет, и ни днем больше! Скарлетт и подумать не могла вести себя подобным образом с Эллен, сама мысль об этом была святотатством. И все же... и все же было что-то очень притягательное в их отношениях – они обожали мать, обожали в ней все то, что сами же высмеивали и критиковали и за что ее поддразнивали. «Нет-нет, – поспешно уверила себя Скарлетт, – я бы никогда не захотела вместо Эллен другую маму, такую как миссис Тарлтон, просто... забавно, наверное, было бы поиграть с мамой». И тут же устыдилась своих мыслей: это неуважительно по отношению к Эллен. Скарлетт понимала, что подобный сумбур никогда не водился в огненно-рыжих головках четырех девушек, сидящих сейчас в коляске напротив. Она остро почувствовала, что очень отличается от соседней, и, как всегда в таких случаях, сама на себя рассердилась.

Обладая способностью схватывать все на лету, но не умея раскладывать по полочкам и анализировать, Скарлетт подсознательно понимала, что молодежь в этой семье, хоть и ведет себя как неуправляемый табунок жеребят или как очумелое мартовское зверье, на самом деле отличается спокойной цельностью, которая так просто не дается, а приобретается в поколениях. И по материнской, и по отцовской линии они вели свой род от первых поселенцев, они были здесь, в северной Джорджии, коренными жителями. Эти люди уверены в себе и в окружающем мире, они нутром знают, чего хотят, – как и Уилксы, между прочим, хоть цели у них и разные. Им неведомы противоречия, частенько терзавшие душу Скарлетт, соединившей в себе кровь родовитой знати – учтивой, благовоспитанной, говорящей вполголоса аристократии побережья – с кровью ирландского крестьянина, простого, земного и цепкого. Скарлетт желала сделать из матери идола на недосягаемом пьедестале – но в то же время хотелось и потрепать ей волосы, и поддразнить. Однако она знала: или – или. Одно полностью исключает другое. В силу того же противоречивого чувства Скарлетт желала казаться утонченной благородной леди и быть при этом девчонкой-сорванцом, с которой можно иногда и поцеловаться.

– А где Эллен? – спросила миссис Тарлтон.

– Она уволила нашего надсмотрщика и сейчас принимает у него дела. А где сам и ваши парни?

– О, они с утра пораньше отправились в «Двенадцать дубов», смею думать – пробовать пушш и выяснять, достаточно ли он крепок. Как будто до завтрашнего утра мало времени! Попрошу-ка я Джона Уилкса оставить их на ночь, пусть уложит хоть в конюшне. Пятеро пья-

ных мужиков – это чересчур даже для меня. Если не больше трех, я бы управилась отлично, а так...

Но тут Джералд перебил ее, поспешно меняя тему, так как уловил за спиной хихиканье своих дочерей – наверное, вспомнили, в каком состоянии он сам вернулся с последнего барбекю в «Двенадцати дубах» прошлой осенью.

– А что это вы, миссис Тарлтон, не в седле? Без Нелли я уже вас и не представляю. Вы с ней прямо стентор!

– Стентор? Это я-то? Ах, дорогой вы мой невежа! – Миссис Тарлтон рассмеялась и передразнила его ирландский говор. – Вы, верно, имели в виду кентавра? А Стентор – это человек с громовым голосом.

– Стентор, кентор⁷ – какая разница? – парировал Джералд, ничуть не смущаясь от своей ошибки. – У вас, мэм, тоже нешуточный голосок, когда вы науськиваете собак на охоте.

– Скушала, мамочка? – заметила Хетти. – А я говорила тебе, что ты вопишь, как команч, едва завидишь лису.

– Да уж не так громко, как ты, когда тебе нянька моет уши, – не осталась в долгу миссис Тарлтон. – А тебе ведь шестнадцать уже. Ну а почему я не в седле, так это из-за Нелли: она сегодня рано утром ожеребилась.

– Вот здорово! – закричал Джералд со всей страстью ирландца-лошадника и даже глазами засверкал.

А Скарлетт в этот момент опять испытала нечто вроде шока, сравнив свою мать с миссис Тарлтон. Элен и не догадывалась, что кобылы иногда жеребятся, а коровы телятся. Разве что куры вот несут яйца... да и то сомнительно. Такие материи она полностью игнорировала. Но миссис Тарлтон не признавала подобных умолчаний.

– И кто же у Нелли – кобыла, нет?

– Нет, жеребец, малыш отличный, ноги по два ярда. Вам, мистер О'Хара, надо приехать взглянуть на него. Конь – настоящий Тарлтон! И гнедой, как у Хетти кудри.

– Он и вообще как Хетти, в точности! – съязвила Камилла и тут же исчезла в ворохе юбок, панталон и шляпок, потому что Хетти, у которой и правда было длинное лицо, кинулась ее щипать.

– А мои кобылицы все не угомонятся, – кивнула на девочек миссис Тарлтон. – С самого утра бьют копытами, как узнали про Эшли с этой его кузиночкой из Атланты. Как ее зовут-то? Мелани? Благослови ее Господь, она милая крошка, но ни имени, ни лица ее запомнить не могу. Наша повариха – жена дворецкого из «Двенадцати дубов», вот он ей вчера вечером и сказал, а она – нам, сегодня утром. В общем, помолвку собираются огласить сегодня. Девочки прямо с ума посходили, а я не понимаю, что тут особенного. Всем давно известно, что Эшли возьмет ее в жены, то есть если только не какую-нибудь свою двоюродную из Мейкона. А Душечка Уилкс выйдет за ее брата, за Чарлза. Лучше скажите вы мне, мистер О'Хара, они что, считают противозаконным заключать браки на стороне? Уилксы то есть. Из-за того что...

Последние слова потонули в смехе, да Скарлетт их и не слушала. Для нее солнце словно скрылось за грозовой тучей, мир потускнел и лишился красок. Пожухла молодая листва, поблекли кизилловые рощи, и яблонька, еще минуту назад вся пунцовая от лопнувших бутонов, вмиг стала серой и тоскливой. Скарлетт впилась пальцами в обивку коляски, так что зонтик чуть не выпал из руки. Одно дело – знать, что Эшли собирается обручиться, и совсем другое – слушать, как это обсуждают мимоходом. Потом отважный дух возобладал в ней, и солнце снова засияло на чистом небе, а деревья опять зашелестели юной зеленой листвой. Она знает – Эшли любит ее. Это факт непреложный. Вот удивится вечером миссис Тарлтон, когда ни о какой помолвке не будет объявлено. А как удивится, узнав о бегстве! Будет потом рассказывать сосе-

⁷ Кентавр по-английски звучит как «сентор».

дям, какая все-таки хитрюга эта Скарлетт – повстречалась ей утром по дороге в «Двенадцать дубов», сидела себе молча и слушала их разговор с мистером О’Хара, в то время как сама-то с Эшли... От этой мысли на щеках у Скарлетт заиграли ямочки, а Хетти, с напряженным интересом наблюдавшая за тем, какой эффект произведут слова ее матушки, слегка нахмурилась и в недоумении откинулась на подушки сиденья.

– А мне плевать, кто что скажет, мистер О’Хара, – продолжала миссис Тарлтон, все больше заводясь. – Неправильно это все, браки между двоюродными. И для Эшли-то плохо – жениться на этом ребенке, на Гамильтон, а для Душечки – выйти за этого, с рыбьими глазами, за Чарлза Гамильтона...

– Да ей никого другого и не поймать, если не выйдет за Чарли, – заявила Рэнда с жестокостью человека, уверенного в собственном успехе. – У нее никогда никого и не было, кроме него. Правда, и он-то не слишком по ней тает, хоть все и говорят, что они обручены. Ты же помнишь, Скарлетт, как он за тобой бегал на Рождество?

– Не будьте злокой, мисс, – остановила ее матушка. – Двоюродным нельзя жениться, даже хоть и троюродным. Кровь разжижается. Не то что у лошадей. Ты можешь подвести кобылу к брату или отца-производителя к дочери и получить хороший результат, если знаешь толк в породах, но с людьми это не работает. Экстерьер еще может быть, но жизненной силы...

– Ну, мэм, тут я готов что угодно ставить! Можете вы мне назвать семью лучше, чем Уилксы? А они женятся между собой еще с тех пор, как Брайан Бору был мальчонкой.

– И самое время остановиться, а то уже начинает сказываться. Ой, да не столько на Эшли, он-то хорош, дьявол, хотя тоже... А поглядеть на этих двух заморышей, на его сестер – жалость одна! Милые девочки, конечно, но ведь совсем без сил. А малышка мисс Мелани? Тошная, как палка, и слабенькая – ветер дунет и унесет. И никакого в ней духа, вообще ничего своего. «Да, мэм. Конечно, мэм» – и все, больше ей сказать нечего. Понимаете, к чему я? Эта семья нуждается в свежей крови, здоровой и горячей, как вон у моих рыжих или у вашей Скарлетт. Не поймите меня превратно. Семья прекрасная, я их всех люблю, как вам известно, но давайте говорить прямо. Они же все между собой переженились, все в кровном родстве, а такие чистокровки хороши только на сухой дорожке, на легкой, тут они скорость покажут. Но попомните мои слова, я не верю, что Уилксы могут бежать под дождем, по грязи. Я думаю, жизненная сила ушла из них, они выродились, и случись что – им не выдержать. Порода для ясных дней. А мне подавай здоровенную лошадь, которая побежит в любую погоду! Этот их междусобойчик и привел к тому, что они так от всех вокруг отличаются. Вечно бренчат на пианино или зароятся с головой в книги. И я сильно подозреваю, что для Эшли книга дороже охоты. Нет, честно, я уверена, мистер О’Хара! Да посмотрите, какой у них костяк. Чересчур тонкий. Им нужны мощные жеребцы и матки для здорового приплода...

– А-кхэ-кхэ-хмм! – закашлялся Джералд, внезапно и с чувством вины сообразив, что эта беседа, в высшей степени интересная для него и вполне, с его точки зрения, приличная, произвела бы, похоже, совершенно иное впечатление на Эллен. Да что там, он даже знал, что она бы никогда не оправилась от такого удара, если б услышала, что ее дочери присутствовали при столь откровенном разговоре.

Но миссис Тарлтон, если уж дорвется до любимой темы – выведения породы, не важно, лошадей или людей, – обычно делалась глухой к чьим-то еще взглядам, и остановить ее было практически невозможно.

– Я знаю, о чем говорю, потому что у меня имелись двоюродные, которые переженились друг на друге, и поверьте моему слову, дети у них появились все пучеглазые, как жабы. Бедняжки. И когда моя семья захотела выдать меня за троюродного брата, я взбрыкнула, как молодой жеребец. «Нет, ма, – сказала я, – мне нельзя. А то у моих детей будут колики и конский шпат». Ну, маме сразу стало плохо, когда я сказала про шпат, но я стояла твердо, и бабушка меня поддержала. Она, видите ли, тоже знала толк в коневодстве и сказала, что я права. Она

мне и помогла бежать с мистером Тарлтоном. А теперь поглядите на моих детей! Крупные и здоровые, ни одного худосочного или маломерка, правда, в Бойде росту только пять футов и десять дюймов. Ну а Уилксы...

– Не возражаете, если сменим тему, мэм? – торопливо перебил ее Джералд.

Он заметил смущенный вид Кэррин и алчное любопытство, написанное на лице Сьюлен, – не дай бог, начнут задавать Эллиен неприличные вопросы, и тогда выяснится, что он плохо за ними присматривал. «Одна только моя кошечка Скарлетт, – не без удовольствия признался он себе, – вроде бы думает о чем-то постороннем, как и подобает настоящей леди».

Из затруднительного положения ему помогла выбраться Хетти Тарлтон.

– Ради бога, ма, давай все-таки поедем! – крикнула она, потеряв терпение. – Я уже сварила на этом солнце, а на шее – я прямо чувствую – так и высыпают веснушки!

– Минуточку, пока вы не тронулись, я хотел только узнать, вы как решили насчет своих лошадей? Продадите нам для Эскадрона? Война может начаться в любой день, и парни хотят определенности. Это ведь эскадрон графства Клейтон, хотелось бы, чтоб и кони были тоже из графства Клейтон. Но вы, упрямое создание, все отказываетесь продать нам своих отличных лошадок.

– А может, и не будет никакой войны. – Миссис Тарлтон мгновенно отключилась от странных брачных обычаев семьи Уилкс, но старалась потянуть время.

– Позвольте, мэм, ну нельзя же...

– Ма! – опять возникла Хетти. – Разве не можете вы с мистером О'Хара переговорить по поводу лошадей в «Двенадцати дубах»? Какая разница – там или здесь, на дороге?

– То-то и оно, что не можем, мисс Хетти, – ответил Джералд. – Но я не хотел бы задерживать вас дольше чем на минуту. До «Двенадцати дубов» ехать всего ничего, а там сразу и стар и млад – все на нас накинется, каждый захочет узнать про лошадей. Ах, у меня прямо сердце разрывается, как погляжу, что такая красавица, такая благородная дама, как ваша матушка, и вдруг такая скаредная на свою живность! Где же ваш патриотизм, миссис Тарлтон? Неужели Конфедерация вовсе ничего для вас не значит?

– Ма-а! – закричала малышка Бетси. – Рэнда уселась мне на платье, я буду вся мятая!

– Так спихни Рэнду и тихо мне, Бетси! А теперь послушайте меня, Джералд О'Хара, – сказала миссис Тарлтон и стрельнула в него колючим взглядом. – Не надо мне тыкать в лицо Конфедерацией. По моим подсчетам выходит, что Конфедерация значит для меня не меньше, чем для вас, у меня четыре сына в Эскадроне, а от вас там никого. Но мои мальчики могут сами о себе позаботиться, а вот лошади – нет. Я бы с радостью отдала коней бесплатно, если б знала, что на них будут ездить люди мне известные, джентльмены, умеющие обращаться с чистопородными лошадьми. Я бы и минуты не колебалась. Но отдать моих красавцев дикарям охотникам из глухих лесов и кречерам, что привыкли ездить на мулах? Нет, сэр! Да меня по ночам кошмары замучают – что какие-то дураки беспросветные сбивают им спины плохими седлами и не холят их, как положено. Думаете, я допущу, чтобы моим красавцам рвали удилами губы, пока нрав не сломают? Меня при одной мысли об этом оторопь берет! Нет, мистер О'Хара, благодарю покорно, но лучше вам закупить в Атланте старых кляч для ваших неотесанных парней. Они разницы не заметят.

– Ма, ну пожалуйста, поехали все-таки! – взмолилась Камилла. – И прекрасно ты понимаешь, что в конце концов отдашь своих ненаглядных. Вот увидишь, как папа и мальчики начнут тебя доставать нуждами Конфедерации, ты взвоешь и отдашь все, что угодно.

Миссис Тарлтон усмехнулась и тряхнула поводьями:

– Ничего подобного вам не видать. Не дождетесь. – Она легонько взмахнула хлыстом в воздухе, и лошади живо взяли с места.

– Какая женщина! – восхитился Джералд, надевая шляпу и пристраиваясь к своим. – Трогай, Тоби! Мы ее, конечно, одолеем и лошадей получим. Но она права. Права! Если ты не

джентльмен, тебе в коннице делать нечего. Твое место в пехоте. Да ведь еще жальче, что плантаторских сыновей в графстве маловато, на эскадрон не хватает. Ты что-то сказала, котенок?

– Па, прошу тебя, не мог бы ты держаться позади нас или уж поезжай вперед. Ты такую пылищу поднимаешь, дышать нечем, – ответила Скарлетт, чувствуя, что больше не вынесет разговоров. Это сбивает ее с мысли, а она очень была озабочена тем, чтобы явиться в «Двенадцать дубов» при полном параде – и внешне, и в душе.

Джералд послушно дал шпоры коню и поскакал вслед облаку красной пыли, догоняя миссис Тарлтон, чтобы продолжить занимательную беседу о лошадях.

Глава 6

За рекой дорога пошла в гору. Дом еще не был виден, но Скарлетт разглядела тонкий дымок, висящий в верхушках деревьев, и скоро ноздри защекотал смешанный запах тлеющих поленьев гикори и жареного мяса.

В специальных ямах для барбекю всю ночь жгли бревна, теперь они были полны красных головешек, а над ними на вертелах жарились свиные и бараньи туши, и сок, капая вниз, шипел на углях. Скарлетт знала, что божественный аромат, принесенный слабым ветерком, тянется из дубравы за домом. Там, на пологом склоне, ведущем к розарию, Джон Уилкс обычно устраивал свои барбекю. Место было тенистое, приятное – куда более приятное, чем, например, у Калвертов. Миссис Калверт не любила барбекю, не любила жареного мяса и заявляла, что запахами пропитывается весь дом, не выветришь и за несколько дней. Поэтому гости у нее изнемогали от жары на открытом пятачке в четверти мили от дома. Но Джон Уилкс, знаменитый на весь штат своим гостеприимством, знал толк в настоящем барбекю – и как подать, и как приготовить.

В густой тени дубов стояли длинные пикниковые столы на козлах, застеленные скатертями наилучшего полотна, а по обеим сторонам тянулись скамьи без спинок. Кроме того, по всей поляне были расставлены вынесенные из дома стулья, кресла, пуфики и кушетки – для тех, кто не в восторге от жестких лавок. В некотором отдалении, чтобы гостей не беспокоил дым, были выкопаны продолговатые ямы, где жарилось мясо и стояли внушительные чугунные котлы, над которыми плавал умопомрачительный запах соусов и брунsvикского рагу. У мистера Уилкса всегда было под рукой не менее дюжины черных слуг – они бегали с подносами, обслуживая гостей. А подалее, за сараями, имелась еще одна яма для барбекю, там пиновала дворовая прислуга вместе с кучерами и горничными гостей, наедаась до отвала майсовыми лепешками, ямсом и особенно милым сердцу всякого негра блюдом из свиных потрохов. Бывали и арбузы, если сезон.

Принюхиваясь к пахучему ветерку, Скарлетт сморщила нос: хорошо бы к тому моменту, когда мясо будет готово, у нее пробудился хоть какой-то аппетит! Пока что она была так плотно набита нянькиной едой и так туго утянута, что каждый миг боялась икнуть. Это имело бы фатальные последствия: икать и тем более рыгать на людях было простительно только старикам и очень древним старухам.

Они одолели подъем, и белый особняк вырос перед глазами во всей своей великолепной соразмерности – с высокими колоннами, широкими верандами и плоской крышей, прекрасный, как бывает прекрасна женщина, сознающая свое очарование и потому радушная ко всему на свете. Скарлетт любила «Двенадцать дубов», любила даже больше, чем «Тару». Здесь была та величавая, изысканная гармония, которой дом Джералда не обладал.

На широкой дуге подъездной дорожки уже полно было верховых лошадей и экипажей, гости выходили из колясок, окликали друзей, обменивались приветствиями. Сверкали белозубыми улыбками негры, они брали под уздцы лошадей и вели их к сараям – расседлывать и распрягать на день. Ватаги ребятишек, белых и черных, носились с визгом по свежей зелени аккуратно подстриженной лужайки, играли в салочки и хвастались, кто больше может съесть. Просторный холл, занимавший всю переднюю часть дома, пестрел людьми, по лестнице порхали девушки в кринолинах, яркие, как мотыльки; они обнимали друг друга за талию, перешучивались, то и дело останавливались, перегибаясь через ажурные перила и окликая молодых людей внизу.

В открытые французские окна гостиной Скарлетт увидела мельком женщин постарше – чинные, степенные, в темных шелках, они услаждали себя беседою о детях, о хворях, о свадьбах – кто за кого выходит, когда и почему. Дворецкий Том с серебряным подносом в руках

крутился в холле, непрерывно улыбаясь, кланяясь и предлагая высокие стаканы молодым людям в светлых брюках и отличнейших полотняных рубашках в мелкую зашипочку.

Множество людей было и на солнечной веранде рядом с парадным входом. Да, тут все графство в полном составе, подумала Скарлетт. Четверо братьев Тарлтон стояли прислонясь к колоннам – Стюарт и Brent бок о бок, нераздельные, как всегда, а Бойд и Том рядом с отцом, Джеймсом Тарлтоном. Мистер Калверт ни на шаг не отходил от своей жены-янки – она так и не прижилась на Юге, несмотря на пятнадцать лет, проведенных в этом краю. Все были с ней вежливы и любезны – из жалости; и никто не мог простить ей двойной ошибки: мало того, что она выбрала такое неудачное место для появления на свет, так еще поступила гувернанткой к детям Калверта. А вот и братья Рейфорд и Кейд вместе со своей сестрой, яркой блондинкой Кэтлин Калверт, стоят и поддразнивают смуглолицего Джо Фонтейна и его хорошенькую невесту Салли Манро. Еще двое Фонтейнов, Алекс и Тони, что-то шепчут на ушко Димити Манро, отчего она заливается смехом. Были тут семьи из Лавджоя, за десять миль отсюда, были из Джонсборо, из Фейетвилла, а кое-кто даже из Атланты и Мейкона. Это скопище народу, кажется, уже переполняло дом через край, и отовсюду журчал неразборчивый бормоток голов, то стихая, то возносясь до громкого смеха и детского визга.

На ступенях у входа стоял Джон Уилкс, с серебряной сединой в волосах, прямой, излучающий спокойное обаяние и радушие, столь же неотъемлемое от его облика, как солнце – от летней Джорджии. Рядом суежилась и хихикала, встречая гостей, Душечка Уилкс, прозванная так из-за своей манеры одаривать этим ласковым имечком всех без разбору, будь то родной отец или последний раб с поля.

Душечка из кожи вон лезла, желая привлечь внимание каждого мужчины в пределах видимости, ее старания бросались в глаза, резко контрастируя с осанкой отца. А ведь есть что-то в словах миссис Тарлтон, подумала Скарлетт. Во всяком случае, в этой семье фамильные черты наследуют исключительно мужчины. Если у отца и сына прекрасные серые глаза оттенялись густыми темно-золотистыми ресницами, то дочерям ресницы достались редкие и бесцветные. Душечка от этого сделалась до странности похожей на кролика, а сестре ее, Индии, вообще подходило лишь одно определение: «никакая».

Индии нигде не было видно, но Скарлетт догадывалась, что она, скорее всего, где-нибудь в районе кухни, отдает последние распоряжения слугам. «Бедняжка. Столько хлопот по дому свалилось на нее после смерти матери, что нет даже возможности обзавестись кавалером. Был вот Стюарт Тарлтон, но не моя вина, если он счел, что я красивей, чем она».

Джон Уилкс сошел вниз по ступеням, чтобы подать руку Скарлетт. Выходя из коляски, она заметила самодовольную мину Сьюлен и поняла, что сестра выделила среди толпы Фрэнка Кеннеди. «Не могла уж найти себе жениха получше этой старой девы в штанах», – презрительно подумала Скарлетт, ступая на землю и благодарно улыбаясь Джону Уилксу. Фрэнк Кеннеди уже торопился навстречу, протягивая руку Сьюлен, и она так сразу развоображалась, что Скарлетт захотелось ее шлепнуть. Ради бога, пусть Фрэнк Кеннеди имеет земли хоть больше всех в графстве и добрейшее сердце, но это ровным счетом ничего не стоит против того факта, что ему сорок, что у него жидкая рыжая борода, и вообще он какой-то мелкий, слабенький и дерганый и кудахчет, как старая дева. Однако Скарлетт помнила о своем плане и потому смягчилась и послала ему такую пламенную улыбку, что он остолбенел от приятной неожиданности и уставился на нее во все глаза, забыв про руку, протянутую к Сьюлен.

А Скарлетт вела милую пустую беседу с Джоном Уилксом, обшаривая глазами толпу в поисках Эшли. На крыльце его не было, зато из дюжины глоток раздалось приветственные возгласы, а Стюарт и Brent уже направлялись к ней. Девочки Манро принялись ахать по поводу ее платья, и вскоре она оказалась в центре кружка, и все что-то говорили, и каждый старался перекричать другого, и гвалт стоял такой, что уже никто ничего не слышал. Но где же Эшли?

И где Мелани, где Чарлз? Она не хотела осматриваться слишком уж явно и, перейдя в холл, присоединилась к какой-то веселой группе внутри.

И вот, пока она так болтала и смеялась, стреляя глазами то во двор, то по дому, ее взгляд упал нечаянно на чужака; он стоял в холле в одиночестве и пялился на нее с такой невозмутимой наглостью, что ее остро кольнуло странное смешанное чувство: как женщине, ей было приятно привлечь мужское внимание и в то же время неловко оттого, что платье, кажется, чересчур открыто на груди. На вид он совсем старый, самое меньшее тридцать пять. Высокий, крепко сложен. Пожалуй, она такого широкоплечего никогда и не встречала. Такие мускулы плохо сочетаются с понятием элегантности. Когда она встретила с ним глазами, он улыбнулся, приподняв узкую черную полоску усов над прямо-таки звериным оскалом белых зубов. Лицом он был темен, как пират, и взгляд дерзкий и совершенно пиратский, как будто прикидывает: а не потопить ли галеон и не овладеть ли девицей? Он смотрел на нее с улыбкой циника, не признающего правил, и у Скарлетт вдруг перехватило дыхание. Она понимала, что должна оскорбиться, и досадовала на себя, что оскорбиться не может. Она не знала, кто он такой, но даже и в загорелом чуть не до черноты лице читались неоспоримые признаки благородной крови: тонкий, орлиный нос над крупным ярким ртом, высокий лоб, широко расставленные глаза.

Она отвела взгляд, не улыбнувшись в ответ, а он обернулся на чей-то зов:

– Ретт! Ретт Батлер! Идите к нам, я хочу вас познакомить с самой жестокосердой девушкой графства!

Ретт Батлер? Что-то знакомое... Кажется, связано с хорошеньким скандальчиком. Но сейчас ей не до того, ее занимает только Эшли.

– Мне надо наверх, поправить прическу, – сказала она Стюарту с Brentом, старавшимся отгеснить ее в уголок, подальше от толпы. – А вы, мальчики, ждите меня здесь. Вот только посмейте удрать с другой девушкой – я страшно рассержусь!

Ей уже было ясно, что со Стюартом сегодня будет трудно управляться, если она попытается пофлиртовать с кем-то еще. Он уже был немного пьян и ходил с заносчивым видом петуха, ищущего, с кем бы подраться. Скарлетт по опыту знала, что неприятности теперь обеспечены. Она помедлила в холле – перекинуться словом со знакомыми и поздороваться с Индией, которая появилась из задней части дома плохо причесанная и с бисеринками пота на лбу. Бедная ты, бедная! Это ж надо – жить с такими бесцветными волосами и ресницами и торчащим вперед подбородком! Всякий знает: это признак жесткого нрава. И вдобавок тебе уже за двадцать – старая дева. Скарлетт гадала, очень ли обиделась на нее Индия за Стюарта. Многие считают, что она все еще любит его. Но ведь никто не может сказать наверное, что думает кто-то из Уилксов на самом деле. Если Индия и обиделась, то ничем себя не выдала и продолжала относиться к Скарлетт с той же чуть отстраненной учтивостью, какую всегда к ней выказывала.

Скарлетт весело с ней пощебетала и пошла наверх по широким ступеням. В это время у нее за спиной чей-то нерешительный голос назвал ее имя. Она оглянулась: Чарли Гамильтон! Очень славный мальчик, с массой темных кудрей над белым лбом и темно-карими, честными и умными, собачьими глазами, в точности как у колли. И одет он был хорошо: горчичного цвета брюки, черный сюртук и белая рубашка в защипочку, схваченная у ворота наимоднейшим широчайшим черным галстуком. Когда Скарлетт обернулась к нему, он слегка порозовел, потому что был робок с девушками. И, подобно большинству застенчивых людей, Чарлз Гамильтон обожал живых и раскованных девушек – таких, как Скарлетт. Раньше она удостаивала его при встрече лишь дежурной вежливости, да и то как-то мимоходом, и потому ее сияющая улыбка и протянутые к нему руки, можно сказать, выбили у него почву из-под ног.

– О-о-о, Чарлз Гамильтон, опасный сердцеед, вот вы какой! Признайтесь, вы проделали весь путь из Атланты с единственной целью – разбить мне сердце!

Чарлз держал в руках ее маленькие теплые ладошки, смотрел, как пляшут чертики в ее зеленых глазах, и от волнения не мог вымолвить ни слова. Вот в такой манере девушки обычно и разговаривают с молодыми людьми – но с другими, а не с ним. По неведомой ему причине девушки обходились с ним как с младшим братом. Они были милы и ласковы, но никому и в голову не приходило заигрывать с ним. А ему ужасно хотелось, чтобы девушки кокетничали с ним, как с другими, уступающими ему и по внешнему виду, и по обеспеченности всяческими благами. Но в те немногие моменты, когда на него все-таки обращали внимание, он не мог придумать, что сказать, и мучительно страдал, стыдясь своего безгласия. А потом, ночью, он заново переживал этот момент и в мыслях был чарующе обходителен и неотразимо галантен. Короче, готовился в другой раз показать себя как надо. Однако второй раз выпадал ему крайне редко, так как девушкам хватало и одной попытки, чтобы оставить его в покое.

И даже с Душечкой он был скромнен и молчалив, хотя и существовала некая негласная договоренность, что осенью он на ней женится – когда вступит в права собственности. Временами у него возникало далеко не рыцарское чувство, что Душечкино с ним кокетство, «глазки» и прочие штучки вовсе не делают ему чести, потому что, по его представлениям, Душечка просто помешана на мальчиках и готова пробовать свои чары на любом, лишь бы случай подвернулся. Чарлз был не в восторге от перспективы такой женитьбы, потому что Душечка не возбуждала в нем тех страстных романтических эмоций, которые, как было ему хорошо известно из литературы, следует испытывать влюбленному. Он томился по иной любви; больше всего на свете ему хотелось, чтобы его полюбила какая-нибудь красивая, озорная чертовка с огнем в душе.

И нате вам – Скарлетт О'Хара дразнит его своим разбитым сердцем!

Он силился придумать, что ответить, и не мог, и просто стоял молча, слушал ее болтовню и благословлял ее за это щебетание, избавлявшее его от необходимости поддерживать хотя бы видимость беседы. Все это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

А зеленые глаза мерцали из-под скромно опущенных ресниц, и на щеках играли дивные ямочки, и с алых губок слетали невозможные, невероятные слова:

– Ну вот, теперь стойте здесь и ждите, пока я не вернусь, потому что я хочу сидеть во время барбекю с вами. И знайте: я страшно ревнива, так что не смейте и думать флиртовать с этими девушками.

– Я-а... н-не буду, – совладав наконец с дыханием, промычал Чарлз Гамильтон. Он и помыслить не мог, что она назначила ему быть тельцом на заклании и нашла, что он очень к этой роли подходит.

Легонько похлопав его сложенным веером по руке, Скарлетт отвернулась, собираясь подняться все-таки наверх, и тут на глаза ей снова попался тот человек, Ретт Батлер; он опять стоял в одиночестве, причем совсем близко к ним, и, уж конечно, слышал и наблюдал всю сцену. Во всяком случае, он опять нагло и как-то злорадно ей ухмыльнулся, сразу сделавшись похожим на кота, и внимательно прошелся по ней сверху донизу взглядом, начисто лишенным даже намека на почтение, к которому она была приучена.

«Ах ты, чертов сын, божьи подштанники, – ругнулась про себя Скарлетт, употребив излюбленное богохульство Джералда. – И смотрит, главное дело, так... так, словно знает, какая я под рубашкой». И, тряхнув головой, она решительно пошла по лестнице.

В спальне наверху, где были сложены накидки и зонтики, Скарлетт застала Кэтлин Калверт. Кэтлин чистила перышки перед зеркалом и кусала губы, чтоб стали ярче. У пояса были приколоты свежие розы под цвет лица, васильковые глаза блестели от возбуждения.

– Кэтлин, – спросила Скарлетт, тоже становясь к зеркалу и пытаясь подтянуть повыше корсаж своего слишком открытого платья, – скажи, что это за тип отвратительный там внизу, Батлер вроде.

– А то ты сама не знаешь, – зашептала Кэтлин, кося глазом на дверь, за которой Дилси обменивалась сплетнями с нянькой девочек Уилкс. – Не представляю, как должен чувствовать себя теперь мистер Уилкс, раз он уже в его доме, но так вышло, что мистер Батлер находился с деловым визитом у мистера Кеннеди, что-то насчет закупок хлопка, вот мистериу Кеннеди и пришлось взять его с собой, не оставлять же одного.

– А в чем проблема-то?

– Бог мой, да его же не принимают!

– Нет, правда?

– Ну да.

Скарлетт помолчала, переваривая это сообщение: ей никогда еще не случалось бывать под одной крышей с человеком, которого не принимают. Чрезвычайно волнующее ощущение.

– И что он такого сделал?

– Ох, Скарлетт, у него ужасная репутация. Его зовут Ретт Батлер, он из Чарлстона, в семье все достойнейшие люди, но они с ним даже не разговаривают. Мне Каро Ретт прошлым летом о нем рассказывала, она к ним отношения не имеет, но все про него знает. Да всякий знает. Его исключили из Вест-Пойнта, из военной академии, представляешь? И за такие вещи, о которых лучше не знать. А потом еще эта история с девушкой, на которой он не стал жениться.

– Ну давай же, рассказывай!

– Милочка, ты что же, совсем-совсем ничего не знаешь?! А мне еще прошлым летом Каро Ретт все уши прожужжала, ее мама умерла бы на месте от одной мысли, что Каро это известно. Ну хорошо. Этот самый мистер Батлер повез одну девушку покататься в кабриолете. Кто она такая, я не знаю, но имею некоторые подозрения. Конечно, не из самого лучшего общества, иначе не поехала бы с ним под вечер без компаньонки. И вот, моя дорогая, они пропадали где-то почти всю ночь, потом являются пешком и рассказывают, как понесла лошадь и расшибла коляску, а они потерялись в лесах. А теперь догадайся, что...

– Не могу я догадываться, говори скорей! – загорелась Скарлетт, надеясь на худшее.

– На следующий день он отказался на ней жениться!

– О-о... – протянула Скарлетт. Надежды ее рухнули.

– Он сказал, что ничего... м-м-м... ничего ей не сделал и не видит причины, с какой стати обязан жениться. И конечно, ее брат вызвал его, а он и говорит, что лучше стреляться, чем жениться на тупой дуре. Ну и вот, они дрались на дуэли, мистер Батлер застрелил брата этой девушки, после чего ему пришлось покинуть Чарлстон, и теперь его никто не принимает! – победно закончила Кэтлин, и как раз вовремя, потому что в комнату вернулась Дилси – проверить, все ли в порядке с нарядом ее подопечной.

Скарлетт зашептала на ухо Кэтлин:

– А ребенок? У нее был ребенок?

Кэтлин в ответ резко помотала головой и прошипела страшным шепотом:

– Но все равно он ее погубил!

«А хорошо бы сделать так, чтобы Эшли скомпрометировал меня, – подумала вдруг Скарлетт. – Он слишком порядочен, чтобы потом не жениться на мне». И одновременно заползла откуда-то непрошенная мысль, что Ретт Батлер, пожалуй, заслуживает уважения, раз отказался жениться на дуре.

Скарлетт сидела на высокой оттоманке розового дерева под ветвистым могучим дубом, утопая в волнующемся море складок, оборок и кружев, из-под которых ровно на два дюйма выглядывали зеленые сафьяновые туфельки – это все, что может показать леди и остаться при этом леди. В руках у нее была тарелка с нетронутым почти кушаньем, а вокруг – семеро кавалеров. Пикник был в самом разгаре. Отовсюду летел смех и несмолкаемый гул голосов, позвякивало серебро о фарфор, в воздухе висели запахи жареного мяса и благоухание соусов. Слу-

чалось, ветерок шалил и порывом нес на гостей облачко дыма – дамы тут же встречали его визгом, преувеличенно негодующими возгласами и хлопаньем вееров из пальметто.

Барышни в основном сидели со своими кавалерами на длинных скамьях вдоль столов. Но Скарлетт, понимая, что у всякой девушки всего два бока и с каждого боку может сидеть только один человек, – Скарлетт предпочла устроиться отдельно, так, чтобы разместить рядом со своей особой по возможности более широкий круг молодых людей.

Под зеленым куполом беседки расположились замужние дамы; их темные платья выделялись на фоне окружающей веселой пестроты. Матроны, независимо от возраста, всегда держались вместе и в сторонке от быстроглазых девиц, красавчиков и громкого смеха, ибо на Юге не существовало замужних прелестниц. И сейчас они собрались кружком, начиная от бабушки Фонтейн, которая по своим годам уже пользовалась привилегией не скрывать отрывку на людях, и до семнадцатилетней Алисы Манро, которая боролась с тошнотой первой беременности. Дамы сблизили головы, занятые нескончаемой дискуссией о предках и потомках, о деторождении и других столь же приятных, сколь и поучительных материях.

«Форменные клуши», – пренебрежительно глянув в их сторону, подумала Скарлетт. Замужние женщины вечно такие постные – не шутят, не смеются. Ей не приходило в голову, что, став женой Эшли, она автоматически, в тот же миг будет сослана под свод беседки или в парадную гостиную, к степенным матронам в скучных шелках – такая же чинная и скучная, как они, без проблеска радости, без искры, без игры. Подобно большинству девушек, она не уносила воображением дальше алтаря. К тому же сейчас все для нее складывалось хуже некуда, и она не могла отвлекаться на всяческие химеры.

Глаза ее были опущены к тарелке, она изредка поклевывала воздушный бисквит, причем с таким изяществом и совершенным отсутствием аппетита, что могла бы даже заслужить одобрение Мамми. Окруженная кавалерами в избыточном количестве, она тем не менее чувствовала себя крайне обделенной и несчастной. Никогда в жизни так не бывало! Непостижимым образом ее ночной план полностью провалился – в том, что касалось Эшли. Она привлекала других – дюжинами, но не Эшли, и вчерашние страхи вернулись, захлестнули ее с головой, отчего сердце то колотилось бешено, то замирало вовсе, а лицо то пламенело, то делалось белей бумаги.

Эшли не делал попыток присоединиться к кружку ее обожателей, с момента приезда она фактически ни словом с ним не обменялась наедине, она вообще с ним не говорила, только поздоровалась. Они увиделись, когда она вышла в сад, и он подошел, как гостеприимный хозяин, но тогда на руке у него висела Мелани – Мелани, которая ему едва по плечо.

Она выглядела как ребенок, вырядившийся на маскарад в материнские необъятные юбки. Это впечатление еще усиливалось робким, чуть ли не испуганным выражением огромных карих глаз, великоватых для такой маленькой девчушки. Копна темных вьющихся волос была с такой суровостью прижата и спрятана под сетку, чтобы уж ни один своенравный бродяга завиток не вырвался на волю. И вся эта темная масса, образующая надо лбом уголок наподобие вдовьего платка, акцентировала треугольную, сердечком, форму лица – слишком широкого в скулах, слишком остренького к подбородку, милого, робкого, но обыденного и в общем-то некрасивого лица. Причем Мелани и не признавала никаких трюков из женского арсенала соблазнов, которые заставили бы наблюдателя забыть об этой обыденности. Она казалась – и была – естественной, как земля, понятной, как хлеб, и прозрачной, как вода в ключе. Но во всех движениях и манерах этого неброского, малюсенького создания чувствовалось такое громадное внутреннее достоинство, какое нечасто встретишь и в людях много старше ее семнадцати лет.

Платье из дымчатого органди маскировало множеством оборочек, воланов и складочек еще по-детски неразвитое тело, а желтая шляпа с длинными вишневыми завязками придавала золотистое сияние чистой, сливочно-белой коже. Тяжелые подвески свисали золотой бахромой

из петелек сетки к самым глазам, прозрачным, как лесное озеро в зимнюю пору, когда сквозь тихую воду видны опавшие листья на дне.

Здороваясь, Мелани улыбнулась застенчиво и сказала, какое чудесное у Скарлетт зеленое платье, а Скарлетт пришлось прилагать усилия, чтобы хоть из простой вежливости выдавить что-то в ответ, – так она рвалась остаться наедине с Эшли. А он как сел, так и сидит до сих пор на низенькой скамеечке у ног Мелани, в стороне от гостей, неспешно с ней разговаривает и улыбается этой своей медлительной, дремотной улыбкой, которая сводит Скарлетт с ума. Но что еще хуже – от этой улыбки заискрились и замерцали глаза у Мелани, и даже Скарлетт вынуждена была признать, что она выглядит... ну, почти хорошенькой. Мелани смотрела на Эшли, и ее будничное личико освещалось внутренним огнем; если правда, что влюбленное сердце может менять облик человека, то именно это сейчас и происходило с Мелани Гамильтон.

Скарлетт старательно отводила глаза в сторону от этой пары, что плохо ей удавалось, и после каждого брошенного вскользь взгляда удваивала веселость, смеялась, шутила довольно рискованно, дразнила кавалеров и встряхивала головой, звеня сережками. Она много раз сказала: «Все вздор и болтовня!» Она заявила, что ни в ком из них нет ни капельки правдивости, и поклялась, что никогда, ни при каких обстоятельствах не верила ни единому слову, произнесенному мужчиной. Но Эшли, кажется, не замечал ее вовсе. Он смотрел только на Мелани, а Мелани смотрела на Эшли, причем с таким выражением, что всем делалось яснее ясного: она вся, целиком принадлежит ему.

Да, Скарлетт была несчастна.

Впрочем, человек со стороны сказал бы, что уж кого-кого, а ее-то обделенной и несчастной никак не назовешь. Она была здесь первой красавицей и центром внимания. Фурор, произведенный среди мужчин, вкупе с сердито-беспомощными взглядами девиц доставил бы ей огромное удовольствие, но – в любое другое время.

Позицию справа от нее прочно захватил Чарлз Гамильтон; расхрабрившись от ее внимания, он не поддавался даже соединенным усилиям близнецов, старавшихся его с этого места оттеснить. В одной руке он держал ее веер, а в другой – свою тарелку с жареным мясом, к которому, понятное дело, не мог притронуться, и упорно избегал встречаться глазами с Душечкой, готовой уже броситься в слезы. Слева от Скарлетт в изящной позе расположился на траве Кейд; чтобы о нем не забывали, он теребил волан ее юбки и при этом с вызовом смотрел на Стюарта. У них уже состоялся обмен довольно свирепыми словами, и теперь воздух между Кейдом и близнецами был насыщен электричеством. А Фрэнк Кеннеди квохтал и хлопал крыльями, как курица вокруг единственного своего цыпленочка, и непрерывно сновал от дуба к столам, чтобы принести ей что-нибудь вкусенькое, словно не было тут дюжины черных слуг специально для этой цели. В результате Сьюлен переполнилась мрачной досадой и, не в силах больше скрытничать, как приличествует леди, метала молнии в сестру. А малышка Кэррин чуть не плакала: как же так, Скарлетт приободрила ее сегодня утром, а между тем Brent сказал только: «Привет, детка», дернул ее за ленту в волосах, и все! И после этого полностью переключился на Скарлетт! Обыкновенно он бывал очень обходителен с нею, и она уже видела в тайных мечтах тот день, когда можно будет поднять волосы наверх, а юбку отпустить до полу и принимать его, как настоящего кавалера. И что же? Он в руках у Скарлетт! Девочки Манро прятали свою обиду на смуглолицых отступников Фонтейнов, но все равно их раздражало, что Алекс и Тони топчутся у дуба, лоя момент для захвата позиций вблизи Скарлетт, лишь бы только кто-нибудь встал с насиженного места.

О своем неодобрительном отношении к поведению Скарлетт они сообщили Хетти Тарлтон – без слов, одним деликатным поднятием бровей. У них на лицах читалось: «Вертихвостка!» И три барышни разом встали, развернули кружевные зонтики, сказали, что они совершенно сыты, спасибо большое, и, положив легкие пальчики на руку ближайшему муж-

чине, очень мило потребовали показать им розарий, источник и летний павильон. Это стратегическое отступление в боевом порядке не было пропущено ни одной женщиной, равно как не было замечено ни одним мужчиной.

Скарлетт хихикнула при виде троих мужчин, которых силой вытаскивают с линии огня, спасая от ее чар, под предлогом обследования достопримечательностей, знакомых девицам с детства, и тут же стрельнула острым взглядом в Эшли – как он это воспринял. Но Эшли безмятежно играл кончиками пояска Мелани и улыбался ей. У Скарлетт сердце перевернулось. Она могла бы сейчас вонзить коготки в это кроткое личико цвета слоновой кости и расцарапать его в кровь. И с каким бы наслаждением она это сделала!

Отводя глаза от Мелани, Скарлетт вдруг наткнулась на пристальный взгляд Ретта Батлера; он не смешивался с толпой, стоял в стороне и беседовал о чем-то с Джоном Уилксом. Он явно следил за ней и, стоило их глазам встретиться, рассмеялся прямо ей в лицо. У Скарлетт появилось тягостное ощущение, что этот отверженный – и только он один из всех присутствующих – прекрасно понимает, что там, за ее безумной веселостью, понимает и злорадствует по этому поводу. Ему тоже она бы с удовольствием расцарапала физиономию.

«Дотянуть бы до конца этого барбекю, – подумала Скарлетт. – Все девочки уйдут наверх поспать перед вечером, а я останусь и смогу поговорить с Эшли. Безусловно, он должен был заметить, каким я пользуюсь успехом. – И утешила себя новой надеждой: – Естественно, ему пришлось уделять внимание Мелани, все-таки она его кузина и не имеет вовсе никаких шансов на успех. Если б не Эшли, она бы так и просидела одна».

Эта мысль придала ей духу, и она с удвоенными усилиями принялась за Чарлза, и так уже не сводившего с нее сияющих глаз. Для него это был чудо что за день, день мечты и грез, он влюбился в Скарлетт, он любил ее, и от нее не требовалось вообще никаких усилий. Перед таким чувством дорогуша Душечка растаяла в туманной дымке. Да и что такое Душечка? Чирикает, как воробей, и все. А Скарлетт! Сладкоголосая, сверкающая радугой птичка колибри! Она с ним играет, она его дразнит и хвалит, она непрестанно задает ему вопросы и сама же на них отвечает, и он кажется ужасно умным, хоть и не говорит ни слова. Другим оставалось только злиться в душе и ломать голову над столь явным к нему интересом: ведь каждый знал, что Чарли от застенчивости двух слов связать не может. Их благовоспитанность подвергалась суровому испытанию, не давая прорваться растущей ярости. Все вокруг буквально дымились, и это положительно следовало расценить как триумф Скарлетт. Повержены были все. Все, кроме Эшли.

Когда никто уже не мог притронуться к ветчине, жареному барашку и цыплятам, Скарлетт решила, что самое время Индии встать и предложить дамам перейти в дом. Было уже два часа, и солнце пекло вовсю, но Индия, утомившись от трехдневных хлопот с этим барбекю, была только рада возможности посидеть в тени беседки, обмениваясь громкими замечаниями с каким-то древним глухим джентльменом из Фейетвилла.

Дремотная лень опускалась на собравшихся. Негры больше не бегали, а потихоньку убрали со столов остатки пиршества. Реже раздавался смех, в разговорах не слышно было прежнего оживления, и то одна, то другая группа замолкала вовсе. Гости ждали, когда же хозяйка подаст знак к окончанию утренней части праздника. Веера из пальметто шевелились все медленнее, а некоторые пожилые джентльмены, разморенные жарой и обильной пищей, уже клевали носом. Солнце стояло высоко, наступало привычное время послеобеденного отдыха, и всех тянуло расслабиться, подремать, переждать самую жару.

В интервале между утренним угощением и вечерним балом гости в основном присмирили, утихомирились. Лишь в самых молодых сохранилась живость, какой вот только что было пронизано все общество. Молодым не сиделось на месте, они переходили от одной группы к другой, переговаривались мягкими, тягучими голосами, неугомонные, красивые, как породистые жеребцы, и не менее опасные. И хотя собравшимися владела полуденная сытая истома, но

внутри таились страсти, готовые в одну секунду вспыхнуть до убийственного накала и столь же быстро угаснуть. Мужчины ли, женщины – они все были прекрасны и своенравны и немного жестоки под покровом приятных манер, а если и приручены, то лишь отчасти.

Время еле тянулось, солнце пекло все жарче, и Скарлетт, подобно многим другим, все чаще поглядывала в сторону Индии Уилкс. Разговоры окончательно смолкли, и в наступившей тишине раздался отчетливый, яростный голос Джералда:

– Ну, парень, божи подштанники! Молиться за мирное соглашение с янки?! После того как мы им врезали в Форт-Самтере?! – Джералд стоял в некотором отдалении от основной массы гостей и то ли спорил, то ли ругался с Джоном Уилксом, причем перепалка, видимо, была в самом разгаре, а он еще себя и подстегивал: – Замириться? Да Юг докажет силой оружия, что его нельзя оскорблять безнаказанно! И не будет он спрашивать разрешения на выход из Союза, сам справится, сам по себе!

«О господи, он таки дорвался, – затосковала Скарлетт. – Теперь мы тут и заночуем».

В одно мгновение сонная одурь отлетела прочь, воздух словно разорвало электрическим разрядом. Мужчины повскакали с мест, опрокидывая стулья, широко размахивая руками и стараясь перекрыть всеобщий гвалт; каждый хотел, чтобы услышали именно его, потому что кто, как не он, говорит дело! Утро обошлось без разговоров о политике и неминуемой войне, так как мистер Уилкс настоятельно попросил не утомлять дам столь скучными для них материями. Но вот Джералд протрубил: «Форт-Самтер!» – и мужчины разом позабыли все увещания хозяина.

– Конечно, мы будем сражаться!..

– Все янки – трусы!..

– Мы сметем их за месяц!..

– Да один южанин побьет двадцать янки!..

– Проучить их хорошенько, чтоб не скоро забыли...

– Миром? А они дадут нам уйти миром?

– Нет, а вы слышали, как мистер Линкольн издевался над нашими эмиссарами?

– Ну да, неделями держал их в подвешенном состоянии, все клялся, что выведет войска из Самтера...

– Хотят воевать? Ну так мы их накормим войной до тошноты!

И поверх всего этого гама гремел раскатистый голосище Джералда, повторявший на все лады:

– Права штатов? Да ради бога! Ах, им права штатов? Да пусть...

Да, Джералд прекрасно проводил время, просто отлично. Но не его дочь.

Война, отделение, выход из Союза штатов – эти слова от частого употребления давно уже наводили на Скарлетт смертельную скуку, но сейчас она их возненавидела – ведь это значит, что мужчины будут произносить свои речи до бесконечности и она не сумеет уединиться с Эшли. Никакой войны, разумеется, не будет, и мужчинам это прекрасно известно, просто они обожают поговорить и сами себя послушать.

Чарлз Гамильтон не вскочил вместе со всеми. Обнаружив, что остался со Скарлетт практически наедине, он наклонился к ней поближе и зашептал доверительно, в приступе безумной отваги, порожденной любовью:

– Мисс О'Хара, знаете... я уже решил, что, если надо будет воевать, я поеду в Южную Каролину и поступлю к ним в отряд. Я слышал, там кавалерию организует мистер Уэйд Хэмптон, и мне, конечно, хотелось бы к нему. Он замечательный человек, они с моим отцом были лучшие друзья.

«Вот любопытно, чего он от меня ждет? Может быть, троекратного ура?» По выражению лица она догадалась, что он делится с ней сокровенным, но так и не придумала, что ему ответить, просто смотрела молча, удивляясь в душе мужской глупости: почему-то они считают,

что женщинам интересно знать такие вещи. Чарлз расценил молчание как знак изумленного одобрения и дерзнул пойти дальше:

– Если я уеду... вас... вы... вы будете сожалеть, мисс О'Хара?

– Каждый вечер буду заливаться горячими слезами, – легкомысленно ответила Скарлетт, но он принял ее слова за чистую монету и зарделся.

Ее рука утопала в складках платья, он осторожно ее нащупал и легонько сжал. Она руку не отняла. Ошалев от собственной храбрости и ее уступчивости, он спросил:

– Вы будете за меня молиться?

«Нет, ну что за дурак», – вздохнула Скарлетт, незаметно осматриваясь в надежде, что кто-нибудь придет ей на выручку.

– Будете?

– О, конечно, мистер Гамильтон. Каждый вечер три молитвы Пресвятой Деве, никак не меньше.

Чарлз быстро огляделся, набрал побольше воздуха и напряжинил мышцы. Рядом никого, и второй такой случай может не представиться. А если и представится, то запал может пройти.

– Мисс О'Хара... я должен вам что-то сказать. Я... я люблю вас!

– Мм? – рассеянно мурлыкнула Скарлетт, старавшаяся проникнуть взглядом сквозь толпу к Эшли: он что, так и сидит у ног Мелани?

– Да, люблю! – горячо прошептал Чарлз в восторге оттого, что Скарлетт не залилась звонким смехом, не взвизгнула и не упала в обморок, как, по его представлениям, поступают в подобных обстоятельствах все молодые девушки. И вдруг заговорил, впервые в жизни произнес вслух слова, о которых пока лишь мечтал: – Вы самая, самая красивая девушка из всех, кого я знаю, и самая милая, очаровательная и добрая, я люблю вас всем сердцем. Не смею надеяться, что вы полюбите такого, как я, но клянусь вам, дорогая моя мисс О'Хара, если вы только дадите мне знак, я сделаю все, чтобы заслужить вашу любовь. Я буду... – Тут Чарлз умолк, силясь придумать, какое деяние он мог бы совершить в доказательство глубины своего чувства, но вместо этого сказал: – Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Последнее слово резко и грубо вернуло Скарлетт на землю. Она уже видела себя женой Эшли и потому взглянула на Чарлза с плохо скрытым раздражением. С какой стати этот теле-нок лезет ей в душу? Да еще в такой момент, когда она сама не своя от беспокойства. Она смотрела в его умоляющие карие глаза и не видела в них ничего – ни цветения первой робкой любви, ни преклонения перед воплощенным идеалом, ни безумного счастья и нежности, так и светившихся во всем его облике. Скарлетт привыкла, что мужчины предлагают ей руку и сердце, мужчины гораздо более привлекательные, чем Чарлз Гамильтон, и далеко не такие простаки, чтобы делать предложение во время барбекю, когда у нее голова занята более важными мыслями. А тут перед ней двадцатилетний мальчик, красный как помидор и ужасно нелепый. Ее так и подмывало сказать ему, как нелепо он выглядит. Но уроки Эллен не пропали даром: заготовленные для подобных ситуаций слова сами пришли на ум, и, привычно опустив глаза долу, она пробормотала скороговоркой:

– Мистер Гамильтон, я не могу не оценить честь, которую вы мне оказываете, предлагая стать вашей женой, но все это столь неожиданно, что я, право, не знаю, как вам ответить.

Это был аккуратный способ водить мужчину на крючке, не задевая его самолюбия, и Чарлз, будучи в таких делах новичком, охотно клюнул.

– Я готов ждать вечно! Я не хочу торопить вас, пока вы сами не будете вполне уверены. Но, мисс О'Хара, умоляю, скажите только, что я могу надеяться!

– М-м-м...

Зоркий глаз Скарлетт отметил, что Эшли не принимает участия в военном совете, а по-прежнему улыбается этой своей Мелани. Если бы этот дурачок, что мнет ей пальцы, умолк хоть на минуту, она, уж наверное, уловила бы, о чем они там говорят. Она должна услышать!

Что такого особенного могла сказать ему Мелани, чтобы Эшли так вдруг заинтересовался? Скарлетт вся обратилась в слух, но за страстной речью Чарльза ничего нельзя было разобрать.

– Ш-ш-ш! – шикнула она на него и стиснула ему руку, даже не обернувшись к бедняге.

Ошеломленный Чарльз покраснел от такого щелчка еще больше и совсем смешался. Но потом понял, что Скарлетт смотрит пристально на его сестру, и просиял. Ну конечно! Скарлетт боится, что кто-то услышит его признание. Вполне естественно, что она смущена, робеет и мучается, как бы кто не проведал об их отношениях. Чарльз ощутил небывалый прилив мужественности: впервые ему удалось привести в замешательство девушку! Ни с чем не сравнимое, пьянящее чувство! Он придал своему лицу выражение, как ему казалось, беспечной снисходительности и осторожно вернул Скарлетт пожатие, давая понять, что он человек достаточно светский и способен понять и простить ей эту выходку.

Но Скарлетт ничего этого не заметила, поскольку в тот момент ясно расслышала нежный голосок Мелани – кстати, главное ее достоинство.

– Боюсь, – говорила Мелани, – что не могу с вами согласиться в отношении произведений мистера Теккерея. Он циник. Боюсь, он не джентльмен, в отличие от мистера Диккенса.

«До какой же глупости надо дойти, чтобы говорить о таких вещах с мужчиной!» И Скарлетт чуть не рассмеялась от облегчения. Да она самый настоящий синий чулок, а всем известно, как мужчины относятся к синим чулкам... Есть верный способ пробуждать и удерживать интерес в мужчине: для начала надо поговорить о нем самом, потом, постепенно, переводить разговор на себя и далее в том же духе. У Скарлетт была бы еще причина тревожиться, если бы Мелани воскликнула, к примеру: «Ах! Какой вы удивительный!» или «Как вы вообще можете думать о таких вещах?! Я сколько ни стараюсь, у меня это просто в голове не укладывается». И вот нате вам: эта Мелани сидит под деревом, у ног ее – мужчина, а она что-то ему втолковывает, да с такой серьезностью, будто они в церкви. Перед Скарлетт забрезжил свет. Да что там забрезжил – перед нею открылись такие сияющие перспективы, что она повернулась к Чарльзу и от полноты чувств широко ему улыбнулась. В совершенном восторге от столь неоспоримого свидетельства ее к нему расположения и не зная, куда девать избыток счастливой энергии, он схватился за ее веер и принялся неистово им махать, грозя растрепать ей идеальную прическу.

– Эшли, мы еще не имели чести ознакомиться с твоим суждением, – произнес Джим Тарлтон, отойдя на шаг от шумной группы.

Эшли извинился, встал и подошел к ним. «Как он красив, – подумала Скарлетт. – Таких нет больше». Она залюбовалась небрежной грацией его движений и игрой солнечных лучей, позолотивших ему волосы и усы. Все умолкли. Даже старшие прекратили спорить, желая послушать Эшли.

– Что ж, джентльмены, если Джорджия будет воевать, то и я вместе с нею, зачем бы иначе мне было вступать в Эскадрон, – начал Эшли, и в его прямом, открытом взгляде не было уже ни следа дремотности, ее сменила напряженная решимость, какой Скарлетт прежде не видела в этих серых глазах. – Однако я, как и отец, все же надеюсь, что янки дадут нам уйти с миром и войны не будет. – Он поднял руку, останавливая галдеж, немедленно начатый Фонтейнами и Тарлтонами. – Да, да, я знаю, мы оскорблены и оболганы, но, будь мы на месте янки, а кто-то захотел бы выйти из Союза, разве мы действовали бы иначе? Да точно так же. Нам бы это не понравилось.

«Опять он за свое, – поморщилась Скарлетт. – Вечно ставит себя на место другого». Для нее в споре не существовало двух сторон – правда могла быть только на одной стороне. Иногда Эшли совершенно невозможно было понять.

– Давайте не будем слишком горячиться и постараемся не допустить войны. Большинство бед и несчастий на земле порождено войнами. А когда войны заканчиваются, никто даже понять не может, из-за чего и зачем все это было.

Скарлетт фыркнула. По счастью, Эшли имеет незапятнанную репутацию, не то были бы неприятности. И стоило ей об этом подумать, как нестройный ропот вокруг Эшли перерос в форменный крик, негодующий и яростный. Даже глухой старик из Фейетвилла высунулся из-под зеленого свода беседки, толкнул в бок Индию и громко осведомился:

– А что там случилось? О чем они?

– О войне! – крикнула Индия, приставив рупором ладонь к его уху. – Они хотят воевать с янки!

– Значит, о войне? – Он нашарил свою трость и вылез из кресла с такой прытью, какой уже много лет от него не выдвали. – Я им расскажу про войну. Я-то был на войне.

Да, не часто мистеру Макрэю выпадал случай рассказать кому-то про войну: женская часть семьи обычно сразу принималась шикать на него. Он поспешно заковылял к воинственной кучке, размахивая на ходу тростью и что-то выкрикивая, а поскольку сам он никаких голосов не слышал, то вскоре безраздельно стал господствовать на поле словесных баталий.

– Послушайте-ка меня, вы, молодые петухи. Вам воевать и думать нечего. Я воевал, я знаю. Ходил и на Семинольскую, а потом, круглый дурак, и на Мексиканскую. Вы же знать не знаете, что такое война. Вы думаете, это скакать на горячем коне, ловить цветы от девушек и приехать домой героем. А все не так. Нет, сэр! А обернется все голодом, да подхватите лихорадку и воспаление легких, как поспите-то на сырой земле. А не лихорадка, так с кишками замучаетесь. Да, сэр! Что война делает с кишками – дизентерия, понос и все такое...

Дамы залились краской смущения. Мистер Макрэй, подобно бабушке Фонтейн с ее неприлично громкой отрыжкой, был живым напоминанием о той грубой эпохе, которую каждый хотел бы забыть.

– Беги скорей, уведи оттуда дедушку, – прошипела молоденькой девчужке одна из дочерей старого джентльмена. – Представляете, – тихо проговорила она, обращаясь к переполошившимся дамам в своем кружке, – ему становится хуже буквально с каждым днем. Вы не поверите, вот только сегодня утром он говорит Мэри, а ей всего шестнадцать... – И дочь мистера Макрэя перешла на шепот, глядя вослед девчужке, которой было поручено вернуть старика под сень беседки.

Среди всего этого собрания, что волновалось на поляне под деревьями, среди возбужденных девичьих улыбок и страстных, вдохновенных мужских призывов лишь один человек казался спокойным – Ретт Батлер. После того как Джон Уилкс отошел, оставив его в одиночестве, он так и стоял один, прислонясь к дереву и засунув руки в карманы брюк. Военная дискуссия разгоралась все жарче, но Ретт Батлер не произносил ни слова; уголки красных губ под тонкими усиками опустились книзу, черные глаза выражали презрение. Он забавлялся, снисходительно внимая хвастливой болтовне задиристых детей. «Противная какая усмешка», – мелькнуло у Скарлетт.

В это время Стюарт Тарлтон, рыжий, взлохмаченный и с огненным взглядом, зашел на новый круг:

– А-а, мы разобьем их за месяц! Джентльмены всегда сражаются лучше черни. Да что месяц – одна хорошая битва...

– Джентльмены, – проговорил Ретт Батлер с оттяжкой, выдававшей его чарлстонское происхождение; рук из карманов он не вынимал и не менял позы у дерева. – Вы позволите мне?

Его повадка, как и взгляд, была полна презрения – презрения под маской учтивости, что превращало все его действия в фарс. Он словно бы пародировал сам себя. Все молча повернулись к нему, как положено благовоспитанным людям по отношению к грубияну и чужаку.

– Скажите, джентльмены, кто-нибудь из вас задумывался когда-либо над тем фактом, что южнее железной дороги Мейкон – Диксон нет ни одного оружейного завода? И что на Юге ничтожно мало металлургических предприятий? И есть ли у нас ткацкие, прядильные, кожевенные производства? У вас никогда не мелькала мысль, что у нас нет ни одного военного

корабля и что янки могут в неделю заблокировать наши гавани и мы не сумеем продавать за границу наш хлопок? Хотя что я такое говорю – конечно же вы обдумали все это, джентльмены.

У Скарлетт кровь бросилась в лицо. «Так! Он, значит, считает, что тут скопище дураков!» Очевидно, не ей одной пришлось это в голову – некоторые из молодых свирепо выставили вперед подбородок. И в ту же минуту Джон Уилкс как бы случайно возник на прежнем месте, рядом с оратором, всем своим видом внушая окружающим, что это его гость, а кроме того – и самое главное – не следует забывать о дамах.

А Ретт Батлер продолжал:

– Проблема в том, что мы, южане, в основном домоседы. Мы мало ездим по свету, а если и ездим, то толку от этого немного. Я, конечно, не о вас, джентльмены, вы-то, безусловно, поездили. И что вы видели? Европу, Нью-Йорк, Филадельфию, а дамы, – легкий поклон в сторону беседки, – дамы, разумеется, побывали в Саратоге. Вы познакомились с отелями, музеями, бальными залами, игорными домами и вернулись домой в полной уверенности, что лучше Юга на свете места нет. Что до меня, то я родился в Чарлстоне, но последнее время живу на Севере. – Белые зубы показались в усмешке: он понимает, что всем здесь известно в точности, почему он не живет больше в Чарлстоне, но его не волнует, что они об этом думают. – И я видел много такого, чего не видели вы. Там тысячи иммигрантов, которые будут рады сражаться на стороне янки за прокорм и за несколько монет. Еще я видел заводы, верфи, рудники и шахты – ничего подобного у нас нет. Зато у нас есть хлопок, рабы и высокомерие. Нас разобьют за месяц.

Повисла напряженная тишина. Ретт Батлер вынул из нагрудного кармана тонкий носовой платок и небрежно смахнул пылинку с рукава. В группе мужчин поднялся зловещий ропот, беседка загудела, как растревоженный улей. А практичная Скарлетт, хоть и не остыла еще от клокотавшего в ней гнева, подумала, что он говорит дело и в здравом смысле ему не откажешь. Действительно, она ни разу в жизни не видела завода и не знает таких, кто своими глазами видел бы завод. Но пусть даже он прав, это непорядочно – позволять себе подобные заявления... да еще на пикнике, куда люди приехали веселиться.

Вперед выступил Стюарт Тарлтон: брови сдвинуты, рядом неразлучный Brent. Правда, близнецы хорошо воспитаны, они не станут устраивать сцену на барбекю, хоть и возбуждены, и рассержены сверх меры. Но дамы все равно испытали приятное волнение, так как им редко выпадало стать свидетелями публичной сцены и обычно о таких вещах они узнавали из третьих рук.

– Сэр, – веско промолвил Стюарт. – Что вы имеете в виду?

Ретт ответил ему серьезно, но с издевкой в глазах:

– Я имею в виду одну фразу Наполеона – возможно, вы слышали о нем? Он однажды заметил: «Бог всегда на стороне сильнейших батальонов». – Ретт повернулся к Джону Уилксу и уже безо всяких шуточек, почтительно попросил: – Сэр, вы обещали показать мне вашу библиотеку. Если я не слишком злоупотребляю вашей любезностью, то не разрешите ли мне пройти туда сейчас? Боюсь, я скоро должен буду уехать в Джонсборо: небольшое дельце.

Ретт Батлер развернулся лицом к обществу, щелкнул каблуками и отвесил поклон на манер учителя танцев. Для человека столь крепкого сложения поклон был на удивление грациозный, но при этом крайне неуместный и оскорбительный, как пощечина. В сопровождении Джона Уилкса он пересек лужайку, высоко неся черноволосую голову и раздражая оставшихся неприятным смехом.

Его проводили ошеломленным молчанием, готовым, однако, перейти в ропот возмущения. Индия устало поднялась и подошла к разъяренному Стюарту Тарлтону. Скарлетт не слышала, что она ему говорит, зато видела, каким взглядом она на него смотрит, и от этого взгляда ощутила нечто вроде укора совести. Вот точно так же самозабвенно Мелани смотрела на Эшли, только Стюарт этого не понял. Значит, Индия все еще любит его. Скарлетт подумала мель-

ком, что, не начни она год назад флиртовать так отчаянно со Стюартом, он давным бы давно женился на Индии. Но чувство вины быстро рассеялось от утешительной мысли: разве она в ответе за то, что другие не умеют удерживать своих кавалеров?

Наконец Стюарт улыбнулся Индии, правда с большой неохотой, и кивнул. Должно быть, Индия убедила его не ходить за мистером Реттом и не продолжать распрю. Под деревьями все пришло в движение: гости вставали, стряхивали крошки с колен, замужние дамы созывали своих мамок-нянек с малышами – пора и по домам. С лужайки потянулись стайки щебечущих девушек – им хотелось поскорее наверх, посплетничать и поспать перед танцами.

Дамы удалились, оставив беседку и тень дубов мужчинам. Задержалась только миссис Тарлтон, от которой ждали ответа по поводу лошадей для Эскадрона.

Эшли медленно подошел к Скарлетт, сидящей рядом с Чарлзом. Что-то забавляло и озадачивало Эшли, непонятная какая-то мысль играла в легкой улыбке.

– Дьявольски заносчивый парень, правда? – заметил он, кивнув вслед Батлеру. – И с виду – прямо Борджиа.

Скарлетт проворно перебрала в уме всех знатных людей в графстве, прикинула также насчет Атланты и Саванны, но похожего имени не припомнила.

– Я их не знаю. Он им родственник? Кто они такие?

Лицо Чарлза приняло странное выражение – недоверчивость и стыд боролись с любовью. Победила любовь. Он сообразил, что девушке вполне достаточно быть милой, нежной и красивой, а образованность только повредит ее прелести, и ловко вышел из положения:

– Эти Борджиа были итальянцы.

– А, – сказала Скарлетт, теряя интерес. – Иностранцы. – И она послала Эшли самую чарующую из своих улыбок, но он по какой-то причине не смотрел на Скарлетт. Эшли смотрел на Чарлза, смотрел с пониманием и немного с жалостью.

Остановясь на площадке лестницы, Скарлетт осторожно перегнулась через перила и оглядела холл внизу. Он был пуст. Из спален наверху слышалось нескончаемое приглушенное журчание голосов, прерываемое визгом, взрывами смеха и возгласами типа: «Да неужели?! Не может быть!!! А он что сказал?» На кроватях и кушетках в шести просторных спальнях устроились девушки. Платья сброшены, корсеты расшнурованы, волосы свободно распущены по спине – уф, можно отдохнуть. Дневной сон – это обычай, неотъемлемая часть сельского уклада жизни; а в дни больших приемов, начинавшихся с самого утра и достигавших кульминации к вечернему балу, – в такие дни поспать было просто необходимо. С полчаса девушки обычно болтали и перешучивались, потом слуги задергивали шторы, в теплой полутьме разговоры стихали до шепота, постепенно замирая совсем, и наступала тишина, нарушаемая лишь ровным легким дыханием.

Прежде чем выскользнуть в коридор, Скарлетт убедилась, что Мелани улеглась в кровать вместе с Душечкой и Хетти Тарлтон. И вот теперь, уверившись, что в холле никого нет, она тихонько пошла вниз. Из окна на повороте лестницы ей стала видна беседка и группа мужчин с высокими стаканами. С ними все ясно – они просидят так до заката. Скарлетт поискала глазами – Эшли среди них нет. Прислушалась – и уловила его голос! Как она и надеялась, он все еще у парадного крыльца, провожает мамочек с детишками.

С замирающим сердцем Скарлетт живо слетела вниз по ступеням. А вдруг бы ей встретился мистер Уилкс? Что ей придумать в свое оправдание – почему мисс О’Хара блуждает по дому, когда все девушки сладко спят? Что ж, придется рискнуть.

На последней ступеньке она вновь остановилась – было слышно, как в большой гостиной слуги под руководством дворецкого передвигают столы и кресла, освобождая место для танцев. Напротив, через холл, виднелась приоткрытая дверь библиотеки, и Скарлетт беззвучно туда

просочилась. Здесь она переждет, пока Эшли не попросится со всеми, а когда он вернется в дом, тихонько окликнет.

В библиотеке было сумрачно из-за опущенных от солнца жалюзи. Притемненная комната с высоченными шкафами по стенам, доверху забитыми книгами, действовала на Скарлетт угнетающе. Никак не место для свидания – во всяком случае, не для такого, каким должно быть ее свидание с Эшли. Книги в больших количествах всегда приводили ее в уныние, равно как и люди, которые их читали. То есть другие люди – все, кроме Эшли. Тяжелая мебель обступала ее в полумраке: покойные мягкие кресла с широкими подлокотниками и высокими подголовниками, специально для рослых мужчин этой семьи, и приземистые, обитые бархатом, уютные кресла с бархатными же подушками у ног – для девочек Уилкс. В дальнем конце, у камина, стоял любимый диван Эшли – семифутовый, отгородившийся высокой выгнутой спинкой, он был сейчас похож на громадного спящего зверя.

Скарлетт притворила дверь, оставив узкую щелку, и попыталась унять сердце. Она старалась восстановить в памяти, что именно наметила прошедшей ночью сказать Эшли, но ничего не вспоминалось. И вообще – придумала ли она тогда что-то и потом забыла или имела в виду, что говорить будет один Эшли? Но даже этого не могла она вспомнить, и внезапно на нее напал холодный, тихий ужас. Хоть бы сердце-то перестало молотить в уши, тогда, может быть, она и сумеет сообразить, что же ему сказать. Но быстрые молоточки застучали еще сильнее, потому что в этот момент до нее донеслось заключительное «Счастливого пути!», и в холле раздались шаги.

Все, о чем она теперь могла думать, – это что она его любит, любит всего целиком, от гордо поднятой златокудрой головы до кончиков элегантных темных туфель, любит его смех, даже когда он ее разыгрывает, и любит непонятную его молчаливость, совершенно сбивающую ее с толку. О-о, если бы он вошел сюда к ней и обнял ее, и избавил от необходимости говорить какие-то слова! Он ведь любит ее, должен любить... «А если помолиться?» Она крепко зажмурила глаза и горячо забубнила, сливая все слова в одно:

– Пресвятая-Дева-Мария-Владычица-Небесная...

– Скарлетт, ты?!

Голос Эшли прорвался сквозь грохот в ушах, повергнув ее в полнейшую растерянность. Дверь была приоткрыта, он стоял за порогом и смотрел на нее в упор, явно потешаясь ее замешательству.

– От кого прячешься – от Чарлза или от Тарлтонов?

Скарлетт проглотила комок в горле. Значит, он заметил, как они все увивались за ней! До чего же он хорош, просто невыразимо милый – стоит перед ней с мерцающими глазами и знать не знает, что творится у нее в душе. Не в силах вымолвить и слова, она протянула руку и потащила его в комнату. Он вошел, озадаченный и заинтригованный. Никогда прежде он не встречал Скарлетт в таком состоянии – вся как струна, и даже в полутьме видно, как блестят глаза и пылает лицо. Эшли закрыл за собой дверь, взял ее за руку и спросил, безотчетно понизив голос:

– А что такое?

От его прикосновения она затрепетала. Ну, все: сейчас это и случится, в точности как она мечтала. Вихрь бессвязных мыслей пронесся у нее в голове, но ни одну она не смогла поймать и облечь в слова. Она только и могла, что трястись и неотрывно смотреть на него. Что же он-то не говорит ничего?

– Ну, что такое? – повторил Эшли. – Какой-то секрет? Скажешь мне?

Внезапно Скарлетт вновь обрела дар речи, и столь же внезапно исчезли в никуда многолетние уроки Эллен. Прямолинейная ирландская натура Джералда заговорила устами его дочери:

– Да, секрет. Я люблю тебя.

Разразилась абсолютная тишина, оба они, кажется, даже дышать перестали. Нервная дрожь отпустила Скарлетт, ее захлестнула волна счастливой гордости. Отчего ж она не сделала этого раньше? Насколько проще, чем всякие дамские уловки, которым она обучена.

А затем она отыскала его глаза. В них застыла оторопь и невозможность поверить. И... что-то еще. Что же? Да, вот такой вид был у Джералда, когда его любимая лошадь сломала ногу и он должен был ее пристрелить. С какой стати ей сейчас-то это пришло на ум? Вот уж глупости. И все-таки: почему Эшли молчит и смотрит так странно? Но вот к нему вернулась привычная светская маска, он улыбнулся галантно:

– О, так тебе мало того, что ты сегодня разбила все мужские сердца? – Эшли говорил с прежней дразнящей лаской в голосе. – Хочешь полной победы? Ну так ты знаешь, что мое сердце всегда принадлежало тебе. Ты точишь об него зубки.

Что-то не так. Все не так! Такого поворота она не предвидела. В свистопляске догадок, идей и предположений, что кружились у нее в голове, одна мысль начинала вроде бы оформляться. Получалось – по неведомым причинам, – что Эшли ведет себя так, словно бы принимает это все за легкий флирт с ее стороны. Но он же понимает, что она не шутит. И она знает, что он все понимает.

– Эшли, Эшли, скажи мне, ты должен сказать, о-о, да перестань же меня дразнить, скажи, это правда – твое сердце принадлежит мне? О, мой любимый, как я лю...

Его рука быстро зажала ей рот. Светская маска пропала.

– Не говори таких вещей, Скарлетт, не смей! Ты так не думаешь. Ты сама себя будешь ненавидеть – зачем произносила это, и меня заодно – потому что слушал.

Скарлетт резко отдернула голову. Ее словно жаром обдало.

– Я не смогу тебя ненавидеть – никогда, ни за что! Говорю же: я люблю тебя и я знаю, тебе это далеко не безразлично, потому что... – Она остановилась. Никогда прежде она не видела такого несчастного лица. – Эшли, ведь я нравлюсь тебе, правда? Я тебе небезразлична?

– Да, – сказал он мрачно. – Ты мне небезразлична. Ты мне нравишься.

Она перепугалась. Если бы он заявил, что она ему отвратительна, наверное, хуже не было бы. Онемев от неожиданности, она вцепилась ему в рукав.

– Скарлетт, – тихо сказал он. – Неужели мы не можем уйти отсюда и забыть, что мы вообще упоминали об этом?

– Нет, – выдохнула она. – Я не смогу. И что ты такое говоришь? Ты разве не хочешь, чтобы... не хочешь жениться на мне?

– Я женюсь на Мелани.

Каким-то образом оказалось, что она сидит в низком бархатном кресле, а Эшли, пристроившись на подушку у ее ног, завладел нахально обеими ее руками, крепко их сжимает и говорит нечто невразумительное. В голове у нее было пусто, ни одной мысли, что одолевали ее всего-то минуту назад, и слова его производили не большее впечатление, чем шорох дождя по стеклу. Она их и не слышала, слова падали в пустоту – быстрый, нежный, полный жалости бормоток, как будто отец утешает набившего шишку ребенка.

При имени Мелани она очнулась и заглянула в его прозрачные серые глаза. И увидела в них прежнюю отстраненность, что всегда сбивала ее с толку: сидит чужой и далекий человек, сам себе противный.

– Отец хочет сегодня объявить о помолвке, и скоро свадьба. Нужно было сказать тебе раньше, но я думал, ты знаешь. Я думал, все знают, и давным-давно. Я вообще не представлял себе, что ты... У тебя так много поклонников... Я думал, что Стюарт...

Жизнь возвращалась к ней. Жизнь, ощущения, способность воспринимать окружающее.

– Но ты же сказал, что я тебе нравлюсь, вот только что.

Его теплые руки до боли стиснули ей пальцы.

– Радость моя, зачем тебе слышать вещи, которые причинят тебе страдания. – Ее молчание давило на него. – Ну что мне сделать, чтобы ты поняла. Ты такая юная, ты не хочешь рассуждать и не знаешь, что такое брак.

– Я знаю, что люблю тебя.

– Когда люди такие разные, как мы с тобой, для удачного брака одной любви мало. Ты ведь захочешь, чтобы мужчина принадлежал тебе весь, целиком – душой и телом, умом и сердцем. Если ты того не получишь, ты будешь глубоко несчастна. А я не мог бы отдать тебе всего себя. И никому не смог бы. И сам не хотел бы владеть твоими мыслями и твоей душой. А тебе было бы больно, и кончилось бы все ненавистью и горечью. Тебе стали бы ненавистны мои книги и музыка – то, что я люблю, потому что это уводило бы меня от тебя, пусть и на короткое время. А я... я, может быть...

– Ты любишь ее?

– Она ведь как я, мы с ней одной крови, мы понимаем друг друга. Скарлетт, Скарлетт! Как ты не понимаешь, что в семье не может быть мира и лада, если двое людей так несхожи!

Кто-то еще говорил ей подобное. Что муж и жена должны быть схожи, иначе счастья не видать. Кто же... Кажется, миллион лет прошло с тех пор, а смысл так и не открылся ей.

– Но ты говорил, я тебе нравлюсь.

– Не следовало мне этого говорить.

Где-то глубоко в душе у нее разгоралось пламя, и вскипавшая ярость грозила затопить все остальное.

– Довольно подло, не находишь?

Он побелел.

– Да, я подлец, что говорю это, раз собираюсь жениться на Мелани. Я плохо поступил с тобой и еще хуже – с Мелани. Мне не следовало говорить этого, я ведь знал, что ты не поймешь. К тебе нельзя быть равнодушным, Скарлетт, ты вся – жизнь и страсть, а я... Ты умеешь любить и ненавидеть с неистовой силой, для меня невыносимой. Ты ясная и естественная, как огонь и ветер, как первозданная природа...

Скарлетт представила себе Мелани – кроткие карие глаза с таким нездешним выражением, маленькие смирные ручки в черных кружевных перчатках, благовоспитанное молчание... И ярость прорвалась – та самая ярость, что толкнула Джералда на убийство, а других ирландских предков доводила до преступлений, стоивших им жизни. В ней ничего не было сейчас от благородных Робийяров, умеющих безмолвно, с ледяным спокойствием переносить любые повороты судьбы.

– А почему бы не сказать прямо, что ты трус? Ты просто боишься жениться на мне, тебе лучше будет с этой тупой дурочкой, уж она-то и рта не раскроет, только «да» и «нет», и наплодит тебе целый крольчатник, такой же сладкоречивый, как она сама...

– Нельзя так про Мелани!

– Ах, нельзя-а-а?! Да провались ты со своей Мелани! Кто ты такой, чтоб указывать мне, что можно, а что нельзя! Ты трус, ты подлец, ты заставил меня поверить, что хочешь жениться на мне...

– Ну, будь же справедливой, разве я когда-нибудь...

Но она не желала быть справедливой, хоть и знала, что все так и есть. С ней он ни разу не переступал границы дружбы, и едва она подумала об этом, как поднялась новая волна гнева, порожденная женским самолюбием. Она за ним бегала, а он и знать ее не хотел. Он предпочел ей эту жалкую дурочку Мелани. О, насколько было бы лучше, если б она следовала наставлениям Эллен и Мамми и никогда, никогда не открывалась ему! Чтобы он не узнал, что хотя бы нравится ей. Пусть что угодно, только бы не позориться вот так!

Она вскочила на ноги, он тоже поднялся и теперь возвышался над ней с видом великомученика.

– До самой смерти я буду ненавидеть тебя, знай, подлец, подонок...

Какое слово для него годится? Нет, не может она найти такое, что в полной мере отвечало бы степени его низости!

– Скарлетт, ну пожалуйста...

Он просительно протянул к ней руку, но она отшатнулась и со всего размаху влепила ему звонкую пощечину. Звук, как кнутом, разорвал тишину библиотеки, и вся ее бешеная ярость вмиг пропала, оставив в душе опустошение и скорбь. Красный след от ее ладони четко обозначился на бледном утомленном лице. Он не промолвил ни слова. Прежде чем она успела опять заговорить, Эшли поднес к губам ее безвольную руку и вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Ноги ее не держали, она упала в кресло, совершенно без сил после такой вспышки. Он ушел, а память о его потрясенном лице будет преследовать ее до конца дней. Она слушала приглушенный, замирающий в коридоре звук его шагов – все дальше и дальше, – и осознание непоправимости того, что она натворила, вставало перед ней во всей полноте. Она потеряла его навсегда. Теперь он ее возненавидит и каждый раз при виде ее будет вспоминать, как она вешалась на него, безо всякого с его стороны повода и против его желания.

«Я такая же, как Душечка Уилкс», – подумала Скарлетт и тут же вспомнила, как все вокруг, и больше всех она сама, потешались над Душечкиной навязчивостью, высмеивали ее нелепые ужимки, дурацкое хихиканье и привычку виснуть на рукавах у мальчиков. Эта картинка вызвала новый приступ злости – на себя, на Эшли, на весь белый свет. В иступлении отвергнутой и униженной первой любви, она ненавидела всех и вся. В ее любви совсем мало было истинной нежности – в основном тщеславие и совершеннейшая уверенность в собственной неотразимости. И вот она проиграла. Но куда сильнее, чем чувство потери, был страх, что она сделала из себя публичное зрелище. Неужели с ней так же все всем очевидно, как с Душечкой? Может быть, над ней уже смеются? При этой мысли ее бросило в дрожь.

Она опустила руку на столик рядом с креслом, погладила крохотный фарфоровый кувшинчик с розой и двумя купидонами. В комнате стояла полная тишина, хоть криком кричи. Надо что-то предпринять, а то и с ума сойти недолго. Она схватила кувшинчик и запустила им через всю комнату в сторону камина. Он перелетел через высокую спинку дивана и, судя по звону осколков, попал в мраморную каминную доску.

– А вот это уж чересчур, – раздалось из диванных глубин.

Скарлетт перепугалась, как никогда в жизни, ноги ватные, во рту пересохло. Не в состоянии издать ни звука, она вжалась в кресло, наблюдая оцепенело, как с дивана встает Ретт Батлер и церемонно ей кланяется.

– И без того достаточно скверно, когда послеобеденный сон тревожат таким пассажем, как тот, что я принужден был выслушать, но зачем же еще и подвергать опасности мою жизнь?

Он был настоящий, не призрак, но – святые угодники! – он же все слышал... Она собралась с силами, чтобы вернуть себе хотя бы подобие достоинства.

– Сэр, вам следовало дать знать о своем присутствии.

– Вот как? – Сверкнули белые зубы, дерзкие черные глаза откровенно над ней насмеялись. – Но ведь это вы сюда вторглись. Будучи вынужден дожидаться мистера Кеннеди и чувствуя себя персоной нон грата среди гостей, я сообразил переместить свое нежелательное присутствие сюда, где, как я надеялся, меня не побеспокоят. Но увы!

Он пожал плечами и легко засмеялся. А она опять была на грани срыва. И так уже хуже некуда, а теперь оказывается, что этот грубиян и наглец все знает! Лучше бы она раньше умерла, чем произносить те слова!

– Тот, кто подслушивает... – начала она сердито.

– Частенько имеет возможность узнать немало интересного и поучительного, – перебил он, ухмыляясь во весь рот. – Из долгого шпионского опыта я...

– Сэр, вы не джентльмен.

– В точку! – весело согласился он. – А вы, мисс, не леди.

Кажется, он находит ее очень забавной, раз все время посмеивается!

– Леди никогда не говорят таких слов и не совершают таких опрометчивых поступков, коим я был свидетелем. Однако леди редко привлекают мое внимание надолго. Я знаю, о чем они думают, но им не хватает запала или у них избыток выдержки – в любом случае вслух они этого не скажут. Со временем подобное приедается. А вы, дорогая моя мисс О’Хара, вы девушка редкостного, восхитительного нрава, и я снимаю перед вами шляпу. Для меня непостижимо, какими чарами элегантный мистер Уилкс сумел прельстить девушку вашего темперамента. Ему бы на коленях благодарить Господа за девушку, которая – как это он выразился – «вся жизнь и страсть», а бедняга, будучи обделен природой...

– Да вы недостойны сапоги ему чистить! – крикнула она в запальчивости.

– А вы вроде бы собрались ненавидеть его до конца дней? – Он опустился на диван, и она услышала его смешок.

Если бы она могла убить его, то точно бы это сделала. Вместо этого ей пришлось собрать остатки своего достоинства и выйти из комнаты, бабахнув тяжелой дверью.

Скарлетт взлетела по лестнице с такой скоростью, что на верхней площадке едва не задохнулась. От злости, обиды да еще и от быстрого бега сердце колотилось неистово, словно намеревалось выпрыгнуть из корсета. Чтобы успокоиться, нужно дышать поглубже, а как тут вздохнешь, при такой тугой шнуровке! Если ей станет дурно и ее обнаружат в обмороке на лестнице, то что о ней подумают? Ох, да они что угодно могут вообразить – и Эшли, и этот гадкий тип Батлер, и противные ревнивые девчонки. Впервые в жизни Скарлетт пожалела, что не носит с собой нюхательную соль, как другие девушки, но у нее даже и флакончика никогда не было! Она всегда так гордилась, что ей вообще не бывает плохо! Нет, нет, она просто не может позволить себе сейчас хлопнуться в обморок!

Через минуту она придет в себя, скользнет тихонько в маленькую гардеробную, примыкающую к комнате Индии, распустит корсет и шмыгнет в какую-нибудь постель, рядом со спящими девушками. Она постаралась успокоить сердцебиение и привести лицо в порядок, а то ведь всякий скажет, что вид у нее совершенно сумасшедший. Если хоть кто-то проснется, то сразу догадается, что с ней что-то не так. А этого ни в коем случае нельзя допустить. Никто и никогда не должен узнать, что с ней произошло.

В окно на площадке ей виден был двор, тенистые деревья и беседка. Ничего не изменилось, мужчины так и сидели развалившись в своих креслах. Как она им завидовала! Как здорово быть мужчиной и никогда не подвергаться унижениям, подобным тому, через которое она только что прошла! Пока она так стояла, наблюдая за ними завистливым взглядом и переживая головокружение, до нее донесся быстрый конский топот на подъездной дорожке, брызнул гравий из-под копыт, возбужденный мужской голос спросил о чем-то негра... Опять подковы по гравию, и в поле зрения возник всадник – он пустил коня галопом прямо через лужайку к разморенной группе в тени.

Какой-то гость запоздалый? А к чему скакать по газону, портить дерн – гордость Индии? Скарлетт его не узнала, поняла только, что он крайне чем-то взбудоражен, – в спешке соскочил с лошади, вцепился в плечо Джону Уилксу... И сразу вокруг него образовалась толпа, а бокалы и пальметтовые веера остались позабытыми на столах, на земле. Несмотря на расстояние, ей был слышен взволнованный гул голосов, вопросы, выкрики. Такое впечатление, что у всех мужчин разом началась лихорадка, вмиг достигшая пика. Над мешаниной звуков вдруг взлетел ликующий вопль Стюарта, звонкий, как на охоте:

– Йее-е-йее!

Так впервые в жизни, сама о том не зная, Скарлетт услышала призыв к мятежу.

Она видела, как четверо братьев Тарлтон вырвались из толпы вслед за молодыми Фонтейнами и кинулись к конюшням, вопя на бегу:

– Джимс! Эй, ты, Джимс! Седлай лошадей!

«У кого-то в доме пожар», – подумала Скарлетт. Но пожар не пожар, а ей надобно вернуться в спальню, пока ее не разоблачили. Сердце угомонилось, и она на цыпочках проплыла в тишину коридора. Дом придавила тяжелая, теплая атмосфера спячки. Похоже, и сам дом заснул, чтобы вечером, подобно девушкам, расцвести новой красой – при свечах и под звуки музыки. Осторожно приоткрыв дверь, Скарлетт просочилась в гардеробную. Она еще держалась за ручку, когда уловила сквозь шелку в двери спальни голос Душечки Уилкс, приглушенный почти до шепота:

– По-моему, Скарлетт сегодня вела себя как форменная вертихвостка.

Сердце тут же подпрыгнуло и опять пустилось вскачь, и Скарлетт безотчетно прижала его ладошкой, призывая к смирению. «Тот, кто подслушивает, частенько узнает немало поучительного», – подсказала услужливая память. И что теперь? Выскользнуть так же тихонько или, наоборот, объявиться неожиданно, дать понять, что она все слышала, а Душечке так и надо, пусть выкручивается. Однако другой голос заставил ее помедлить. Она узнала Мелани Гамильтон, и теперь ее не сдвинула бы с места упряжка мулов.

– Ох, Душечка, не надо, – говорила Мелани. – Не будь злокой. По-моему, она просто очень живая и в приподнятом настроении. Прелестная девушка.

«О-о, – чуть не застонала Скарлетт, впиваясь ногтями в корсет. – Иметь в защитниках эту сладкоречивую дурочку? Ну уж нет».

Вынести такое оказалось труднее, чем откровенно злобные выпады Душечки. Скарлетт вообще не доверяла женщинам, полагая, что ни у одной из них, за исключением ее матери, не бывает иных мотивов, кроме эгоистических. Мелани уверена, что Эшли принадлежит ей, вот и позволяет себе этакое христианское всепрощение. Это у нее такой способ продемонстрировать свои завоевания, производя при этом впечатление смиренной крошки. Скарлетт сама постоянно пользовалась этим трюком, обсуждая других девушек в мужском обществе. Действует безотказно, – эти глупцы убеждены, что она славная и милая скромница.

– Ладно же, милая барышня. – Душечка повысила голос. – Ты, должно быть, слепая.

– Ш-ш-ш! Тихо ты, Душка! Тебя слышно по всему дому.

Повинуясь шипению Салли Манро, Душечка заговорила тише, но все в том же духе:

– Вы же видели, как она обхаживает любого, кто под руку подвернется. Даже мистера Кеннеди, а он поклонник ее родной сестры! Ничего подобного в жизни не встречала! И определенно бегаёт за Чарлзом. – Тут Душечка самодовольно хихикнула: – А вы знаете, мы с Чарлзом...

– Нет, правда? – зашелестело со всех сторон.

– Да, только никому не говорите, девочки, рано пока!

Сдавленный смех, прыжки по кроватям, возня – наверное, девчонки принялись тискать Душечку. Мелани пробормотала, как ей повезло – она счастлива будет иметь такую сестру, как Душечка.

– А мне вот, боюсь, не повезет. Не хотела бы я такого счастья – заполучить в сестры Скарлетт. Вертихвостка, каких свет не видывал, – раздался огорченный голос Хетти Тарлтон. – А она запросто может обручиться со Стюартом. Правда, Brent говорит, она его ни в грош не ставит, но Brent ведь и сам по ней с ума сходит.

– А вот если бы спросили меня, – произнесла Душечка, чуть не лопааясь от собственной важности и таинственности, – то я бы вам сказала, что есть один человек, по которому она сохнет. И человек этот – Эшли.

В спальне зашептались яростно, перебивая друг друга, шипя и попискивая, а Скарлетт похолодела от страха. Душечка, конечно, полная дура, в мужчинах не смыслит ничего, но есть

у нее, значит, чутье на женщин, чего Скарлетт недооценила. Горькая обида и болезненный удар по самолюбию, страдания, только что причиненные ей Эшли и Батлером, – это так, ерунда, комариные укусы по сравнению с тем, что ее ждет теперь. На мужчин можно полагаться хотя бы в том смысле, что они умеют молчать, даже такие, как этот тип Батлер. А Душечка... У нее же язык что помело, к шести часам вечера про Скарлетт будет знать все графство. И ведь только вчера вечером Джералд говорил: не бывать тому, чтобы вся округа потешалась над его дочерью. Вот уж теперь над ней посмеются! Липкий пот выступил под мышками и пополз по бокам.

Из общего приглушенного гвалта выделился голос Мелани, ровный и спокойный. Она говорила с легким укором:

– Душечка, тебе же известно, что ничего такого нет. Нехорошо.

– Очень даже есть! И если бы ты, Мелли, не пыжилась находить в людях добро – в тех, в ком добра-то и нет вовсе, – то ты бы тоже поняла. А я вот даже рада, что так получилось. Будет ей урок. Скарлетт О’Хара только и делает, что устраивает всем неприятности и уводит чужих женихов. Ты знаешь прекрасно, что она отобрала у Индии Стюарта, хотя он ей ни к чему. А сегодня пыталась прибрать к рукам еще и мистера Кеннеди, и Эшли, и Чарлза...

«Мне надо домой, – решила Скарлетт. – Скорей домой!»

Ах, если б можно было перенестись волшебным образом в спасительный покой «Тары»! Только бы оказаться рядом с Эллен, увидеть ее, подержаться за юбку, уткнуться в колени и выплакать все! Еще одно словечко из спальни – и она ворвется туда! Вцепится двумя руками в бесцветные, жиденькие Душкины волосенки и плюнет в Мелани – пусть знает, ханжа, что думает Скарлетт про ее великодушие. Нет, довольно уже на сегодня вульгарности, хватит вести себя как белое отребье, – в этом ведь вся и беда-то! И, крепко прижав руками юбки, чтоб не шуршали, Скарлетт неслышно, как зверек, выбралась в коридор. «Домой, домой, – одна только мысль и жила в ней, пока она неслась мимо закрытых дверей и тихих спален. – Мне надо к себе домой!»

Она была уже на парадном крыльце, когда резанула новая мысль: ей нельзя домой! Нельзя скрыться бегством! Придется пройти через все это, вынести злорадство девчонок, стерпеть собственное унижение и сердечную муку. Бежать теперь значило бы дать им дополнительное против себя оружие.

Скарлетт стиснула кулачок и стукнула по высокой белой колонне. Вот бы стать великаном Самсоном и стереть «Двенадцать дубов» с лица земли, разнести вдребезги этот дом вместе с теми, кто в нем. Она заставит их пожалеть. Она им покажет. Она пока не знает в точности, что и как им покажет, но все равно! Она сделает им еще больше, чем они ей.

В какой-то момент был позабыт даже Эшли, Эшли как таковой. Больше не существовало того стройного томного мальчика, которого она любила. Эшли стал просто членом клана Уилксов, частицей «Двенадцати дубов» и одним из жителей графства, а она здесь всех ненавидит – потому что они смеются над ней. В шестнадцать лет тщеславие пересилило любовь, и в горящем ее сердце уже не было места ничему, кроме ненависти.

«Я не уеду домой, – сказала себе Скарлетт. – Я останусь здесь, и они еще пожалеют. И маме ничего не буду рассказывать. Я не буду рассказывать никогда и никому». Сама себя подбадривая, она уже повернулась, чтобы опять подняться наверх и укрыться в другой какой-нибудь спальне, и в этот момент увидела Чарлза, вошедшего в просторный холл с другой стороны. Пунцовый, как герань, и взлохмаченный, он еще издали крикнул ей:

– Вы знаете, да? Слышали, с каким известием Пол Уилсон прискакал из Джонсборо?

Она не ответила, просто стояла молча, вприв в него неподвижный взгляд. Он приблизился и выпалил единым духом:

– Мистер Линкольн объявил призыв людей, то есть солдат, я имею в виду волонтеров, семьдесят пять тысяч, ничего себе, а?

Снова этот мистер Линкольн! Неужели мужчинам не о чем больше думать? О чем-то действительно существенном? Она стоит тут с разбитым сердцем и загубленной репутацией, а этот глупец ожидает, что она сейчас всплеснет ручками и разохается по поводу выходок мистера Линкольна.

Чарлз уставился на нее: лицо белей бумаги, глаза сузились и сверкают, как изумруды. Никогда он не видел такого огня в девичьем облике, такого сияния в глазах.

– Я страшно неловок, – вымолвил он. – Мне следовало сообщить как-то помягче, я забыл – ведь дамы так нежны. Простите, что огорчил вас. Вы хорошо себя чувствуете? У вас не обморок, нет? Могу я предложить вам стакан воды?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.